

**СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Филологические науки

Исторические науки

Журналистика

ISSN 2306-8450

Вестник
Сыктывкарского
университета

2(34)2025

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал) Выходит 2 раза в год	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 2(34) 2025
--	--	---

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Жаравина Л. В. В. В. Розанов в литературном контексте XXI века: «Одсун. Роман без границ» А. Н. Варламова	4
Краева Н. В. Сохранение и популяризация культурного наследия в музейном пространстве	19
Романова Е. А., Паршукова Н. А. Русское сродство или немецкая генетика? К истокам образа магистра Гомозейки в цикле В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки»	28
Семикина Ю. Г. Осмысление успешности женщины в романах М. Арбатовой и О. Славниковой	45
Старицын А. Н. Мяндины из Выгозерского погоста	53
Урманчеева И. С., Попов И. А. Фразеологические кальки английского происхождения в русском языке	58
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ	
Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова: сборник № 28	75
Скутельник Р. Н. Печорские сказания о первых иудейских патриархах Аврааме, Исааке и Иакове (по двум рукописям из усть-цилемского собрания ИРЛИ)	82

Bulletin of Syktyvkar University (Science Magazine) Published 2 times a year	Humanities Series PHILOLOGICAL SCIENCES HISTORICAL SCIENCES JOURNALISM	12+ ISSN 2306-8450 Issue 2(34) 2025
---	--	--

CONTENTS

RESEARCHES

Zharavina L. V. V. V. Rozanov in the literary context of the 21st century: “Odsun. A novel without borders” by A. N. Varlamov	4
Kraeva N. V. Preservation and Popularization of Cultural Heritage in the Museum Space	19
Romanova E. A., Parshukova N. A. Russian affinity or German Genetics? To the origins of Master Gomozeiko image in V. F. Odoevsky's cycle “Motley Tales”	28
Semikina Yu.G. Comprehension of women’s success in the novels by M. Arbatova and O. Slavnikova	45
Staritsyn A. N. The Myandins from the Vygozersky Pogost	53
Urmancheeva I. S., Popov I. A. Phraseological calques of English origin in Russian	58

PUBLICATION OF SOURCES

Melikhov M. V. Handwritten collections of S. A. Nosov: Collection No. 28	75
Skutelnik R. N. Myandian manuscripts of Old Testament stories about the first Jewish patriarchs	82

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»**
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2025. Выпуск 2(34). 95 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

Кобелева И. А., д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина
Обшанская С. Е., начальник международного отдела, старший преподаватель
кафедры иностранных языков СГУ им. Питирима Сорокина

Адрес редакции:

167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
Тел./факс 8 (8212) 390-397

Редактор *Е. М. Насирова*
Корректор *О. В. Габова*
Верстка и техническое редактирование *А. А. Ергаковой*
Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 09.12.2025. Дата выхода в свет 24.12.2025.
Формат 70x108/16. Усл. п. л. 11,0.
Заказ № 95. Тираж 27 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Коми республиканская типография»,
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81
knigikomi@komitip.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

Научная статья / Article

УДК 821.161.1.09"2018/2024"

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-4>

В. В. Розанов в литературном контексте XXI века: «Одсун. Роман без границ» А. Н. Варламова

Лариса Владимировна Жаравина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия,
zharavinal@mail.ru

***Аннотация.** На материале произведения А. Н. Варламова «Одсун. Роман без границ» раскрыты «следы» присутствия розановского феномена в практике современного художественного письма. Обоснована целесообразность интерпретации характерологической системы романа современного автора в проекции на архитектуру лабиринта в концептуально-психологическом измерении, теорию энтелехии и модель ризомы как интеграторов специфических особенностей философско-религиозной и социально-этической прозы В. В. Розанова. Идеино-образный параллелизм рассмотрен на уровне экзистенциального содержания в аспекте эволюции от структурированного бытия к пластичному и нестабильному миру модерна и постмодерна.*

***Ключевые слова: и словосочетания:** Варламов, герой-ризома, постмодернизм, психологический лабиринт, Розанов, художественная типология*

Для цитирования: Жаравина Л. В. В. В. Розанов в литературном контексте XXI века: «Одсун. Роман без границ» А. Н. Варламова // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 4–18. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-4>

V. V. Rozanov in the literary context of the 21st century: “Odsun. A novel without borders” by A. N. Varlamov

Larisa V. Zharavina

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia,
zharavinal@mail.ru

***Abstract.** Using the material of A. N. Varlamov's work "Odsun. A Novel Without Borders", the "traces" of the Rozanovian phenomenon in contemporary artistic writing practices are revealed. The expediency of interpreting the characterological system of the contemporary author's*

novel is substantiated through the projection onto the architectonics of the labyrinth in the conceptual-psychological dimension, the theory of entelechy, and the rhizome model as integrators of the specific features of V. V. Rozanov's philosophical-religious and socio-ethical prose. Ideational-imagery parallelism is examined at the level of existential content in the aspect of evolution from structured being to the plastic and unstable world of modern and postmodern.

Keywords: *Varlamov, rhizome hero, postmodernism, psychological labyrinth, Rozanov, artistic typology*

For citation: Zharavina L. V. V. V. Rozanov in the literary context of the 21st century: "Odsun. A novel without borders" by A. N. Varlamov. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2025; 2: 4–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-4>

Как известно, В. В. Розанов не только не избегал невыигрышных и дискомфортных ситуаций, но и намеренно провоцировал их. Так, задавшись весьма двусмысленным вопросом: «Есть ли я “великий писатель”?»), он отвечал уверенно и однозначно: «Да». Причину же столь высокой самооценки объяснял так: величие «не есть “ум”, “талант”, “хорошее сердце” и даже “добропорядочный путь” <...> я думаю, что “великий писатель” во мне есть потому, — что я не знаю ничего в себе, что не ложилось бы “в литературу”» [Розанов, 1998, с. 224–225].

И действительно, еще при жизни скандально известный автор вошел в галерею литературных персонажей, обладающих однозначно устойчивым комплексом личностных характеристик. С кем только не сравнивали и не отождествляли его: с Порфирием (Иудушкой) Головлевым, Фомой Опискиным, Акакием Акакиевичем Башмачкиным и одновременно с Хлестаковым, Великим инквизитором и человеком из подполья, со Смердяковым и Лизаветой смердящей, Свидригайловым и Голядкиным, Федором Павловичем Карамазовым и Шатовым, «человеком в футляре» Беликовым и Передоновым из «Мелкого беса» Федора Сологуба. Подобные сопоставления, как правило, основывались чаще всего на преувеличении нелицеприятных качеств, выставленных самим писателем на публичное обозрение.

Розанова действительно нетрудно представить в амплу большинства перечисленных персонажей. Тем не менее суть дела не только в добровольно применяемых или навешиваемых извне литературных масках. Речь должна идти о большем: о его беспрецедентной роли в процессе литературизации сознания как одного из основополагающих принципов модернистского и постмодернистского художественного письма. Причем имеются в виду и структурно-формальные особенности розановской прозы (коллажность, аллюзионность, интертекстуальность, жанрово-стилевая хаотичность, фрагментарно-ассоциативная наррация и т. п.), и способ личностного представления в тексте, не всегда обозначенный, но достаточно ясно прочитываемый. Поистине: «Вся личность и вся жизнь превращена в литературу...» [Розанов, 1994, с. 91].

С этих позиций мы и будем характеризовать розановский «след» в произведении Алексея Варламова «Одсун. Роман без границ» (2024), удостоенном престижной российской премии «Большая книга».

Острота поднятой автором темы, непосредственно соотносящейся с событиями сегодняшнего дня, породила различные интерпретации и оценки, приведение которых к общему знаменателю — задача будущего. Но и на данный момент очевидно, что, помимо прочего, «Одсун» — роман-лабиринт. Поэтому читателю, пытающемуся разобраться в запутанных сюжетно-образных перипетиях и хронотологических схождениях и расхождениях, целесообразно прислушаться к Умберто Эко: «Входить в роман — все равно, что участвовать в восхождении. Надо выработать дыхание, наладить шаг» [Эко, 2007, с. 47]. «По форме это “грустный травелог” [Варламов, 2024, с. 12], а по сути — монолог-исповедь, монолог-рефлексия, исполненный древнейшего смысла: *познать самого себя*. И хорошо известно, что лабиринты души тернисты и коварны» [Жаравина, 2024, с. 173].

Сопряжение имен Розанов/Варламов закономерен. В творчестве современного писателя, продолжающего традиции реалистического канона и вместе с тем толерантного к постмодернистским веяниям, Василию Розанову, мыслителю, писателю и эссеисту начала XX века, отведено достойное место. Его биографии посвящены книги, вышедшие в 2022 году: «Розанов» (серия ЖЗЛ) и «Имя Розанова» (изд-во «Молодая гвардия»). Без упоминания о нем не обошлись жизнеописания деятелей русской культуры Серебряного века, прежде всего М. М. Пришвина. В качестве литературного персонажа Розанов выведен в произведении Варламова «Мысленный волк» (2019). И хотя в новом «романе без границ» имя писателя отсутствует, розановский феномен, на наш взгляд, способен дать верный «ключ» к прочтению и осмыслению этого непростого произведения.

Прежде всего озадачивает вынесенный в заглавие малоизвестный широкой читательской аудитории термин *одсун*, в переводе с чешского языка означающий *перемещение, выселение, вывод*. Имеются в виду события послевоенной Чехии, с энтузиазмом откликнувшейся на решение Постдамской конференции (1945) о целесообразности выселения этнических немцев из Судет — пограничного с Польшей района. Принудительная экспатриация обернулась геноцидом двухмиллионного коренного населения, подвергнувшегося немилосердным унижениям и беспощадным репрессиям.

В «силезскую глухомань», еще живущую в 2018 году памятью о прошлом, в силу непредвиденного стечения обстоятельств попадает сорокадевятилетний москвич Вячеслав. За его плечами — благополучное детство в подмосковной Купавне, английская спецшкола в Москве, филфак МГУ, катаклизмы горбачевской перестройки, скучная работа в крупном столичном издательстве, отстраненное восприятие происходящего на «ошалевшей Украине» и ... отчаянная любовь, последовательно прошедшая через безрассудство юношеской страсти, эмоционально-душевное охлаждение и казавшийся окончательным разрыв отношений. Избранницей Вячеслава была Катя Фуфаева — уроженка Чернобыля, ставшая сначала москвичкой, студенткой Литинститута, а затем героиней Майдана, сменившей русское имя на Катэрыну Франчук, чей жизненный путь, согласно придуманной биографии, никогда не пересекался с Россией. Но именно благодаря ей, уже

вышедшей на новый этап духовного развития и ринувшейся безоглядно разоблачать преступления «киевской знати», Вячеслав оказывается в Судетах как промежуточном пункте в Оломоуц, месте планируемого соединения любящих.

Сейчас герой «неубедительно, но с достоинством» представляется «экстраординарным профессором» Оломоуцкого университета, приглашенным читать лекции «по истории постсоветского постмодернизма» [Варламов, 2024, с. 9]. У «профессора» в кармане фальшивое приглашение на работу, организованное другом детства, и просроченная виза, за продление которой предстоит упорно бороться, чтобы добиться «поволения на побыт» (вида на жительство). К счастью, нелегал и «бездомник» находит поддержку у православного священника, бывшего советского военнослужащего, и хозяина местного трактира «Зеленая жаба», этнического грека. Многочасовые же пешие прогулки по холмистой местности дают ему возможность ощутить себя «частью» пейзажа и порождают иллюзию внутренней и внешней свободы: «Иду, не понимая, где нахожусь <...> и не ведаю, в какую страну попал, в какую эпоху, сколько границ успел пересечь и к какому морю выйду» [Там же, с. 76]. На этом фоне и ведется рассказ об исполненной драматизма love story.

Василий Васильевич Розанов вспоминается в данной ситуации по нескольким причинам. Во-первых, в молодые годы он сам был заложником мучительной и роковой любви к Аполлинару Суловой, женщине с «инфернальной душой». Во-вторых, познал и «чад» Первой мировой войны, и апокалипсис двух русских революций, поставивших Россию на грань самоуничтожения. «Таков закон жизни, что все крупное — трудно, всякое героическое — тяжело, и нет величественного, которое достигалось бы без жертв» [Розанов, 2008, с. 27]. «Идиллия на вулкане» — иронически озаглавил писатель один из опусов 1918 года.

Но самое главное — на протяжении всей жизни Розанов не покидало состояние духовного изгойства. Вот характерное признание: «Все мне чуждо, и какой-то странной, на роду написанной, отчужденностью. Что бы я ни делал, кого бы ни видел — не могу ни с чем слиться. “Несовокупляющийся человек”, — духовно. Человек solo» [Розанов, 1994, с. 241]. Отсюда проистекало осознание сначала своей «недоброкачественности», а потом «избыточности»: «заштампованный человек» [Розанов, 2010б, с. 268]. «Есть люди, которые рождаются “ладно” и которые рождаются “не ладно”. Я рожден “не ладно”: и от этого такая странная, колючая биография, но довольно любопытная. “Не ладно” рожденный человек всегда чувствует себя “не в своем месте”: вот, именно, как я всегда чувствовал себя» [Там же, с. 193].

Философ писал о возможности человека вобрать в себя временные и пространственные параметры вселенского бытия, и в сознании героя Варламова реализуется похожая многослойность. «Нас никто не звал и не избирал, мы сошлись в судетских горах в эту таинственную летнюю ночь и бредем из одного столетия в другое, из старой истории в новую, натываясь, сталкиваясь, узнавая и не узнавая друг друга» [Варламов, 2024, с. 528–529]. *Мы* — это Адам, депортированный «вместе с женой за плохое поведение из рая», Ной, Моисей, Иосиф и его братья,

Иосиф Обручник с Марией и младенцем Иисусом, Кирилл и Мефодий... [Там же, с. 524]. И так до сегодняшних беженцев, скитальцев, изгнанников, эмигрантов, нелегалов... Всё это модификации одного архетипа *изгоя, беглеца, жертв перманентного и нескончаемого одсуна*.

Героя Варламова обступают «тени» погибших обитателей Судет, он слышит их смех, «чужую грубую речь», общается с призраками, существующими в его «воспаленном мозгу» [Там же, с. 447].

В подобных случаях целесообразно говорить об измененном состоянии сознания персонажа, которое с учетом его вовлеченности в судьбоносные перипетии судетских немцев вполне может быть конкретизировано в ракурсе понятия Angst, «особо выделенного в немецкой культуре». Angst, как пишет А. Вежбицкая, «есть что-то особенное, нечто такое, что требует поэтому специального объяснения» [Вежбицкая, 1999, с. 565, 568]. Это «особенное» уходит корнями в историю, философию, психологию и, что особенно значимо, в теологию. В итоге формируется концепт, который в силу своей универсальности сопрягает в единую комбинацию понятия *тревога, страх, испуг, депрессия, душевное расстройство* и т. п. с акцентом на эсхатологии: страх перед Судным Днем [Там же, с. 547–610].

Разумеется, от героя «Одсуна», хотя и озабоченного время от времени апокалиптическими проблемами, метафизическая основа переживаемого им «страха и трепета» (С. Кьеркегор) была скрыта. И тем не менее он испытывает состояние Angst, хотя и не во всем многообразии психоэмоциональных оттенков.

В этой связи вновь возникают моменты, сближающие варламовского персонажа с Розановым, чье умонастроение в определенной степени также было подвержено воздействию аналогичного комплекса. Однако следует подчеркнуть: речь идет об *образе Розанова*, каковым он предстает в авторской самопрезентации.

Так, в юношеские годы писателем владел страх «поименный», источником которого были самовнушаемые ощущения недовольства собой, своим внешним видом. «Неестественно отвратительная фамилия», «мизерабельный вид», пролитые перед зеркалом слезы из-за красного лица, сухой кожи, волос «прямо огненного цвета» — это и многое другое порождало тревогу и депрессию [Розанов, 2010б, с. 19]. Даже в преддверии своего 60-летия Розанов не преминул отметить вызывающие раздражение пальцы-«коротышки», «невероятно быстро отрастающие» маслянисто-прозрачные ногти, маленькие ступни-«недомерки», «преотвратную походку», имеющую «какой-то таинственный внутренний параллелизм» со «взглядом вперед» и т. п. [Розанов, 2008, с. 97].

А далее идет по нарастающей: страх не добиться чьего-либо расположения сопровождается мыслями о социальной непригодности, возможностью оказаться не у дел, не на своем месте: «Я не нужен: ни в чем я так не уверен, как в том, что *я не нужен*». Любопытно, что это глубоко выстраданная сокровенная запись, как, впрочем, и многие другие, делается «*на обороте транспаранта*» [Розанов, 2010б, с. 37], т. е. как бы выставляется на *всеобщее обозрение*.

Экзистенциальные переживания поддерживаются сомнениями в своей мужской несостоятельности: кажется недостижимой искренняя женская любовь, но

еще в большей степени пугает угроза не оставить потомства, «над миром» пройти «без шума и следа» (Лермонтов). Высшей же точкой градационного накала страстей становится чувство богооставленности, вылившееся в *мистический Angst*: «Боже, Боже, зачем Ты забыл меня? Разве Ты не знаешь, что всякий раз, как Ты забываешь меня, я теряюсь» [Там же, с. 41]. В итоге формируется своеобразная *Иов-ситуация*, в основе которой лежит переживание незаслуженной внезапной катастрофы, иррациональной в своих истоках и фатально непреодолимой.

«Жил как в бреду», — признается герой Варламов [Варламов, 2024, с. 331]. Как и Розанов, он позиционирует себя в крайне непривлекательном виде: «помятый», немолодой «облезлый мужик» в серой куртке, с одышкой и «отвратительным привкусом во рту», с грустными бессонными глазами, в которых «было больше укоризны, чем кротости» [Там же, с. 15]. «Должно быть, я достиг того возраста, когда душа уже не просит ничего нового, а больше всего хочет вернуться в прошлое и делать то, что любила тогда» [Там же, с. 131]. Но повернуть назад, конечно, невозможно.

Однако, в отличие от негативно настроенного литературного героя, у Розанова, наряду с мыслью о богооставленности, не менее активно проявлялось ощущение Божьего соизволения:

Б<ог> всего меня позолотил.

Чувствую это...

Боже, до чего чувствую [Розанов, 2010б, с. 48].

Для религиозно ориентированного человека подобное единство закономерно, поскольку мрак Синая и свет Фавора — звенья одной цепи. Одновременное восприятие света и тьмы с четким разграничением их дается лишь тем, кто способен подняться над реальностью и духовно «освободиться от плена ее» [Зеньковский, 1992, с. 232].

Для Розанова духовное освобождение стало возможным в силу многих реалий, имеющих непреходящее значение. В свое время они были «поименно» перечислены Пушкиным: «поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические, семья, любовь et cetera. Религия, смерть» [Пушкин, 1957, с. 521]. Дом Розанова был тем самым Домом, границы которого, размежевая внешний и внутренний миры, разделяли добро и зло на всех уровнях бытия. «Не сходи с лестницы своего дома — там зло», — предупреждал он самого себя [Розанов, 2010б, с. 279].

Герой же Варламова принципиально бездомен: «<...> Я задыхаюсь <...> меня мутит, гнетет изнутри тревога <...>», — жалуется он [Варламов, 2024, с. 417–418]. Впрочем, и Розанов признавался: «Я задыхаюсь в мысли. И как мне приятно жить в таком задыхании. Вот отчего жизнь моя сквозь тернии и слезы есть все-таки наслаждение» [Розанов, 2010б, с. 36]. Как видим, моменты сближения (даже в словесном выражении) оказываются в то же время моментами разъединения. Более всего подобное двуединство ощущается в отношении к вопросам религии и веры.

Варламов многократно подчеркивает бесчувственный прагматизм своего героя, который в юношеские годы читал Священное Писание с сигаретой во рту.

И дело не только в выкуренной сигарете. Евангельский текст воспринимался персонажем, по его словам, как «триллер, драма, психологический детектив» [Варламов, 2024, с. 106]. А увлекшись библейскими притчами, Вячеслав сводил их метафизический смысл к житейским коллизиям. Признаваясь, например, в неспособности понять притчу о мудрых и неразумных девах, он рассуждает: «<...> так ли уж велик проступок пятерых девушек, у которых не оказалось масла, чтобы навсегда оставить их за дверью брачного пира? И разве их боголюбивые сестры не могли с ними поделиться?» [Там же, с. 108].

Но, пожалуй, наиболее выразительна ситуация, переживаемая в чешских Судетах. Вячеслав не мог понять священника, служащего в пустой церкви. В самом деле, зачем служить, если нет прихожан? Но, все же испытывая какой-то тайный интерес к церковной службе («Эти вещи меня волнуют, я верую в них, как умею <...>»), он не отваживается зайти в храм и стоит в преддверии, «когда в храме никого нет, и только зеленая лягушка прискакивает из ручья, садится на пороге, но не решается его пересечь» [Там же, с. 109]. Сравнение с лягушкой несет отпечаток не столько комизма, сколько горькой самоиронии. Герой большей частью оказывается на полпути к чему-то: недосказал, недоделал, не додумался, не доглядел, недооценил и т. п. Остановился на полпути...

Казалось бы, и Розанов (мы говорим о розановском типе, который, конечно, проецируется на личность философа, но иногда косвенно, не прямо) испытывал нечто подобное и даже в еще более резкой форме: «Отроду я никогда не любил читать Евангелия. Не влекло. Читал — учась и потом — но ничего особенного не находил. Чудеса (все “победы” над природой) меня не поражали и даже не занимали». По его словам, он «не мог насытиться» Ветхим Заветом и рассказ о вдове из Сарепты Сидоиской казался ему «более христианским, чем все христианство» [Розанов, 2010б, с. 131].

Более того, и ему была введена архетипичная и апокалиптическая ситуация ожидания: т. е. стояние *на пороге*, в *преддверии* чего-либо, ассоциирующееся с пророчествами «близ есть, при дверях...». Отсюда названия сборников и отдельных статей: «Около трудных религиозных тем», «Около церковных стен», «Около народной души». «Я пролетал около тем, но не летел на темы. Самый полет — вот моя жизнь. Темы — “как во сне”» [Там же, с. 77].

Около — т. е. рядом, близко, подле, но никак не внутри, не среди, не в средоточии. Окольный путь, окольные речи, околичность — все это не прямое, обходное, уводящее в сторону от сути, притворное и лукавое. Или еще более откровенные признания: «Собственно, *непосредственно слит с церковью* я никогда не был (в детстве, юношей, зрелым) ... Я всегда был *зрителем* в ней, *стоятелем* — хотящим помолиться, но не и уже молящимся <...> и тут я был “иностранец”, — “восхищенный Анахарсисом”, как в политике, увы, как — *во всем*» [Там же, с. 115]. Или: «И тоскуешь, плачешь *без лицемерия*, и истину выражает странное “на пороге”, “от церкви *не* отхожу” и “в церковь *не* вхожу”, что-то промежуточное, что-то ужасное, что особенно под старость ужасно томит, потому что под старость

хочешь покоя и уверенности, хочешь не “*ходить*”, а “*сидеть*”» [Розанов, 2010а, с. 285].

И тем не менее у Розанова был экзистенциальный опыт, завершающийся его приходом к Церкви как экклесии *будущего*. По его словам, он не мог слушать без слез певчих «с “*Благословен Грядый во имя Господне*”». «<...> Это мне казалось зовом, к чему-то другому относящимся. К Будущему и вместе с тем к Прежде Покинутому» [Розанов, 2010б, с. 131].

Свое стояние *около* храма писатель объяснял не индифферентностью, но интимно личным, глубоко сокровенным отношением к вопросам религии: «В конце концов, Бог — моя жизнь. Я только живу для Него, через Него. Вне Бога — меня нет <...>. Так что же Он такое для меня? Моя вечная грусть и радость» [Там же, с. 34]. И впоследствии, порицая свое «религиозное высокомерие», с сожалением констатировал: «Не *дотягивал* я многого в церкви. Редко ходил с детьми в церковь. Но это «редко» так счастливо вспоминается. Это свет» [Там же, с. 131, 319]. Отсюда истоки твердой уверенности: «Конечно, я умру *все-таки* с Церковью, конечно» [Там же, с. 164].

Так и получилось: писатель предстал перед Всевышним с покровцом от мощей Сергия Радонежского, который был возложен на голову умирающего. «В моем смирении — моя вечность», — сказал он однажды [Розанов, 1994, с. 63].

Впрочем, и герой романа Варламова имел непосредственную возможность соприкоснуться с вечностью только в «мирском» варианте. В лабиринт «пересечения людских судеб» его погружала работа с архивными папками. Феномен «обыкновенного бессмертия», скрытый в них, несколько примирял со скучной службой, однако это был обманный выход в инобытие, и свою жизненную роль персонаж определял как «роль прихлебателя при богатом человеке» [Варламов, 2024, с. 23].

Наиболее проблематичным является, пожалуй, вопрос о литературном типе, к которому можно отнести Вячеслава. Как отмечалось выше, его пригласили в Оломоуцкий университет читать лекции «по истории постсоветского постмодернизма». Формулировка темы не случайна: именно префиксу *post-*, считавшемуся некогда малопродуктивным, суждено было сыграть ведущую роль в личностном становлении персонажа.

В 2016 г. в Оксфорде «словом года» было провозглашено слово *post-truth* (*пост-правда*), что означает не отказ от истины, но утверждение «множественности» истин и «субъектов, претендующих на право эти истины провозглашать» [Шевченко, 2019, с. 9]. Но двумя десятилетиями раньше в лексикон российского жителя, в том числе и варламовских персонажей, уверенно вошли терминологические обозначения: *постсоветский*, *посттоталитарный*, *постимперский*, *посткоммунистический*, *постчернобыльский* и т. п. И, конечно, исходным понятием в спорах о новом искусстве на первый план вышло понятие *постмодернизма*. Роль Розанова в литературизации постмодернистского письма, о чем говорилось вначале, не сводится к отдельным средствам художественной выразительности. Она предполагает акцент на главном — образе-субъекте, будь то *литературный герой*, *персонаж*, *действующее лицо*, *актант* или *образ автора*.

Опираясь на новейший постмодернистский дискурс, мы считаем возможным закрепить за уникальной личностью Розанова статус человека-*ризомы*. В антропологическом измерении ризоматичность предполагает разнонаправленность характерологических проявлений, их хитросплетение, путаницу антиномий и противоречий, тяготение к иррационализму и логической незаконченности как основе человеческой экзистенции — т. е. все то, в чем упрекали писателя современники, видя в нем вместилище грехов и пороков.

Сам же Розанов имел основание считать себя «многообъемной» личностью, ускользающей от однозначных определений: «Да просто я не имею формы (*causa formalis* Аристотеля). Какой-то “комочек” или “мочалка”» [Розанов, 2010б, с. 20]; «Все увязало в моей бесформенности (как охотник в болоте)» [Там же, с. 322]; «Душа моя какая-то *путаница*, из которой я не умею *вытащить ногу*...» [Там же, с. 119]. «Душа моя как расплетающаяся нить <...>. Вся “разлезается”, и ничего ею укрепить нельзя» и т. п. [Там же, с. 322, 119, 312] — таковы итоги розановского самоанализа.

Мочалка, клубок растрепанных нитей, мох, водоросли, древесные корни-щупальца, лишай, луковицы, кочан капусты... Апелляция к этим классическим разновидностям ризомы (*семеро одежек и все без застежек*) обладает у Розанова аксиологической направленностью. «Я и беду людей измеряю мокрою репкою (лук репчатый, — т. е. этими репками, прослойками)» [Розанов, 2000б, с. 178; см. Жаравина, 2025].

Поэтому и выпала на долю Розанова возможность одновременно (*разом*) исполнять «роли» консерватора и разрушителя нравственности, врага Церкви и охранителя православных устоев, юродивого и гения, сохранив при этом свое «я». А. М. Ремизов, близко соприкоснувшийся с философом, так определил его натуру: «Человек измеряется в высоту и ширину. А есть и еще мера — рост боковой <...>. Но без этого Розанов — не Розанов» [Ремизов, 2011, с. 6].

И это суждение о «боковом» росте Розанова — еще одно подтверждение его ризоматичности. Ризома действительно распространяется на плоскости по ширине, а если рассматривать ризоматическую модель в характерологическом плане, то следует выделить прежде всего плоскостные связи в структуре личности. Существует даже понятие «человек с плоскостным типом мышления».

Принципиально и розановское рассуждение о содержании горизонтальных и вертикальных «созерцаний», имеющих место как в общей истории человечества, так и в судьбе отдельной личности. Пространственной горизонтальностью и «беспорывной природой» восточноевропейской равнины философ объяснял, например, толстовство, считая его проявлением равнинной «русской стихии» [Розанов, 2010б, с. 36].

Анализируя подобные суждения, отметим их близость к христианской антропологии и психологии. Православная традиция, ориентированная на «аксиомы религиозного опыта» (название трактата И. А. Ильина), различает вертикальный и горизонтальный личностные типы [Кочетков, 2022, с. 12–43]. Вертикальный человек — как правило, лидер и максималист, ориентирующийся на

четко структурированную иерархию ценностей. Человек горизонтали — конформист с развитой чувственно-душевной организацией; его «я» аморфно, трансформативно, обтекаемо.

Сам Розанов объединил горизонтально-плоскостное и вертикально-стволовое мышление. Его многомерность позволяет говорить о ментально-образной *голографии*, поскольку в стремлении осмыслить все происходящее *сейчас* и *сразу* лежало представление о части как репрезентанте целого и наоборот. Поэтому творческий путь Розанова — не линейное поэтапное продвижение от одного к другому, но возрастающее в своей активности «самонакручивание» и саморасширение, проявляющиеся в количественном увеличении и качественном утяжелении взятых на себя функций-«ролей».

Что касается героя Варламова, то ни в коей мере не могут быть поставлены под сомнение его интеллект и врожденная благопристойность. Персонажу доступно упоение высотой, хотя и на телесно-физическом уровне. В Судетах, по его признанию, он, подобно священнику, служащему в храме, чувствовал «вертикаль» [Варламов, 2024, с. 75].

И все же горизонтальное начало в герое превалировало. Описывая свое приращение на московской окраине, Вячеслав заметил, что оно располагалось в низовье Москвы-реки, «куда стекала вся столичная грязь»: «но ничего другого я, видимо, не заслужил и справедливо сам скатился вниз по течению» [Там же, с. 428]. Впрочем, о своей «текучести» говорил и Розанов: «Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно» [Розанов, 2010б, с. 13].

«Влажная» и «текучая» структура розановской мысли [Грякалов, 2017, с. 66] делает философа единомышленником британского социолога З. Баумана, чья книга «Текучая современность» («Liquid Modernity») в последнее десятилетие приобрела широкую популярность как на Западе, так и в России. *Текучая современность* — метафора, с помощью которой автор анализирует свершившийся в XXI веке переход от структурированного, жесткого, скованного цепью условностей бытия к миру модерна и постмодерна, т. е. пластичному, неустойчивому, нестабильному существованию.

Нам представляется, что некоторые социологические постулаты Баумана имеют антропологическое измерение и могут быть непосредственно спроецированы на ризоматический тип личности. Но если «текучесть» Розанова — преддверие эпохи-*пост*-, то аморфность варламовского персонажа — ее следствие. Но в том и другом случае конкретно историческое измерение налицо.

Символично, что одна из глав книги названа «Горячо — холодно». Не примыкая ни к одному из этих полюсов, Вячеслав мечется между крайностями, поддерживая добровольно взятый и удобный имидж «либерального ватника с неизжитыми имперскими комплексами» [Варламов, 2024, с. 470]. Напрашивается евангельский постулат о пагубности *теплохладности*: «<...> о, если бы ты был холоден, или горяч!» (Откр.: гл. 3, ст. 15).

Помимо префикса *пост*-, следует обратить внимание на морфему *недо*-. «У тебя болезнь века — недорослизм»; «Недоросль, инфант!» [Варламов, 2024,

с. 101, 474] — говорят о Владиславе встреченные им женщины и называют его детскими именами: Вячик, Славик. Но в этой связи вспоминаются некоторые из 47 псевдонимов Розанова. *Варварин, Василий Варварин, В. Варварин* прямо отсылают к имени жены («мамочки» и «друга»), на чью надежность Розанов полагался с абсолютной (детской) доверчивостью: «Самый смысл мой осмыслился через “друга” <...>. Я получил речь, полет, силу» [Розанов, 2010б, с. 157]. Такие же «имянаречения», как *Ветерок, Мнимо упавший со стула, Дачник из Териок* и т. п., вообще лишены «взрослой» серьезности и открыто несут игровую семантику. В автобиографической статье, написанной к шестидесятилетию и озаглавленной «*Puer Aeternus*» («Вечный мальчик»), Розанов пишет о проказе как главной «страсти»: «<...> чувствую себя все тем же рует, как всю жизнь и вот до сих пор <...>. У меня никакой нет склонности к серьезному поведению!!» [Розанов, 2008, с. 92].

Недо- в таких случаях выходит за пределы морфемной единицы и означают недоговоренное, недосказанное, незавершенное. То же самое касается и приставки *полу-*, которую Розанов использовал, отрицательно оценивая ряд «полуидей» и «полужеланий», «полумысль» и «полумечту» как источник напряженности в жизни современного общества [Там же, с. 108–109]. Но при этом писатель не отрицал и собственной недоовоплощенности: «У меня дух вовсе не полный», — писал он, отмечая в противовес «необыкновенную полноту пушкинского духа» [Розанов, 2010б, с. 129].

Так и варламовский персонаж живет полумечтой, полунадеждой, ощущает свою личностную незавершенность, становится жертвой собственной нерешительности.

Если образ героя текуч и размыт, то его «вечная» возлюбленная выписана графически контурно и выпукло. Цельный и однонаправленный женский характер противопоставлен в романе мужской ризоматичности. Однако и здесь не обошлось без Розанова.

Имеется в виду философская концепция энтелехии, связанная с мотивно-образным комплексом *бабочки (мотылька)*. «В фазах насекомого, — утверждал Розанов, — даны фазы мировой жизни. Гусеница: — “мы ползаем, жрем, тусклы и недвижимы”. — “Куколка» — это гроб и смерть, гроб и прозябание, гроб и обещание. — Мотылек — это “душа”, погруженная в мировой эфир, летающая, знающая только солнце <...>» [Розанов, 1996, с. 432].

Можно сказать, что розановская бабочка порхает на страницах романа «Одсун» в прямом и переносном смыслах. Прежде всего имеется в виду *закон (эпифект) бабочки*, приверженцем которого является сам герой. Размышляя о том, «из каких мелочей складываются большие события», Вячеслав уверен, что ставшая украинкой Катя Фуфаева явилась «той соломинкой, которая сломала хребет верблюду, или, если угодно, той бабочкой, чей взмах крыла вызвал цунами». «Ведь если бы она не пошла учиться и не выучила этот ласковый, трогательный язык <...> то, быть может, и не было бы никакого Майдана» [Варламов, 2024, с. 116–117]. Разумеется, серьезно воспринять подобные откровения, идущие от лица

«недоросля» и «инфанта», невозможно. Тем не менее аналогия *Катя* — *бабочка* вполне правомерна.

К своей *энтелехии*, т. е. завершенной и полной самоосуществленности, недоступной Вячеславу, героиня романа идет целенаправленно и последовательно. Желание юной девушки «спасти землю» «не понарошку, а на самом деле» коренилось в «твердости ее возражения», перфекционизме, азарте, даже хищности, что не мешало Кате быть «славным, добрым человеком» [Там же, с. 112, 129].

Московский период жизни девушки — это стадия «гусеницы», первоначального приспособления к среде и «ползания» по равнинной плоскости в поисках своего места. В период Майдана происходит «окукливание» незаурядной натуры. Безраздельно погруженная в «невероятную украинскую мистерию», став «не только душой Майдана, но и его лицом и голосом» [Там же, с. 438], она отрекается от своих родовых корней, и в этом коконе ложной самости ее «неистовство» окостеневает. К счастью, не окончательно.

Не сделав политической карьеры, гордая, сильная, красивая женщина, по сути, осталась наивной школьницей из Чернобыля и с прежним максимализмом бросилась разоблачать политическое мошенничество. Под давлением ее истинного и благородного «я» сковывающий кокон разрушился, и прекрасная бабочка начала свой по-настоящему свободный полет.

«Удивительная, вольная, стремительная», «такая же юная, яростная, как тридцать лет назад» — такой воспринимает ее Вячеслав, добравшийся до Киева для последнего рокового свидания [Варламов, 2024, с. 475]. С надеждой на будущее воссоединение герой и очутился в чешских горах.

Однако исход этой потрясающей любовной истории в высшей степени трагичен. Вячеслав получает в результате чудовищного недоразумения смертельное ранение, и в его агонизирующем сознании всплывают Андреевский спуск, женская фигура в легком синем платье и «смешной лопухий паренек» в черной футболке. Под националистический возглас он «радостно» выливает содержимое бутылки Кате на голову. Ядовитая жидкость течет по «сияющей» коже, и волосы «расплавляются под потоком серной кислоты» [Варламов, 2024, с. 531]. С огромной долей вероятности виртуальный фантом станет (если уже не стал) реальностью.

Раскрывая хрупкость, беззащитность и скрытую прелесть образа, писатель вводит поразительную художественную деталь: при первых признаках опасности Катя, как и всякая женщина, прежде всего стремилась уберечь лицо, машинально закрывая его руками. Этот, чисто женский, жест спасал дважды; однако в третий раз (перед «потоком» серной кислоты) оказался бессильным.

«Кто с чистой душой сходит на землю? О, как нужно нам *очищение*», — записывает Розанов зимой 1911 года [Розанов, 2010б, с. 54]. И весьма символично, что достигнутое ценой жизни духовное очищение варламовского персонажа было высшей точкой его земного самоосуществления, что в очередной раз соотносится с розановской концепцией *энтелехии*.

«Я работник последнего часа» [Варламов, 2024, с. 512], — такими словами Вячеслав некогда лукаво маскировал нежелание принять святое крещение. Но последний час пробил, и ему видится, как священник совершает великое таинство, окропляя новокрещенного его же кровью [Там же, с. 534]. Недоросль и инфант, человек эпохи *пост*, он преодолел аморфную расплывчатость своего «я», что стало последним актом жизненной драмы.

В дополнение к сказанному вспомним также о розановском методе «кофейного зернышка», согласно которому в семени содержатся все характеристики будущего растения. Иначе говоря, энтелехия — это закономерный итог саморазвития, однако энтелехийный финал как вершина (*акме*) становится возможным лишь в том случае, если явление развивается из заложенной в него потенции. Это и произошло в «Одсуне», благодаря чему трагический финал приобретает катарсическое измерение.

Таким образом, в повествовании современного автора о многотрудном процессе духовного самоосуществления Василий Васильевич Розанов принял самое непосредственное участие.

Список источников

1. *Бауман, 2008* — Бауман З. Текущая современность. М.; Питер, 2008. 238 с.
2. *Варламов, 2024* — Варламов А. Н. Одсун. Роман без границ. М.: АСТ, 2024. 536 с.
3. *Вежбицкая, 1999* — Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
4. *Грякалов, 2017* — Грякалов А. А. Василий Розанов. СПб.: Наука, 2017. 285 с.
5. *Жаравина, 2024* — Жаравина Л. В. Концептуально-психологический лабиринт Алексея Варламова («Одсун. Роман без границ») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2024. № 10 (193). С. 172–180.
6. *Жаравина, 2025* — Жаравина Л. В. Образ-ризомы как фактор самопрезентации в творчестве В. В. Розанова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2025. № 3 (196). С. 161–170.
7. *Зеньковский, 1992* — Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Изд-во Владимирского Братства. 1992. 272 с.
8. *Кочетков, 2022* — Кочетков Г. Новая христианская антропология: «горизонтальное» и «вертикальное» измерение человека // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. Вып. 43. С. 12–43.
9. *Пушкин, 1957* — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Стихотворения. 1827–1836. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 554 с.
10. *Ремизов, 2011* — Ремизов А. М. Кукха. Розановы письма. СПб.: Наука, 2011. 608 с.
11. *Розанов, 1994* — Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 2. Мимолетное / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика. 1994. 540 с.
12. *Розанов, 1996* — Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. 702 с.

13. *Розанов, 1998* — Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 9. Сахарна. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови / под общ. ред. А. Н. Николоюкина. М.: Республика. 1998. 462 с.
14. *Розанов, 2000a* — Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Последние листья / под общ. ред. А. Н. Николоюкина. М.: Республика. 2000a. 384 с.
15. *Розанов, 2000б* — Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 12. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А. Н. Николоюкина. М.: Республика. 2000. 429 с.
16. *Розанов, 2008* — Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. В чаду войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.) / под общ. ред. А. Н. Николоюкина. М.: Республика. 2008. 621 с.
17. *Розанов, 2010a* — Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 29. Литературные изгнанники. Книга 2 / под общ. ред. А. Н. Николоюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 957 с.
18. *Розанов, 2010б* — Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Листва / под общ. ред. А. Н. Николоюкина. М.: Республика; СПб.: Росток. 2010. 591 с.
19. *Шевченко, 2019* — Шевченко А. А. Постправда как новый режим истины // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 4. С. 8–13.
20. *Эко, 2007* — Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Symposium, 2007. 92 с.

References

1. *Bauman, 2008* — Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. Moscow: Pi-ter, 2008. 238 p. (In Russ.)
2. *Varlamov, 2024* — Varlamov A. N. *Odsun. Roman bez granic* [Odson. A Novel Without Borders]. Moscow: AST, 2024. 536 p. (In Russ.)
3. *Vezhbickaya, 1999* — Vezhbickaya A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic Universals and Language Description]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 776 p. (In Russ.)
4. *Gryakalov, 2017* — Gryakalov A. A. *Vasilij Rozanov* [Vasily Rozanov]. Saint Petersburg: Nauka, 2017. 285 p. (In Russ.)
5. *Zharavina, 2024* — Zharavina L. V. Alexei Varlamov's Conceptual-Psychological Labyrinth («Odsun. A Novel Without Borders»). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2024, no 10 (193), pp. 172–180. (In Russ.)
6. *Zharavina, 2025* — Zharavina L. V. The Rhizome Image as a Factor of Self-Presentation in the Works of V. V. Rozanov. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2025, no 3 (196), pp. 161–170. (In Russ.)
7. *Zen'kovskij, 1992* — Zen'kovskij V. V. *Osnovy khristianskoj filosofii*. [Foundations of Christian Philosophy]. Moscow: Izd.-vo Vladimirovskogo Bratstva. 1992. 272 p. (In Russ.)
8. *Kochetkov, 2022* — Kochetkov G. New Christian Anthropology: The «Horizontal» and «Vertical» Dimensions of the Human Person. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta* [Bulletin of the St. Philaret Institute], 2022, issue 43, pp. 12–43. (In Russ.)
9. *Pushkin, 1957* — Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch. : v 10 t. T. 3 : Stikhotvoreniya. 1827–1836* [Collected Works : in 10 vol. Vol. 3: Poems. 1827–1836]. Moscow: USSR Academy of Sciences printing house, 1957. 554 p. (In Russ.)
10. *Remizov, 2011* — Remizov A. M. *Kukha. Rozanovy pis'ma* [Kukha. The Letters of Rozanov]. Saint Petersburg: Nauka, 2011. 608 p. (In Russ.)
11. *Rozanov, 1994* — Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij : v 30 t. T. 2. Mimoletnoe* [Collected works : in 30 vol. Vol. 2. Passing by]. Moscow: Respublika, 1994. 540 p. (In Russ.)

12. *Rozanov, 1996* — Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij : v 30 t. T. 7. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Literaturnye ocherki. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected works : in 30 vol. Vol. 7. Fyodor Dostoevsky's «The Legend of the Grand Inquisitor». Literary Essays. On Writing and Writers]. Moscow: Respublika. 1996. 702 p. (In Russ.)
13. *Rozanov, 1998* — Rozanov V. V. *Sobranie sochineni j: v 30 t. T. 9. Sakharna. Obonyatel'noe i osyazatel'noe otmoshenie evreev k krovi* [Collected works : in 30 vol. Vol. 9. Sakharna. The olfactory and tactile relationship of Jews to blood]. Moscow: Respublika. 1998. 462 p. (In Russ.)
14. *Rozanov, 2000a* – Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij : v 30 t. T. 11. Poslednie list'ya* [Collected works : in 30 vol. Vol. 11. Last leaves]. Moscow: Respublika, 2000. 384 p. (In Russ.)
15. *Rozanov, 2000b* – Rozanov V. V. *Sobranie sochineni j: v 30 t. T. 12. Apokalipsis nashego vremeni* [Collected works : in 30 vol. Vol. 12. Apocalypse of our time]. Moscow: Respublika, 2000. 429 p. (In Russ.)
16. *Rozanov, 2008* — Rozanov V. V. *Sobranie sochineni j: v 30 t. [T. 24]. V chadu vojny (Stat'i i ocherki 1916 — 1918 gg.)* [Collected Works : in 30 vol. Vol. 24. In the Heat of War (Articles and Essays 1916–1918)]. Moscow: Respublika, 2008. 621 p. (In Russ.)
17. *Rozanov, 2010a* — Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij : v 30 t. T. 29. Literaturnye izgnanniki. Kniga 2* [Collected Works : in 30 vol. Vol. 29. Literary Exiles. Book 2]. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok, 2010. 957 p. (In Russ.)
18. *Rozanov, 2010b* – Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij : v 30 t. T. 30. Listva* [Collected works : in 30 vol. Vol. 30. Leaves]. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok, 2010. 591 p. (In Russ.)
19. *Shevchenko, 2019* — Shevchenko A. A. Post-truth as a New Regime of Truth. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector], 2019, vol. 14, no 4, pp. 8–13. (In Russ.)
20. *Ehko, 2007* — Ehko U. *Zametki na polyakh «Imeni rozy»* [Marginalia for «The Name of the Rose»]. Saint Petersburg: Symposium, 2007. 92 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Лариса Владимировна Жаравина

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Larisa V. Zharavina

doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Methods of its Teaching, Volgograd State Social and Pedagogical University

Россия, 400066, Волгоград, пр. В. И. Ленина, д. 27

27, Lenin Ave, Volgograd, 400066, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

05.11.2025
07.11.2025
12.11.2025

Сохранение и популяризация культурного наследия в музейном пространстве

Надежда Вениаминовна Краева

Национальный музей Республики Коми

Сыктывкар, Россия,

nadezhda-kraeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4110-4629>

***Аннотация.** В статье представлен опыт научной библиотеки Национального музея Республики Коми в сохранении, изучении и популяризации редкой книги. Сохранение историко-культурного наследия, важной частью которого является редкая книга, относится к мемориальной функции библиотек. Главная задача работы с такими изданиями — глубокое изучение фонда, публикация изученных материалов, их популяризация путем развития музейно-выставочного экспонирования и интерактивных форм информационно-просветительского и культурно-досугового направления. При единстве целевых установок, заключенных в активном включении посетителей музея в процесс популяризации культурного наследия, выделяются две важнейшие тенденции: первая — музей как научно-исследовательский и культурно-просветительский центр, вторая — перенос внимания на работу с массовым зрителем (т.е. широкой аудиторией), причем не только просветительского, но и развлекательного характера.*

***Ключевые слова:** Научная библиотека; Национальный музей Республики Коми; редкие издания; научно-исследовательская деятельность; выставочная деятельность; популяризация культурного наследия, интерактивные формы работы*

Для цитирования: Краева Н. В. Сохранение и популяризация культурного наследия в музейном пространстве // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 19–28. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-19>

Preservation and popularization of cultural heritage in the museums space

Nadezhda V. Kraeva

National museum of the Komi Republic, Syktyvkar, Russia,

nadezhda-kraeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4110-4629>

***Abstract.** The article presents the experience of the Scientific Library of the National Museum of the Komi Republic in the preservation, study, and popularization of rare books. The preservation of historical and cultural heritage, an important part of which is the rare book, is a memorial function of libraries. The main task of working with such publications is to conduct a thorough study of the collection, publish the materials, and promote them through the development of museum and exhibition displays and interactive forms of information, educational, and cultural activities. With the common goal of actively involving museum visitors in the process of*

popularizing cultural heritage, two important trends stand out: the first is the museum as a research and cultural educational center, and the second is the shift towards working with the general public, not only for educational purposes but also for entertainment.

Keywords: *Scientific Library; National Museum of the Komi Republic; rare publications; research activities; exhibition activities; promotion of cultural heritage, and interactive forms of work.*

For citation: Kraeva N. V. Preservation and Popularization of Cultural Heritage in the Museum Space. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2025; 2: 19–28. (In Russ.) [https://doi.org/ 10.34130/2306-8450-2025-2-19](https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-19)

Сохранение историко-культурного наследия, важной частью которого является редкая книга, относится к мемориальной функции библиотек. Главная задача работы с такими изданиями — глубокое изучение фонда, публикация изученных материалов, их популяризация путем развития музейно-выставочного экспонирования и интерактивных форм информационно-просветительского и культурно-досугового направления.

Книжный фонд научной библиотеки Национального музея Республики Коми (с 2012 г. — отдел книжного фонда) насчитывает около 30 тысяч единиц хранения. Более чем за 110 лет ее истории была сформирована книжная коллекция, уникальность которой заключается в том, что в ней хранятся редкие печатные издания середины XVIII — начала XX вв.

Основу книжного фонда музейной библиотеки составили книги Архангельского Общества изучения Русского Севера (АОИРС). Как видно из отчетов Общества, к «1 января 1912 г. в библиотеке состояло 276 названий книг, 318 экземпляров, 648 томов, пожертвованных правлением АОИРС», а уже через 5 лет в фондах библиотеки насчитывалось 454 названий книг, 902 экземпляра, 870 томов [Отчет, 1912, с. 14]. Следует признать, что это собрание претерпело многие чистки, вызванные идеологическими причинами, поэтому в полном составе эта коллекция до нас не дошла. Сегодня в ней 123 издания. Среди сохранившихся изданий можно выделить сочинения по рыбному промыслу, проблемам судоходства и колонизации Севера, книги с денежными отчетами комитета помощи поморам Русского Севера, труды, пропагандировавшие опыт Западной Европы в промышленности и сельском хозяйстве.

Наиболее представительной частью собрания редких книг являются издания из библиотеки Усть-Сысольского общественного собрания (бывшей Усть-Сысольской общественной библиотеки), состоявшие из книг XVIII — начала XIX вв. В круг чтения жителя северной провинции XIX в. входили как сочинения отечественных писателей, вышедшие в серии «Полное собрание сочинений русских авторов», издаваемой А. Ф. Смирдиным, так и переводы произведений западно-европейских авторов, а также журналы «Современный мир», «Библиотека для чтения», «Книжки недели», «Исторический вестник» и др.

Немногочисленными экземплярами в составе фонда редких книг представлена библиотека Общества изучения Коми края, на многих из которых можно встретить дарственные надписи известных российских краеведов: антрополога Б. Н. Вишневого, геоботаника Ф. В. Самбука, члена Тобольского комитета Севера В. М. Новицкого, подвижника заповедного дела Ф. Ф. Шиллингера и др. [Краева, 2017, с. 77].

Особое внимание обращает на себя небольшая часть имущества крупнейшего в Коми крае Троице-Стефано-Ульяновского мужского монастыря: это 116 изданий начала XVIII — середины XIX в. с книжным знаком библиотеки монастыря. Интерес представляют книги с дарственными надписями отцам-основателям монастыря: иеромонаху Феодосию, казначею Паисию, монаху Арсению. Примечательно наличие книг с дарственными надписями священника Я. Шестакова, игумена Агапита (в миру Т. П. Милованова), настоятельницы Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря игуменьи Таисии (монахини Аркадии), в миру М. В. Солоповой, князя Арсения Путятина [Краева, 2023, с. 57–58].

Необходимо отметить, что в фондах музейной библиотеки хранятся книги по всем отраслям знаний: богословие, педагогика, история, астрономия, география, справочники и энциклопедии, статистические материалы, богатое собрание периодических изданий. Вот лишь некоторые примеры.

В коллекции музея встречаем множество изданий известных собраний фольклорных текстов, например «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом» (СПб., 1896), сборник Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» (Петроград, 1915). К наиболее популярным в свое время сборникам можно отнести «Ходячие и меткие слова» собирателя и толкователя русской фразеологии М. И. Михельсона (СПб., 1896), сборник В. Даля «Пословицы русского народа» (М., 1862). Из числа редких изданий начала XX века хотелось выделить «Сказки и предания Северного края» — один из лучших русских сказочных сборников и лучшая книга детского писателя И. В. Карнауховой, впервые увидевшая свет в 1934 г. В сборнике в полной мере проявился ее особый интерес к детской сказке и детям-сказочникам, самому юному из которых было шесть лет. В книге впервые публикуется цикл иллюстраций к северным сказкам, созданный специально для этого издания известным петербургским художником Б. Забирохиным [Краева, 2014, с. 18–19].

Особый интерес представляет коллекция изданий Императорского Русского географического общества, которая насчитывает 118 изданий. Из отчета Московского отделения Общества изучения Коми края за 1926–1927 гг. мы узнаем, что «от Областного отдела народного образования получено 150 руб. на расходы, связанные с изъятием из центральных книгохранилищ дубликатов книг и журналов, в результате чего изъято и отправлено в Усть-Сысольск около 20-ти пудов различных журналов, изъятых главным образом из Ленинской (б. Румянцевской) библиотеки». Это подтверждает «Книга описи областного музея», в которой указано, что 21 июня 1927 г. из Дублетного фонда публичной библиотеки Ленина поступили

журналы «Москвитянин», «Беседа», «Научное обозрение» и др., а также издания Императорского Русского Географического Общества.

В коллекции музея сохранился 5-томный «Географическо-статистический словарь Российской империи», составителем которого был глава Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский (СПб., 1863–1885), 19-томное издание «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», подготовленное товариществом М. О. Вольф (СПб., 1881–1901), «Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей» под редакцией В. П. Семенова (СПб., 1899–1914) [Краева, 2016, с. 115].

Важным информационным ресурсом общества XXI в. являются историко-демографические источники, позволяющие получить достоверную картину происходивших в российском государстве процессов. Материалы по демографии и статистике России конца XIX — начала XX вв. издавались Центральным статистическим комитетом Российской империи. В коллекции музея их насчитывается более 200 единиц хранения. Это «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» (СПб., 1899–1905), «Статистический временник Российской империи» (СПб., 1866–1890), сборник областной плановой комиссии «Коми область» (Усть-Сысольск, 1926) и др. [Краева, 2015, с. 49].

Гордостью научной библиотеки музея является небольшая, но уникальная коллекция богослужебных книг на инородческих языках. Необходимо отметить, что с начала XIX в. в Российской империи переводческая деятельность была поставлена в ранг государственной политики. Переводы издавались Российским библейским обществом, Казанской переводческой комиссией при братстве св. Гурия, Вологодским отделом Императорского православного палестинского общества, Велико-Устюжским православным Стефано-Прокопьевским братством. Переводчиками на коми язык светских и религиозных книг были высокообразованные по тем временам люди: смотритель Усть-Сысольского духовно-приходского училища А. В. Шергин, учитель уездного духовного училища в Усть-Сысольске А. Е. Попов, археограф П. И. Савваитов, священник А. В. Красов, преподаватель Г. С. Лыткин и др. Каждый из них стремился быть полезным как взрослому населению, так и подрастающему поколению зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык [Краева, 2019, с. 100–102].

Важное направление библиографических поисков открывают книжные знаки — именно они дают импульс к выяснению истории и больших родовых библиотек, и маленьких книжных коллекций, напоминают об их владельцах, которые оставили след в русской культуре, науке, общественной жизни. В библиотеке музея большинство изданий имеют экслибрисы, владельческие штампы и подписи, дарственные надписи, изучение которых позволяет прикоснуться как к истории самой книги, так и к личности владельца.

Одна из самых замечательных страниц в истории музейной библиотеки — появление в ней личной библиотеки известного коми краеведа, основателя краеведческого музея и Коми областного архива А. А. Цембера. В 1931 г. музей приобрел

у него 120 книг, имевших большую научную ценность. В ходе изучения коллекции выяснилось, что наиболее значимой частью собрания являются книги из библиотеки вологодского краеведа Н. И. Суворова с владельческими надписями «Библиот. Н. Суворова» и дарственными надписями авторов. Среди дарителей — основатель Ростовского музея древностей А. А. Титов, председатель Тотемской уездной земской управы В. Т. Попов, археограф и знаток русских древностей П. И. Савваитов [Краева, 2019, с. 171].

Несомненными раритетами являются издания, некогда принадлежавшие ученому-философу К. Ф. Жакову. Они не содержат владельческих надписей самого ученого, но имеются автографы священника Я. В. Шестакова, геоботаника Н. В. Ильинского. Примечательна дарственная надпись в книге «Очерки быта приаянских тунгусов» Э. К. Пекарского (СПб., 1913): «Глубокоуважаемому Каллистрату Фалалеевичу Жакову, благополучно прошедшему “сквозь строй” неприглядной “жизни”, на добрую память от душевно преданного автора. 25. III. 1916. Петроград. Э. П.» [Степанова, 2009, с. 183–184].

Особо следует выделить книгу «Божественная литургия иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого» на церковнославянском и коми-зырянском языках, изданную в Санкт-Петербурге в 1883 г., которая была переведена известным ученым, исследователем традиционной культуры народа коми Г. С. Лыткиным. На титульном листе был выявлен практически нечитаемый владельческий знак, но с императорской короной! Нам удалось ее расшифровать — «под императорской короной надпись "Александры Иосифовны" по кругу — "комнаты ее высочества Г. В. К." (Государыни Великой Княгини)». Можно с уверенностью утверждать, что книги находились в комнатах Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны, принцессы немецкого герцогства Саксен-Альтенбурга, супруги великого князя Константина Николаевича, младшего брата императора Александра II [Краева, 2021, с. 178].

Формирование фонда библиотеки осуществлялось в значительной степени за счет поступлений из личных книжных коллекций. В библиотеке бережно хранятся книги из библиотек священнослужителей Коми края второй половины XIX — первой половины XX вв.: М. Ф. Вишерского, Д. Я. Попова, А. А. Богословского, А. Д. Клочкова. Издания, вошедшие в эти собрания, разнообразны по содержанию. Это богослужебная и богословская литература, исторические сочинения, преимущественно по истории христианства и православной церкви, учебная литература, книги и периодические издания светского содержания. Разноплановость литературы, а также наличие собственных книжных знаков говорит об их библиофильской культуре, о том, что увлечение книгой в среде духовенства не было временным явлением [Краева, 2017, с. 71].

Заслуживают внимания отдельные экземпляры из личных библиотек усть-сысольских чиновников: действительного статского советника А. Я. Колясникова, почетного мирового судьи Усть-Сысольско-Яренского съезда мировых судей М. Я. Шаламова, уездного агронома Н. А. Курбатова, служащих акцизного управления отца и сына Н. А. и А. Н. Красильниковых. Чиновники были особой группой

владельцев личных библиотек, которые формировались в зависимости от занимаемой должности, увлечений, родительских и просветительских побуждений. Чиновники, проживающие на Севере, являлись либо уроженцами региона, либо оказывались здесь по долгу службы. Особенностью личных библиотек чиновников является их «перемещение» вместе со своими владельцами: формировались книжные собрания в тех местах, где чиновник служил, но по воле обстоятельств книги попадали в северные губернии, где и оставались, становясь составной частью книжной культуры региона. Книги чиновников помечены печатями, штампами, дарственными и скорописными пометами, тиснениями на корешке [Краева, 2022, с. 81].

Следует отметить домашние собрания видных политических деятелей Коми края начала 20-х годов XX века. В плеяде земляков, заявивших о создании самостоятельной административной единицы — Коми автономной области — стояли представитель Коми области при президиуме ВЦИК А. А. Айбабин, директор Коми научно-исследовательского института И. И. Оботуров, известный ученый-экономист А. И. Бабушкин, председатель Облисполкома Ф. Г. Тараканов и др. Чем руководствовались первые коми политики при создании личных библиотек? Очевидно, как собственными интересами, так и практическими задачами, входящими в сферу их деятельности. По уцелевшим фрагментам библиотек сложно говорить о том, были ли библиотеки узкотематическими или широко охватывали практическую область собирателя, содержали ли литературу по смежным специальностям, имелись ли книги на иностранных языках. Но делая вывод, хотелось отметить, что личные книжные коллекции, созданные политическими деятелями Автономной области Коми (зырян), являлись отражением их идей, мыслей, духовных ценностей.

При описании того или иного собрания является важным вопрос о путях формирования коллекции. Одной из значимых страниц в истории музея явилось постановление ВЦИК РСФСР «О передаче Коми областному музею дубликатов музейных экспонатов и литературы, касающейся Коми края, из соответствующих учреждений, подведомственных Наркомпросу». Только за летнюю навигацию 1926 г. музей получил из государственных хранилищ Москвы и Ленинграда, а также Перми, Вологды, Великого Устюга до 4 000 названий разных научных книг. Их уникальность подтвердилась в процессе изучения владельческих признаков. Библиографическую ценность представляют книги из библиотек графов А. Д. Шереметева и Н. В. Левашова, министра народного просвещения А. В. Головина и организатора научной экспедиции Русского географического общества на Камчатку Ф. П. Рябушинского, уездного дворянства П. А. Чижова и П. А. Всевожского, купца П. П. Сорокоумовского, а также из собраний учебных заведений России, кадетских корпусов, духовных семинарий [Краева, 2013, с. 132–133].

Научно-исследовательская деятельность является одним из основных направлений в работе библиотеки. Активно ведутся исследования, направленные на научно-библиографическое описание и изучение редких изданий, выявление, атрибуцию и каталогизацию книжных знаков. Итогом становятся публикации, освещающие результаты исследований как на региональном, так и на российском

уровнях. В 2024 г. был издан альбом-каталог «Книжные знаки в собрании Национального музея Республики Коми», составителем которого является заведующий отделом книжного фонда Н. В. Краева. Это первое издание в Республике Коми о книжных знаках из владельческих коллекций, которые хранятся в Национальном музее Республики Коми.

Библиотека занимается популяризацией культурного наследия путем развития широкой сети музейно-выставочного экспонирования. На базе музея и вне его стен были организованы выставки: «Книги, в которых хранится время...», «Искусство полиграфии книг конца XIX — начала XX в.», «Книжный червь», посетители которых познакомились с коллекциями книг общественных деятелей Российской империи с необычными владельческими штампами и «удивительными» изданиями, заключенными в изящный переплет с кожаными вставками, богатым тиснением, различными обрезами и чудо-форзацами.

На протяжении последних лет характер музейной деятельности существенно изменился. В деятельность прочно вошли интерактивные формы информационно-просветительского и культурно-досугового направления. Так, чтобы совершить путешествие по страницам редких книг были созданы квесты, подкасты «В книжной усадьбе», «Тайны выцветших строк», «Тайная комната»: увлекательная игра с сюжетом и головоломками о секретах самого старинного дома в городе и именитых купцах Сухановых. На официальной странице музея в социальной сети «ВКонтакте» публикуются статьи под общей рубрикой «Важся небөгъяс — старинные книги. Только лучшее» [#важсянебөгъяс].

Таким образом, в статье обозначены этапы становления научной библиотеки Национального музея Республики Коми, раскрыты уникальные коллекции редких книг, обладающие выдающейся духовной, художественной, материальной ценностью. Сохранение историко-культурного наследия, важной частью которого является редкая книга, относится к мемориальной функции библиотек. Главная задача работы с такими изданиями — глубокое изучение фонда, публикация изученных материалов, их популяризация путем развития музейно-выставочного экспонирования и интерактивных форм информационно-просветительского и культурно-досугового направления. Расширением возможностей доступа публики в редкие книжные фонды становится широкая демонстрация своих коллекций с использованием компьютерных технологий. При единстве целевых установок, заключенных в активном включении посетителей музея в процесс популяризации культурного наследия, выделяются две важнейшие тенденции: первая — музей как научно-исследовательский и культурно-просветительский центр, вторая — перенос внимания на работу с массовым зрителем, причем не только просветительского, но и развлекательного характера.

Список источников

1. *Краева, 2021* — Краева Н. В. Владельческий книжный знак Великой Княгини Александры Иосифовны на книгах коми ученого Георгия Степановича Лыткина // Эклиб-

рисы как информационный ресурс для изучения книжной культуры : материалы конференции (Москва, 27–29 октября 2021 г.). М.: Международный союз общественных организаций книголюбив, 2021. С. 178–182.

2. *Краева, 2023* — Краева Н. В. «Даль въ благословеніе» (издания с дарственными надписями отцам-основателям и насельникам Троице-Стефано-Ульяновского монастыря) // Памятники книжной культуры : ежегодные чтения (Рязань, 24.05.2022). Рязань: Библиотека им. Горького 2023. С. 54–62.

3. *Краева, 2017* — Краева Н. В. Домашние библиотеки священнослужителей Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии как источник изучения книжной культуры Русского Севера // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 2 (58). С. 70–75.

4. *Краева, 2015* — Краева Н. В. Издания Императорского Русского Географического Общества в коллекции Национального музея Республики Коми // География Республики Коми. Прошлое, настоящее, будущее : материалы III Республ. науч.-практ. конференции (Сыктывкар, 10–11 декабря 2015 г.). Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, 2016. С. 114–118.

5. *Краева, 2017* — Краева Н. В. Книга в подарок (дарственные надписи на книгах в собрании Общества изучения Коми края) // Известия Общества изучения Коми края. 2017. № 1 (16). С. 75–80.

6. *Краева, 2022* — Краева Н. В. Книга в чиновничьей среде провинциального города (на примере г. Усть-Сысольска Вологодской губернии) // Книжный Север России: историко-культурный диалог : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции (Москва, 2 июня 2021 г.). Сыктывкар, 2022. С. 75–83.

7. *Краева, 2019* — Краева Н. В. Книжные знаки в личной библиотеке А. А. Цембера // Цемберовские чтения : материалы науч.-практ. конференции. Сыктывкар, 2019. С. 168–175.

8. *Краева, 2015* — Краева Н. В. Материалы по демографической истории России конца XIX — начала XX вв. в собрании Национального музея Республики Коми // Историческая демография. 2015. № 2 (16). С. 49–53.

9. *Краева, 2013* — Краева Н. В. Редкие книги с экслибрисами в отделе книжного фонда Национального музея Республики Коми // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности : сб. ст. Архангельск: Арханг. обл. науч. б-ка, 2013. Вып. 6. С. 131–135.

10. *Краева, 2019* — Краева Н. В. Священные и богослужебные книги на славянском и зырянском языках в коллекции Национального музея Республики Коми // Известия Общества изучения Коми края. 2019. Вып. 2 (19). С. 99–106.

11. *Краева, 2014* — Краева Н. В. Устная народная поэзия русского Севера в редких изданиях (из собрания Национального музея Республики Коми) // Филологические исследования — 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках : сб. ст. по итогам Всерос. науч. конференции (Сыктывкар, 14–17 октября 2014 г.). Сыктывкар, 2014. С. 18–21.

12. *Отчет, 1912* — Отчет Архангельского Общества изучения Русского Севера за 1910 и 1911 г. Архангельск: Губернская типография, 1912. С. 83.

13. *Степанова, 2009* — Степанова Е. Н. Реконструкция личной книжной коллекции К. Ф. Жакова (по документальным источникам Национального музея Республики Коми) // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев» (Сыктывкар, 15–16 мая 2008 г.). Сыктывкар, 2009. С. 182–186.

References

1. *Kraeva, 2021* — Kraeva N. V. The owner's book sign of Grand Duchess Alexandra Iosifovna on the books of Komi scientist Georgy Stepanovich Lytkin. *Ekstlibrisy kak informacionnyj resurs dlya izucheniya knizhnoj kul'tury : materialy konferencii (Moskva, 27–29 oktyabrya 2021 g.)* [Ex-libris as an information resource for the study of book culture: materials of the conference (Moscow, October 27–29, 2021)]. Moscow, 2021. Pp. 178–182. (In Russ.)

2. *Kraeva, 2023* — Kraeva N. V. "Gave me the blessing" (editions with inscriptions to the founding fathers and inhabitants of the Trinity-Stefano-Ulyanovsk monastery). *Pamyatniki knizhnoj kul'tury : ezhegodnye chteniya (Ryazan', 24.05.2022)* [Monuments of book culture : annual readings (Ryazan, 05/24/2022)]. Ryazan, 2023. Pp. 54–62. (In Russ.)

3. *Kraeva, 2017* — Kraeva N. V. Home libraries of the clergy of Ust-Sysolsky district of Vologda province as a source of studying the book culture of the Russian North. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola* [St. Petersburg Library School], 2017, no 2 (58), pp. 70–75. (In Russ.)

4. *Krajeva, 2015* — Krajeva N. V. Publications of the Imperial Russian Geographical Society in the collection of the National Museum of the Komi Republic. *Geografiya Respubliki Komi. Proshloe, nastoyashchee, budushchee : materialy III Respubl. nauch.-prakt. konferencii (Syktyvkar, 10–11 dekabrya 2015 g.)*. [Geography of the Komi Republic. Past, present, future: proceedings of the III Republican Scientific and Practical Conference (Syktyvkar, December 10–11, 2015)]. Syktyvkar, 2016. Pp. 114–118. (In Russ.)

5. *Kraeva, 2017* — Kraeva N. V. A book as a gift (gift inscriptions on books in the collection of the Komi Krai Study Society). *Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya* [Proceedings of the Komi Krai Study Society]. Syktyvkar, 2017. No 1 (16). Pp. 75–80. (In Russ.)

6. *Kraeva, 2022* — Kraeva N. V. Book in the bureaucratic environment of a provincial city (on the example of Ust-Sysolsk, Vologda province). *Knizhnyj Sever Rossii: istoriko-kul'turnyj dialog : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konferencii (Moskva, 2 iyunya 2021 g.)* [Book North of Russia: historical and cultural dialogue: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference conferences (Moscow, June 2, 2021)]. Syktyvkar, 2022. Pp. 75–83. (In Russ.)

7. *Kraeva, 2019* — Kraeva N. V. Book signs in the personal library of A. A. Tsember. *Cemberovskie chteniya : materialy nauch.-prakt. konferencii* [Tsember readings: materials of a scientific and practical conference]. Syktyvkar, 2019. Pp. 168–175. (In Russ.)

8. *Kraeva, 2015* — Kraeva N. V. Materials on the demographic history of Russia in the late XIX — early XX centuries in the collection of the National Museum of the Komi Republic. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2015, no 2 (16), pp. 49–53. (In Russ.)

9. *Kraeva, 2013* — Kraeva N. V. Rare books with exlibris in the department of the book fund of the National Museum of the Komi Republic. *Knizhnye sobraniya Russkogo Severa: problema izucheniya, obespecheniya sohrannosti i dostupnosti : sb. st.* [Book collections of the Russian North: problems of study, preservation and accessibility: collection of art]. Arkhangelsk, 2013. Issue 6. Pp. 131–135. (In Russ.)

10. *Kraeva, 2019* — Kraeva N. V. Sacred and liturgical books in Slavic and Zyryan languages in the collection of the National Museum of the Komi Republic. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya* [Proceedings of the Komi Territory Study Society]. Syktyvkar, 2019. Issue 2 (19). Pp. 99–106. (In Russ.)

11. *Kraeva, 2014* — Kraeva N. V. Oral folk poetry of the Russian North in rare editions (from the collection of the National Museum of the Komi Republic). *Filologicheskie issledovaniya — 2014. Istochniki, ih analiz i interpretaciya v filologicheskikh naukah : sb. st. po itogam Vseros. nauch. konferencii (Syktyvkar, 14–17 oktyabrya 2014 g.)* [Philological Research — 2014. Sources, their analysis and interpretation in philological sciences: a collection of articles based

on the results of the All-Russian Scientific Conference (Syktyvkar, October 14–17, 2014)]. Syktyvkar, 2014. Pp. 18–21. (In Russ.)

12. *Report, 1912 — Otchet Arhangel'skogo Obshchestva izucheniya Russkogo Severa za 1910 i 1911 g.* [Report of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North for 1910 and 1911]. Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya, 1912. P. 83. (In Russ.)

13. *Stepanova, 2009* — Stepanova E. N. Reconstruction of the personal book collection of K. F. Zhakov (according to documentary sources of the National Museum of the Komi Republic. *Duhovnoe nasledie narodov Respubliki Komi: istoriya i sovremennost' : materialy Vseros. nauch.-prakt. konferencii «Redkie knigi v fondah sovremennyh bibliotek, arhivov, muzeev»* (Syktyvkar, 15–16 maya 2008 g.) [The spiritual heritage of the peoples of the Komi Republic: history and modernity: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Rare books in the collections of modern libraries, archives, museums" (Syktyvkar, May 15–16, 2008)]. Syktyvkar, 2009. Pp. 182–186. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Краева Надежда Вениаминовна

заведующий отделом книжного фонда
ГБУ РК «Национальный музей Республики Коми»

Nadezhda V. Kraeva

Head of the Book Collection Department
State Budgetary Institution of the Komi Republic "National Museum of the Komi Republic"

Россия, 167000, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 6

6, Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar, 167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

17.11.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

18.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication

18.11.2025

Научная статья / Article

УДК 821.161.1-32

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-28>

Русское сродство или немецкая генетика? К истокам образа магистра Гомозейки в цикле В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки»

Романова Елена Алексеевна¹, Паршукова Надежда Алексеевна²

^{1, 2} независимый исследователь

Санкт-Петербург, Россия,

¹ zerlina@inbox.ru, ² anega_nad@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется образ Ириня Модестовича Гомозейки — литературной маски рассказчика, от лица которого ведется повествование в цикле

В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки». Отталкиваясь от устоявшегося в литературоведческой традиции сопоставления с фигурой пушкинского И. П. Белкина, авторы предлагают обратиться в поиске возможных прототипов героя к известным произведениям немецкой литературы. Персонажи Э. Т. А. Гофмана и И. В. Гете в сравнении с Гомозейкой становятся предметом детального рассмотрения данной статьи. Такой анализ проводится впервые и позволяет не только расширить круг возможных литературных источников образа «сочинителя» «Пестрых сказок», но и точнее обозначить типологические черты героя, выявить «ядро» его личности, а вместе с тем и вплотную приблизиться к пониманию общего замысла цикла.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, «Пестрые сказки», И. М. Гомозейко, образ Фауста И. В. Гете, образ Странствующего энтузиаста Э. Т. А. Гофмана, образ Белкина, литературная маска, русский романтизм XIX века

Для цитирования: Романова Е. А., Паршукова Н. А. Русское сродство или немецкая генетика? К истокам образа магистра Гомозейки в цикле В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки» // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 28–44. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-28>

Russian affinity or german genetics? To the origins of master Gomozeiko image in V. F. Odoevsky's cycle "Motley tales"

Elena A. Romanova¹, Nadezhda A. Parshukova²

^{1,2}Independent researcher

St. Petersburg, Russia,

¹ zerlina@inbox.ru, ² anega_nad@mail.ru

Abstract. This article examines the figure of Iriney Modestovich Gomozeiko — the literary mask of the narrator through whose voice the narrative unfolds in V. F. Odoevsky's cycle *Motley Tales* (*Pyostrye skazki*). Building on the established literary-critical tradition of comparing Gomozeiko to Pushkin's I. P. Belkin, the authors propose a new perspective by seeking potential prototypes of the character in well-known works of German literature. Characters from the writings of E. T. A. Hoffmann and J.W. von Goethe are brought into detailed comparative analysis with Gomozeiko. This study is the first attempt to explore these parallels and enables an expansion of the possible literary sources for the figure of the authorial narrator of *Motley Tales*. Furthermore, the analysis facilitates a more precise identification of the typological features of the character, revealing the "core" of his personality and contributing to a deeper understanding of the cycle's overarching artistic conception.

Keywords and phrases: V. F. Odoevsky, "Motley Tales", I. M. Gomozeiko, Goethe's Faust, Hoffmann's Wandering Enthusiast, Pushkin's Belkin, fictional narrator, 19th-century Russian Romanticism

For citation: Romanova E. A., Parshukova N. A. Russian affinity or German Genetics? To the origins of Master Gomozeiko image in V. F. Odoevsky's cycle "Motley Tales". *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2025; 2: 28–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-28>

Как справедливо отмечала М. А. Турьян, «в изучении многообразного наследия Владимира Федоровича Одоевского "Пестрым сказкам" уделяется обычно

весьма скромное место» [Турьян, 1996, с. 131]. Они редко становятся предметом самостоятельного исследования как целостное, строго организованное произведение¹. Очевидно, что на сегодняшний момент единого мнения об идейном замысле цикла не существует. Однако ни у кого, кажется, не вызывает сомнений принципиальная значимость фигуры «сочинителя» «Пестрых сказок» Ириней Модестовича Гомозейки для понимания общей семантической архитектоники сборника. Попытку связать идейный смысл цикла с «психологией и идеалами» героя-рассказчика в свое время предпринял еще П. Н. Сакулин [Сакулин, 1913, ч. 2, с. 31]. Позднее образ Гомозейки был подробно проанализирован М. А. Турьян [Турьян, 1991; Одоевский, 1996, с. 131–168].

Насколько можно судить по научным публикациям последнего времени, литературный контекст, в который принято вписывать фигуру «сочинителя» «Пестрых сказок», остается в основных чертах неизменным. Традиционно магистра Гомозейку рассматривают в одном ряду с пушкинским Белкиным и гоголевским Рудым Паньком как тип фиктивного повествователя — в чем-то схожего с двумя последними, в чем-то безусловно от них отличного². Столь четкая ориентация на ближайшее, «домашнее» окружение, как нам представляется, заметно ограничивает круг поиска потенциальных прототипов персонажа. Фактически за кадром остаются даже те всемирно известные произведения, связь «Пестрых сказок» с которыми давно установлена. Между тем вопрос о генезисе образа Гомозейки, о его возможных литературных корнях принципиально важен для выявления общего идейного замысла цикла.

Однако, прежде чем мы попытаемся восполнить пробел в литературной родословной «сочинителя» «Пестрых сказок», остановимся ненадолго на лице, прочно «по официальной линии» в этой росписи уже укорененном, а именно — на Иване Петровиче Белкине, покровителе всей следовавшей за ним отечественной когорты фальшавторов.

По мнению М. А. Турьян, образ Ириней Модестовича Гомозейки возник под непосредственным влиянием пушкинского прозаического цикла и обязан своим рождением его герою-рассказчику — Ивану Петровичу Белкину [Одоевский, 1996, с. 133]. Однако, как справедливо отметил в своей статье Е. А. Маймин, «сопоставление это позволяет увидеть не столько сходство, сколько различие. И весьма существенное. И Белкин, и Рудый Панько предельно объективированы, и внешне и внутренне независимы от своих авторов. Рассказчик В. Одоевского, напротив, наделен резко автопортретными чертами. Он носитель авторского сознания» [Одоевский, 1975, с. 256].

Тем не менее, как уже не раз отмечалось в литературоведении, и пушкинский Белкин, и Гомозейко Одоевского имеют ряд общих черт, что позволяет выдвинуть тезис об их «несомненном литературном родстве» [Бочаров, 1974, с. 149]. Оба

¹ Из работ последнего времени, где была бы предложена концепция восприятия «общего посыла» «Пестрых сказок», следует назвать статью Ю. Н. Сыгиной [Сыгина, 2021].

² См. например: [Осьмухина, 2011]; [Глембоцкая, Кузнецов, 2019]; [Мокляк, 2019] и др.

персонажа — представители пишущей братии, оба — «авторы» соответствующих циклов. В каком-то смысле действительно можно было бы сказать, что Гомозейко является «„городским“, „столичным“ вариантом Ивана Петровича Белкина» [Одоевский, 1996, с. 134].

Как и пушкинский «рассказчик», Ириней Модестович занимает в обществе неприметное место, он, как и Белкин, в своем роде «человек из массовки», «низовой» герой. Его образ рисуется в иронично-гротесковых тонах. Гомозейко сам признается, что в столичных гостиных он играет «жалкую роль». Окружающие относятся к нему снисходительно, прощая странности натуры, извиняя необычный образ мыслей и род занятий. Схож Ириней Модестович с горюхинским помещиком и отдельными чертами характера. Подобно пушкинскому герою, каким предстает последний на страницах предисловия, он скромн, робок и боязлив. Подобно ему же, в силу природной склонности, является «собирателем» чужих историй. Объединяет рассказчиков и ярко выраженная у обоих тяга к автобиографическому жанру.

Если составлять портрет Гомозейки не только по «Пестрым сказкам», но и по отрывкам его «Жизни и походов...», копилка его «родства» с господином Белкиным может быть существенно пополнена за счет отдельных эпизодов его биографии. Прежде всего это касается социально-иерархического положения героя и временных рамок его «жития». Однако стоит заметить, что современниками являются не только Белкин и Гомозейко, но и их авторы. А потому счастливое «совпадение» хронологических рамок жизни героев вряд ли следует относить на счет литературных влияний.

Здесь в общем-то и заканчиваются точки пересечения рассматриваемых нами персонажей. В остальном (и Турьян это признает) «сочинитель» «Пестрых сказок» — «создание глубоко и принципиально индивидуальное: в нем отчетливо присутствуют и личностные, автобиографические черты, неуловимые в “неопределенно-широком” Белкине, и инородная пушкинскому герою “эмблематичность”» [Одоевский, 1996, с. 134]. Насколько существенны различия между двумя вымышленными рассказчиками, попробуем определить, обратившись к их портретным характеристикам.

Как следует из «Пестрых сказок» и набросков к автобиографии, Ириней Модестович Гомозейко — выпускник университета, ученый, магистр философии, человек обширных познаний и незаурядных способностей. На его фоне помещик села Горюхино, получивший первоначальное образование от деревенского дьячка и продолживший его на военном плацу, выглядит провинциальным недорослем. Разнятся между собой и поведенческие стереотипы героев. Умеренный во всем, тихий и кроткий Белкин, по заверениям соседа, покойно живет в своем имении, посвящая досуг сочинительству и дружеским беседам. Склонности к бурной деятельности, к выходу на общественную арену в нем как будто не заметно. Магистр же Гомозейко, напротив, чрезвычайно «гомозист», подвижен и активен, несмотря на «скромность» и «боязливость».

Будучи по натуре экстравертом, он ищет достойного приложения своим талантам, жаждет быть услышанным. Ему есть что сказать, есть чем поделиться с согражданами. Он в своем роде — энтузиаст-миссионер, салонный проповедник, осознающий себя продолжателем определенной традиции. Речи его суть его дела. «Предисловие сочинителя» символично начинается с оборота «долгом считаю». «Обремененный многочисленным семейством мыслей» Гомозейко в самом деле считает своим *долгом* донести их до человеческой расы. По тонкому замечанию М. А. Турьян, в этом «жалком» мученике гостиных проглядывают знакомые черты «того, похожего на Чацкого, “сумасшедшего”, человека, выламывающегося из узаконенных людским мнением и светом жизненных стереотипов и привычных представлений, тип которого Одоевский разрабатывал в новеллах и подготовительных материалах, назначавшихся в “Дом сумасшедших”» [Там же, с. 135]. Ничего подобного мы не наблюдаем в «авторе» пушкинских повестей. Иван Петрович Белкин слепок как будто из другого теста. Ни гениальности, ни сумасшедшинки в нем нет и в помине.

Давно замечено, что подобный тип повествователя составлял часть авторского замысла. Пушкин намеренно «создавал литературную маску ординарного рассказчика ординарных повестей» [Вацуро, 1994, с. 38]. Молодой горюхинский помещик, тихий, кроткий, мягкосердный, умеренный в желаниях и амбициях, по выходе в отставку уединившийся в своем имении и, за отсутствием иных природных наклонностей, между утренним кофе и полуденным отдыхом предающийся время от времени мукам сочинительства, ничем как будто не напоминает своего создателя. Умственный кругозор «автора» повестей, его литературные вкусы, кажется, весьма далеки «от взглядов и творческих принципов Пушкина» [Хализев, Шешунова, 1989, с. 37]. Физиономия господина Белкина, каким она предстает на страницах предисловия, являет собой тип обыкновенного молодого провинциала, каких на свете великое множество. Как точно подметил в свое время Бочаров, «автор» повестей «расплывчат и бледен». «Собственное белкинское лицо отдалено и как будто стерто в “биографическом известии”» [Бочаров, 1974, с. 141, 142]. И даже его внешность ничем не примечательна. По существу, она характеризуется «отрицательно отсутствием чего-либо выделяющегося и яркого» [Там же, с. 142]. Биография Белкина сродни его внешним данным. Все, что сообщается о нем читателю, не выходит за рамки представлений о жизни провинциального молодого человека, не лишено романтических порывов, однако не блестящего ни дарованиями, ни силой характера.

Рисуя жизненные обстоятельства и характер своего персонажа, Пушкин намеренно стирает в нем индивидуальные черты. Белкин не только не похож на самого Пушкина, он в принципе не похож ни на кого в отдельности. Универсальность героя в определенном смысле лишает его лица. «О Белкине как сочинителе мы не узнаем ровным счетом ничего, кроме присущего всем и каждому: люди в определенное время рождаются, в определенном месте проводят жизнь и в определенное время умирают» [Гей, 1989, с. 93]. Образ героя настолько пластичен, что кажется вылепленным из самой повседневности.

На иной манер был задуман Одоевским собиратель «Пестрых сказок» магистр Гомозейко. Ряд характерных черт, которыми писатель наделил персонажа, делали его легко узнаваемым для публики. В мученике гостиных, страстном библиофиле и философе, не танцующем, не играющем в карты, любящем пуще всего на свете ломать голову «над началом вещей», сведущий читатель без труда угадывал знакомый очерк знакомого лица. Близость Гомозейки-рассказчика к автору, намеченная в «Пестрых сказках», много отчетливее проступает в сохранившихся отрывках и набросках «Жизни и походов...» героя.

Лица необщим выраженьем, собственно, и создается, на наш взгляд, существенный зазор между двумя, до некоторой степени, типологически схожими «рассказчиками». Их «биографии» на событийном уровне порой совпадают почти буквально. Между тем поведение героев, внутренние мотивировки их поступков различны. Так, оказавшись волею судеб наследниками «скромного родительского достояния», и Белкин, и Гомозейко в конечном итоге разоряются, оба оказываются «незадачливыми» помещиками (см.: [Одоевский, 1996, с. 137]). Однако даже сама их «незадачливость» имеет различную природу. Согласно пушкинской трактовке, помещик села Горюхино — человек с практической точки зрения пассивный. Во всяком случае, так он обрисован в письме своего «почтенного» соседа. Из слов последнего можно заключить, что молодой человек не только не может, но и не *хочет* вникать в хозяйственные дела. Разговоры о сельском хозяйстве и денежных оборотах навевают на него дрему. Со слов все того же соседа мы знаем, что, вступив во владение имением, Белкин «запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведенный покойным его родителем», то есть, очевидно, не только не внес каких-либо новшеств, призванных улучшить хозяйственный процесс, но и попросту не сумел сохранить уже налаженное. И хотя факты помещичье-хозяйственной жизни Белкина предстают перед нами, по образному выражению В. В. Виноградова, в «кривом зеркале письма» [Виноградов, 1941, с. 543] его соседа по поместьям, эта часть биографии героя, думается, все же в основных чертах верно передает его «бытовой облик».

Персонаж Одоевского в этом смысле представляет собой тип прямо противоположный. По складу характера он человек деятельный. Его жизненный принцип — служение на благо общества. А потому, вступив во владение отцовской вотчиной, он тут же принимается за работу. Однако ряд предпринятых им шагов по модернизации посевного процесса приводит к полному разорению имения. На сельскохозяйственной ниве горе-философ, как и положено философу, терпит фиаско. Но его неутомимая, «гомозистая» натура не может успокоиться на достигнутом. Она неустанно ищет выхода тем недюжинным творческим способностям, которыми природа столь щедро одарила молодое пылкое существо. В итоге, согласно авторскому замыслу, Гомозейко должен был оказаться на службе в столице, в должности секретаря. О том, с какими трудностями предстояло столкнуться молодому чиновнику на служебном поприще, дает представление отрывок, позднее составивший «Историю о петухе, кошке и лягушке».

Молодой образованный чиновник, «прогрессист» и просветитель, «одержимый духом преобразований и идеей ревностного им служения» [Одоевский, 1996, с. 136], Ириной Модестович Гомозейкой определенно представляет собой одну из ипостасей авторского «я», быть может, наиболее существенную и корневую. Здесь маска, условно надетая на себя Одоевским, почти прозрачна и бестелесна. Сквозь горькие фразы, брошенные Гомозейкой в минуту отчаяния, со всей очевидностью слышится голос самого автора, его личный жизненный опыт, итоги его многолетних раздумий: «Отчего мне до всего дело? <...> Отчего несправедливость меня выводит из пределов благоразумия? Отчего я с такою страстию ищю вразумить невежество, воспротивиться врагам здравого смысла?» [Там же, с. 97].

Вразумить невежество, воспротивиться глупости и агрессивному самодовольству, выступить с проповедью новой науки в защиту высших принципов мироустройства, за давностию лет забытых человечеством, — таково жизненное кредо магистра Гомозейки, его идейные установки. Таковы же, насколько мы можем судить, и принципы самого автора.

Столь явное, последовательно выдержанное в отдельных составляющих цикла сближение автора с избранной им маской не могло быть случайностью. Особого рода «интеллектуализм», замешанный на оккультно-просветительской закваске, в герое Одоевского составляет ядро его личности, его «физиономию», которую невозможно спутать ни с чьей другой. Он настолько же проявлен и осязаем в жизненном субстрате, насколько заретуширован и неуловим в нем пушкинский герой. Рисуя образ Гомозейки, Одоевский, думается, отнюдь не ставил перед собой задачи избавить текст от субъективно-личностного оттенка, вынеся за скобки авторское «я» и придав тем самым сочинению в некотором смысле эпический характер. Повествование от лица вымышленного рассказчика с целью максимального эмоционального отрыва от личных переживаний не входило в его планы. Наоборот, наделив Гомозейку автобиографическими чертами и свойствами своего характера, писатель тем самым фактически признал его «единокровность». Узнаваемость в случае Гомозейки была для Одоевского крайне важна. Именно в этом, как нам кажется, принципиальное отличие Гомозейки от Ивана Петровича Белкина, пушкинского персонажа, «автора» известного цикла «повестей».

Возвращаясь к вопросу о степени воздействия пушкинского «магнитного поля» на «Пестрые сказки» Одоевского, приходится признать, что, несмотря на некоторое сходство между «авторами» обоих циклов, вряд ли имеется достаточно оснований для подтверждения тезиса о решающей роли «Повестей Белкина» в формировании образа «рассказчика» «Пестрых сказок». И хотя, если иметь в виду русскую литературу 1830-х годов, сопоставление Гомозейки с пушкинским Белкиным и гоголевским Рудым Паньком в принципе неизбежно, все же, при ближайшем рассмотрении, у героя Одоевского оказывается не так уж много общих черт с вышеназванными персонажами.

Однако если для установления генетического родства Гомозейки с Иваном Петровичем Белкиным оснований, прямо скажем, не так много, все же близкие

«родственники» у сочинителя «Пестрых сказок», на наш взгляд, имеются. Правда, оба они — басурманского происхождения.

Литературный прием двойного авторства, использованный Пушкиным в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина», был хорошо известен образованному читателю и не являлся открытием российской словесности первой половины XIX века. Вымышленные персонажи-рассказчики и до и после Пушкина часто использовались в мировой литературе. Один из наиболее близких по времени и ярких в художественном смысле примеров предстает перед нами в творчестве Э. Т. А. Гофмана, чьи произведения неизменно пользовались большой популярностью в России начиная с 1820-х годов. Первый же сборник автора «Фантазии в манере Калло», с которым он дебютировал в 1814 году, имел подзаголовок «Листки из дневника странствующего энтузиаста». Этот же персонаж выступил в роли рассказчика, собирателя необычных историй о таинственных явлениях и во второй книге писателя — «Ночные рассказы». В дальнейшем двойное авторство стало для Гофмана одним из его любимых литературных приемов, к которому он не раз прибегал на протяжении жизни.

Надо сказать, по прочтении «Пестрых сказок» сравнение Одоевского с Гофманом приходило на ум уже современникам (Е. Розен; Н. Полевой; В. Белинский). Позднее присутствие в цикле родственных немецкому романтику мотивов неоднократно отмечали исследователи [Ботникова, 1977]. Однако, насколько нам известно, подробный сопоставительный анализ «сочинителя» «Пестрых сказок» с вышеназванным гофмановским героем до сих пор не проводился.

Странствующий энтузиаст Гофмана, рассказчик и одновременно персонаж его первых сборников, по складу личности гораздо более схож с магистром философии Гомозейкой, нежели горюхинский помещик. Двух почитателей «снов», «грез» и прочих «странных вещей» связывают поистине кровные узы. Оба они имеют «несчастную слабость» к сфере чудесного, обоих занимают «фантастические образы неведомого мира»¹, столкновение человека с «царством бесконечного» (58). Как и гофмановский герой, «сочинитель» «Пестрых сказок» истинной ценностью признает «лишь то, что породил дух» (62). Подобно Энтузиасту, который мечтает о «далеком неведомом царстве духов, крае чудес — Джинистане» (93), магистр Гомозейко жаждет вырваться за пределы «однообразной, будничной жизни» в «тридесатое царство», область, куда время от времени залетают на крыльях воображения «странные люди» и где, по его представлению, с ним самим непременно должно произойти «что-то необыкновенное» (94).

Способность к духовидению — еще одна общая черта двух персонажей. Оба заняты исследованием области таинственного. Обоих привлекают прежде всего истории, выходящие за рамки обыденных представлений, связанные так или иначе с реальностью иного порядка. И тот, и другой практически не отделяют «свою

¹ [Гофман, 1991b, с. 86]. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках.

внутреннюю жизнь от внешней» (263): из грезы в действительность, из действительности в грезу они переходят так же легко, как из одной комнаты в другую. В итоге — с обоими «случаются ни с чем не сообразные, просто черт знает какие происшествия» (263). В постскриптуме к одной из новелл гофмановский Энтузиаст следующим образом комментирует череду происходящих с ним необычайных приключений: «...в мою жизнь часто врывается чужая темная сила, отнимая у меня добрые сны и все время сталкивая с какими-то странными персонажами» (293). Среди персонажей, с которыми сталкивает судьба путешественника-духовидца, — души, «отторгнутые от тел» («Кавалер Глюк», «Дон Жуан»); философствующие представители животного мира («Собака Берганца»); мифические существа из разряда стихийных духов («Золотой горшок»); литературные герои; а также советники юстиции, сделанные из марципана, и оживающие сахарные фигурки («Приключение в ночь под Новый год»).

Столь же экстравагантен круг общения магистра Гомозейки в латинском словаре, где встречается он своих будущих героев. На место кавалера Глюка здесь заступает «мертвое тело» провинциального недоросля, на место философствующего бульдога — паук. Имеется своеобразная параллель и у Саламандра из «Золотого горшка»: одну из историй «сочинитель» «Пестрых сказок» получает благодаря домашнему духу Игоше. Присутствует в цикле и мотив овеществления, столь характерный для Гофмана¹. Из восьми сказок в шести происходят чудесные превращения — оживают предметы, обретая «физиогномию» и голоса; люди же, напротив, утрачивают индивидуальность, становясь куклами, картами, бездушными деревяшками.

И Странствующий энтузиаст, и магистр Гомозейка плохо вписываются в земные реалии. Филистерский мирок — будь то берлинский салон советника юстиции или петербургский великосветский бал — для них безнадежно тесен. Он обрезает крылья их фантазии, спеленывает ум, лишает душу столь необходимого ей живительного эфира. Неслучайно в «Пестрых сказках» появляется гротескное иносказание, основанное на стертой метафоре — «душный свет». Буквально «задыхаясь от жара», герой кидается к форточке, от которой ожидает спасительной прохлады. В гостиной, так похожей на вечно копошащийся муравейник, ему *тесно* и *душно*. Подобно магистру Гомозейке, стремится вырваться на простор из человеческой «тюрьмы» и Странствующий энтузиаст. Метафора Гофмана в данном случае столь же прозрачна и построена с помощью того же образного ряда: из комнаты, «полной табачного дыма», герой выходит «на вольный воздух»; ему *душно* и *тесно* в кругу «отменного общества», он *задыхается* в их «неописуемо глупом глубокомыслии», ощущая себя *взаперти* (94, 88, 89).

Конфликт обоих персонажей с обывательской средой очевиден. В светских гостиных они играют поистине «жалкую роль», и оба это отчетливо осознают.

¹ Показательно, что одна из недавних попыток представить мотив овеществления в качестве циклообразующего фактора «Пестрых сказок» обходится в принципе без упоминания имени Э. Т. А. Гофмана (см.: [Сытина, 2021]).

Вот как повествует Энтузиаст о своих злоключениях на одном из званых вечеров: «Я весьма угловато поклонился дамам и, усугубляя мучительность этой тягостной для меня минуты, как-то неловко отпрянул от стола и резким движением локтя выбил чашку из рук советника юстиции, так, что горячий чай выплеснулся прямо на его изысканное, в мелкую складочку, жабо. Все громко рассмеялись не столько над уроном, который понес советник, сколько над моей неуклюжестью. Безумие ситуации нарастало, однако я замкнулся в покорном отчаянии» (265–266). Точно так же нелеп и до крайности смешон на балах и раутах маленький низенький человечек в черном фраке, чьи ученые речи доводят случайных собеседников буквально до судорог. Чаще всего, по собственному признанию, магистр Гомозейко среди всеобщего веселья выбирает для себя тихое, неприметное место — «в уголку гостиной». На празднике жизни он — скорее наблюдатель, нежели активный участник процесса. Точно так же, «в уголку», у баллострады, вдали от шумной толпы бюргеров и «неблагозвучного шума, производимого окаянными оркестром», располагается гофмановский Энтузиаст. Пестрый поток гуляющих катится мимо него, ничуть не мешая его беседе «с дружественными тенями» (31).

Объединяет двух духовидцев и весьма скромное состояние их финансов. Ириной Модестович, как следует из предисловия издателя, решился обнародовать собранные им сказки единственно по причине крайней материальной нужды — дабы иметь возможность сменить свой старый, «пришедший в пепельное состояние фрак» на новый; а также «купить по случаю продающуюся редкую книгу», о которой он давно мечтал. У Странствующего энтузиаста положение не намного лучше. «Вечно без денег в кармане» (97), он путешествует из города в город, «упрятанный в жалкую почтовую колымагу», в которой не водится даже моль [Гофман, 2011, т. 1, с. 409], обедает в дешевых трактирах, ночует далеко не в лучших провинциальных гостиницах, а иногда и вовсе жует, примостившись на лавочке в парке, припасенный заранее традиционный немецкий «бутерброд» — хлеб с маслом, увы, без колбасы (98).

С точки зрения обывателей занятия обоих персонажей являются не чем иным, как праздным времяпрепровождением. Энтузиаста, по словам Берганцы, «девять десятых сограждан терпеть не могут, так как считают его неумным» (97). Некоторые же и вовсе полагают, что он сумасшедший, а его истории — не более чем глупая выдумка, отравляющая и разрушающая психику нежных организмов [Гофман, 2011, т. 1, с. 445]. Столь же катастрофично выглядит в глазах великосветской толпы и репутация «рассказчика» «Пестрых сказок». «Предисловие сочинителя» Гомозейко вынужден начать с горького признания: сфера его интересов — главное несчастье его жизни, «вечное пятно» фамилии, злополучие, недостаток, от которого проистекают все остальные беды. Однако следует признать, что избавиться от этого *несчастья* почтенный Ириной Модестович не слишком-то стремится. Напротив, с помощью печатного станка он, кажется, вознамерился заметно расширить круг своей аудитории. И здесь мы видим в нем ничуть не меньше решимости, чем в гофмановском герое.

Они оба, разумеется, мечтатели, но мечтатели особого, активного типа. Вся их деятельность подчинена определенной идее. Ради нее они готовы идти наперекор общественному мнению, терпеть насмешки, непонимание, осуждение. Странствующий энтузиаст твердо убежден: между двумя мирами — видимым и невидимым — не существует четкой границы, они взаимопроницаемы. «Волшебное царство», способное одарить человека одновременно величайшим ужасом и величайшим блаженством, несравненно ближе к земному бытию, нежели кажется погрязшему в материальных заботах обывателю. Мир тонких материй незримо висит в передней, точно забытый на вешалке плащ, в ожидании протянутой к нему руки. «Попробуй, коснись, пробудись, опрокинься в зелень и синь саламандровых куш», — лепечет куст бузины над Линковыми купальнями в предвечерних сумерках. Скрипит перо, причудливые образы возникают и тут же растворяются в полумраке комнаты, едва освещенной пламенем свечи. Он просидит в компании теней, своих старинных знакомцев, далеко за полночь, этот энтузиаст-духовидец, взявший на себя нелегкую миссию восстановления некогда нарушенной связи между различными пластами бытия. Просидит, дабы под утро в зыбком предрассветном мареве вывести на бумаге: «...в этом царстве, которое дух часто открывает нам, по крайней мере во сне, — попробуй, говорю я, благосклонный читатель, узнать <...> давно знакомые лица и образы, окружающие тебя в обыкновенной или, как говорится, повседневной жизни, и ты поверишь, что это чудесное царство гораздо ближе к тебе, чем ты думаешь, чего именно я и желаю от всего сердца и ради чего, собственно, я и рассказываю тебе эту странную историю» (207–208).

Энтузиазм гофмановского Энтузиаста, как мы видим, направлен на расширение границ человеческого сознания. С помощью своих странных «фантазий» он стремится убедить читателя в реальности иного мира, в его безусловном, почти осязаемом существовании, о котором на протяжении веков регулярно сообщали человечеству духовидцы и пророки. О том же преодолении «мышинного горизонта», о древней алхимической способности проникать в суть вещей, о возвращении человеку некогда утраченного им двойного зрения радуется и магистр философии Гомозейко, вознамерившийся поведать людям об «искусстве оставаться назади», а также о многих других, более древних открытиях. И в этом смысле «Пестрые сказки» — только начало, пролог к более фундаментальному труду, поскольку, по признанию самого «сочинителя», мыслей ему «не занимать статью» и говорить с читателем он вознамерился «до скончания века».

До скончания века, кажется, способен вести беседы и гофмановский Энтузиаст. Его воображение, как и воображение магистра Гомозейки, буквально фонтанирует «всевозможными мыслями, идеями, замыслами» (94). Он жаждет ими с кем-то поделиться, хочет быть услышанным. Отсюда — привычка к перу и бумаге, отсюда же — исповедальный характер части его записей, а также прямые авторские обращения к читателю. И Странствующий энтузиаст, и «сочинитель» «Пестрых сказок» определенно люди философского склада. Они привыкли размышлять, анализировать; их суждения оригинальны, ход мыслей необычен. «Пестрые сказки», как мы помним, начинаются с длинного монолога Гомозейки

о «странных науках» и «странных людях» — алхимии и алхимиках. Размышлениями Энтузиаста о природе творчества, о музыке, живописи и литературе, о животном магнетизме и других тонких материях время от времени притормаживается основное действие некоторых новелл двух первых сборников Гофмана.

Объединяет персонажей и свойственное обоим прямое вмешательство в развитие сюжета. Подобно странствующему энтузиасту, Гомозейко является не только собирателем чужих историй, но и непосредственным участником некоторых событий. Он, в отличие от господина Белкина, не просто «алгебраический знак, поставленный перед математическим выражением» [Виноградов, 1941, с. 538], а реальное действующее лицо *внутри* фантастической коллизии. Условно говоря, его «выход в форточку» и служит отправной точкой того невероятного приключения, благодаря которому появляются на свет рассказы многострадальных «мучеников» реторты.

При наличии очевидного сходства существуют между двумя энтузиастами-духовидцами и некоторые различия. Одно из них касается профессиональной сферы их интересов. Гофмановский герой — представитель творческой элиты — поэт, музыкант, художник. Его талант духовидца обращен прежде всего на разгадку тайн, связанных с искусством. Внутренний мир творца, природа гениальности, степень соотнесенности творчества с тонкими пластами бытия более всего занимают его мысли и чувства. В несколько ином «магнитном поле» пребывает по преимуществу «автор» «Пестрых сказок». Ириной Модестович Гомозейко — человек научного склада; он — магистр философии, «член разных ученых обществ». И хотя предметом исследований героя Одоевского становится тот же невидимый мир, подходит он к проблеме с другого, *научного* конца. Его влечет к себе тайное знание, которым некогда владели, по его твердому убеждению, «странные люди» — алхимики. На этой алхимической ниве он и предполагает в дальнейшем подвизаться. Среди наук, которые планирует изучить новоиспеченный адепт, не только древняя алхимия, но также хиромантия, каббалистика, толкование снов, магия.

Давно замечено, что «мысли и верования», которыми наградил Одоевский «сочинителя» «Пестрых сказок», в кратком виде представляют собой «стройную, выстраданную программу новоявленного отечественного Фауста» [Там же, с. 146]. Кровное родство между одним из главных героев «Русских ночей» и его гораздо более скромным предшественником сомнений, кажется, на сегодняшний день ни у кого не вызывает [Одоевский, 1975, с. 256]. Тем удивительнее, на наш взгляд, отсутствие внимания при анализе образа Гомозейки к исходному прототипу и русского Фауста, и «автора» «Пестрых сказок» — к герою знаменитой драмы И. В. Гете. Между тем даже при беглом взгляде нетрудно заметить сходство русского магистра философии с его немецким «коллегой».

Прежде всего, они оба — люди академической научной закалки, за их плечами — долгие годы университетских штудий. Фауст, как видно из его слов, прошел курс всех факультетов («Я богословьем овладел, // Над философией корпел, // Юриспруденцию долбил // И медицину изучил» [Гете, 1976, с. 21]), в силу чего

«получил и низшую ученую степень магистра, и высшую — доктора» [Там же, с. 450]. Если верить утверждению «сочинителя» «Пестрых сказок», за плечами Ириная Модестовича тоже солидный багаж учености — он знает «все возможные языки: живые, мертвые и полумертвые»; знает «все науки, которые преподаются и не преподаются на всех европейских кафедрах» [Одоевский, 1996, с. 7]. Однако стоит заметить, что, в отличие от героя Гете, персонаж Одоевского не *доктор* философии, а только *магистр* — деталь в общем контексте фаустианских аллюзий весьма примечательная.

В соответствии с изначально заданным масштабом несколько иные очертания приобретает и второй участник драмы — представитель преисподней. В контакт с магистром Гомозейкой вступает не «господин Луцифер», и даже не «Мефистофель в гишпанском костюме», а всего лишь чертенок-дитя «лет пяти». По сравнению с духом, который явился Фаусту в облике «странствующего студента», сатаненок «Пестрых сказок» — тварь уж совсем «из бесовской мелкоты» [Гете, 1976, с. 47], «с крошечными рожками и с маленьким, только что показавшимся хвостиком» [Одоевский, 1996, с. 14]. Упоминание Мефистофеля в ряду традиционных деятелей inferнальной сферы, безусловно, неслучайно. Магистр философии Гомозейко с его увлечением «странными науками» вполне мог бы рассчитывать на историю, схожую с историей доктора Фауста. По крайней мере, подобные мысли имели все предпосылки оказаться в голове русского поклонника средневековых наук, когда он приступал к штурму заветной форточка. Однако, скажем прямо, магистр — это еще не доктор, а форточка — вовсе не дверь. На это отчетливо указывают используемые Одоевским ассоциации.

Очутившись в колбе, новоявленный адепт герметического знания сам прекрасно осознает катастрофическое уменьшение масштаба: чертенок, поджаривающий ему пятки, мало склонен к серьезной философской дискуссии; еще менее он способен дать ответы на вопросы, касающиеся мироустройства, — о свете и тьме, о роли зла в мироздании, о человеческой природе. Реторта разбивается помимо воли inferнального школяра. Похоже, своего урока он еще не усвоил и плохо разбирается в тонкостях адской алхимии. Следовательно, традиционный договор между «адептом» и «темной силой» в принципе не имеет смысла. Договариваться с сатаненком-недоучкой почтенному магистру философии не о чем. Оттого, по всей видимости, и раздосадован не на шутку современный духоиспытатель. Развитие событий движется по иной фабульной схеме — в соответствии с иным веком, местом действия и жанровым обрамлением. Тем не менее прямое авторское указание на присутствие в тексте фаустианских аллюзий требует отдельного осмысления, прежде всего в связи с образом главного героя — его взглядами, родом занятий, планами на будущее.

Как следует из монолога, которым открывается первая часть драмы, на академическую науку Фауст смотрит без особого энтузиазма. Он убежден, что, потратив на нее время, так и «остался дураком» — знания она «дать не может» [Гете, 1976, с. 21]. Истинным знанием, по его представлениям, владели некогда адепты

герметической традиции, отчасти оно сохранилось в древних манускриптах. Однако ключ к их дешифровке давно утерян, и то, что нынче выдают за «истинную древность», на самом деле — лишь поверхностное о ней суждение самовлюбленных профессоров, трактующих тексты сообразно своим представлениям. На изучение творений знаменитых мужей прошлого Фауст потратил многие годы. Но усилия его оказались напрасны: сломить семь заветных печатей и проникнуть с помощью древних текстов в «суть вещей» ему так и не удалось.

Причину своего фиаско он, будучи ученым, пытается осмыслить с точки зрения исторической перспективы. Эзотерическая традиция слишком долго и целенаправленно подвергалась гонениям: «Немногих, проникавших в суть вещей // И раскрывавших всем души скрижали, // Сжигали на кострах и распинали» [Гете, 1976, с. 28]; нить ее на определенном этапе была прервана, уже поколению отцов, как полагает Фауст, от некогда могущественной алхимии достались только пустые «черепки». Сосуд единого знания разбился на тысячи осколков, утратив содержимое. Наука обернулась бессмысленным движением «шестеренок», жизнь — барахтаньем в повседневной рутине: «Мы побороть не в силах скуки серой, // Нам голод сердца большей частью чужд, // И мы считаем праздною химерой // Все, что превыше повседневных нужд. // Живейшие и лучшие мечты // В нас гибнут средь житейской суеты» [Там же, с. 29].

Схожий взгляд на научный прогресс демонстрирует и член разных ученых обществ магистр Гомозейко. По его мнению, наука XIX века «движется по узкому и ложному пути» [Сакулин, 1913, ч. 2, с. 25]. Она не способна на величайшие открытия, поскольку погрязла в бесконечных «обмерках», расчетах, таблицах, утратив тот особый взгляд на человека и природу, который был свойствен адептам древнего герметического знания. Как и Фауст, «сочинитель» «Пестрых сказок» считает, что люди, занимавшиеся в старину «странными науками», были гораздо ближе к постижению тайн Вселенной, нежели многочисленная когорта современных ученых. «...Кажется, мы смысленнее наших предков», — с горечью замечает герой Одоевского. Однако предел, положенный человеческому разуму в век рационализма, обрезает крылья у воображения, не давая проникнуть в области таинственного. Это-то воображение и позволяло, по мысли Гомозейки, залетать алхимикам «за тридевять земель в тридесятое царство» и из этого путешествия приносить такие вещи, «которые ни больше, ни меньше, как переменяли платье на всем роде человеческом» [Одоевский, 1996, с. 11, 9–10].

В области тайных наук Фауст избирает путь активного делания. Старинные фолианты не могут удовлетворить его жажды познания, они «закрывают» и, следовательно, «мертвы»: «Пергаменты не утоляют жажды. // Ключ мудрости не на страницах книг» [Гете, 1976, с. 27]. В итоге Фауст обращается к магии, дабы овладеть конкретными приемами, позволяющими вступить в контакт со сверхъестественными силами. От них напрямую он надеется получить то, что позволит ему постичь тайну бытия, «вселенной внутренней связь» [Там же, с. 28]. Из сочинений герметиков ученый доктор как раз выбирает те, что содержат особые знаки и формулы для вызывания духов, — творенья Нострадама, Парацельса, а также

книгу «Ключ Соломона». В этой части оккультных наук Фауст вполне преуспел: с помощью заклинаний ему удастся вызвать духа земли. Последующая встреча с Мефистофелем — еще одно свидетельство духовидческих способностей героя. Тяга к эксперименту свойственна и магистру Гомозейке. В этом смысле он движется по стопам старшего коллеги — исчисляет, расчисляет, допытывается, дабы с помощью практической каббалы разрешить интересующие его вопросы. Дух авантюризма подталкивает новоявленного адепта к решительным действиям. В результате — умозрительные кабинетные штудии сменяются магической практикой — опасной и непредсказуемой игрой с силами тонкого мира.

Подводя итог, следует отметить, что выявление генетического родства мнимого автора «Пестрых сказок» с гофмановским Энтузиастом и гетевским Фаустом заметно расширяет круг возможных литературных источников образа, позволяя четче обозначить типологические черты героя, «ядро» его личности, а вместе с тем и вплотную приблизиться к пониманию общего замысла произведения. Во всяком случае думается, что без учета немецкой составляющей, ее мистических потенций вопрос об идейных и жанровых истоках цикла не может быть решен; особенно если принять во внимание хорошо просматривающийся в «Сказках» многоступенчатый комплекс гетевских и гофмановских аллюзий.

Список источников

1. *Ботникова, 1977* — Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX в.): к проблеме рус.-нем. лит. связей. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 206 с.
2. *Бочаров, 1974* — Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина : очерки. М.: Наука, 1974. 207 с.
3. *Вацуро, 1994* — Вацуро В. Э. Записки комментатора / ИРЛИ (ПД) РАН. СПб.: Академический проект, 1994. 349 с.
4. *Виноградов, 1941* — Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 640 с.
5. *Гей, 1989* — Гей Н. К. Проза Пушкина: поэтика повествования. М.: Наука, 1989. 271 с.
6. *Гете, 1976* — Гете И. В. Фауст / пер. с нем. Б. Пастернака // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта; коммент. А. Аникста. М.: Худож. лит., 1976. 510 с.
7. *Глембоцкая, Кузнецов, 2019* — Глембоцкая Я. О., Кузнецов И. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина: повесть в обход прозы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 97–100.
8. *Гофман, 2011* — Гофман Э. Т. А. Полное собр. соч. в двух томах : в 2 т. / пер. с нем. М.: Альфа-Книга, 2011.
9. *Гофман, 1991* — Гофман Э. Т. А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1 / пер. с нем.; сост. А. Б. Ботниковой и А. Карельского. М.: Худож. лит., 1991.
10. *Мокляк, 2019* — Мокляк В. И. Циклизация в творчестве русских романтиков // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2 (17). С. 25–29.
11. *Одоевский, 1996* — Одоевский В. Ф. Пестрые сказки / изд. подг. М. А. Турьян; ст. М. А. Турьян (««Пестрые сказки» Владимира Одоевского», с. 131–168); РАН. СПб.: Наука, 1996. 206 с.

12. *Одоевский, 1975* — Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подг. Б. Ф. Егоров [и др.]; примеч. Е. А. Маймина, М. И. Медового, Б. Ф. Егорова; ст. Е. А. Маймина («Владимир Одоевский и его роман „Русские ночи“», с. 247–276); АН СССР. Л.: Наука, 1975. 327 с.
13. *Осьмухина, 2011* — Осьмухина О. Ю. Авторская маска в процессе становления авторского сознания (к вопросу о жанровой норме) // Пушкинские чтения. 2011. С. 7–15.
14. *Сакулин, 1913* — Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. Т. 1: Ч. 1. VI, 616 с.; Ч. 2. [2], 479 с.
15. *Сытина, 2021* — Сытина Ю. Н. «Овеществление» как циклообразующая константа в «Пестрых сказках» князя В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 103–130.
16. *Турьян, 1991* — Турьян М. А. «Странная моя судьба...»: о жизни В. Ф. Одоевского / вступ. ст. В. Э. Вацуро («Судьба „Русского Фауста“», с. 5–10). М.: Книга, 1991. 400 с.
17. *Хализев, Шешунова, 1989* — Хализев В. Е., Шешунова С. В. Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина»: учеб. пос. для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1989. 80 с.

References

1. *Botnikova, 1977* — Botnikova A. B. E. T. A. *Gofman i russkaya literatura: (Pervaya polovina XIX v.): K probleme russko-nemetskiikh literaturnykh svyazey* [E. T. A. Hoffmann and Russian literature (First half of the 19th century): On the problem of Russian-German literary relations]. Voronezh: Voronezh State University Press, 1977. 206 p. (In Russ.)
2. *Bocharov, 1974* — Bocharov S. G. *Poetika Pushkina: Ocherki* [Pushkin's poetics: Essays]. Moscow: Nauka, 1974. 207 p. (In Russ.)
3. *Vatsuro, 1994* — Vatsuro V. E. *Zapiski kommentatora* [Notes of a commentator]. St. Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt», 1994. 349 p. (In Russ.)
4. *Vinogradov, 1941* — Vinogradov V. V. (1941) *Stil' Pushkina* [Pushkin's style]. Moscow: Goslitizdat, 1941. 640 p. (In Russ.)
5. *Gey, 1989* — Gey N. K. *Proza Pushkina: Poetika povestvovaniya* [Pushkin's prose: The poetics of narration]. Moscow: Nauka, 1989. 271 p. (In Russ.)
6. *Goethe, 1976* — Goethe I. V. *Faust* [Faust] / Translated from German by B. Pasternak. In: *Sobranie sochineniy : v 10 t.* [Collected works : in 10 vols.]. Ed. by A. Anikst, N. Vilmont; commentary by A. Anikst. Moscow: Khudozhestvennaya literature, 1976. Vol. 2. 510 p. (In Russ.)
7. *Glembotskaya, Kuznetsov, 2019* — Glembotskaya Ya. O., Kuznetsov I. V. “The Bronze Horseman” by A.S. Pushkin: narrative beyond the prose genre boundaries. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2019. Vol. 12, no 5, pp. 97–100. (In Russ.)
8. *Hoffmann, 2011* — Hoffmann E. T. A. *Polnoe sobranie sochineniy v dvukh tomakh : v 2 t.* [Collected works in two volumes: In 2 vols.]. Translated from German. Moscow: Alfa-Kniga, 2011. (In Russ.)
9. *Hoffmann, 1991* — Hoffmann E. T. A. *Sobranie sochineniy : v 6 t.* Vol. 1 [Collected works : in 6 vols. Vol. 1]. Translated from German; comp. by A. B. Botnikova and A. Karel'skiy. Moscow: Khudozhestvennaya literature, 1991. (In Russ.)
10. *Moklyak, 2019* — Moklyak V. I. Cyclization in the works of Russian Romantics. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2019, no 2 (17), pp. 25–29. (In Russ.)

11. *Odoyevsky, 1996* — Odoyevsky V. F. *Pyostrye skazki* [Motley tales]. Ed. by M. A. Tur'yan; article by M. A. Tur'yan (““Motley Tales” by Vladimir Odoyevsky”, pp. 131–168); RAN. St. Petersburg: Nauka, 1996. 206 p. (In Russ.)

12. *Odoyevsky, 1975* — Odoyevsky V. F. *Russkie nochi* [Russian nights]. Ed. by B. F. Egorov et al.; Notes by E. A. Maymin, M. I. Medovoy, B. F. Egorov; article by E. A. Maymin (“Vladimir Odoyevsky and his novel “Russian Nights””, pp. 247–276); USSR Academy of Sciences. Leningrad: Nauka, 1975. 327 p. (In Russ.)

13. *Osmukhina, 2011* — Osmukhina O. Yu. The authorial mask in the formation of authorial consciousness (on the question of genre norm). *Pushkinskie chteniya* [Pushkin Readings], 2011, pp. 7–15. (In Russ.)

14. *Sakulin, 1913* — Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma: Knyaz' V. F. Odoyevsky: Myslitel'. Pisatel'* [From the history of Russian idealism: Prince V. F. Odoyevsky: The Thinker. The Writer]. Moscow, 1913. Vol. 1: P. 1. VI, 616 p.; p. 2. [2], 479 p. (In Russ.)

15. Sytina, 2021 — Sytina Yu. N. “Reification” as a cycle-forming constant in “Motley Tales” by Prince V. F. Odoyevsky. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no 3, pp. 103–130. (In Russ.)

16. *Tur'yan, 1991* — Tur'yan M. A. “*Strannaya moya sud'ba...*”: *O zhizni V. F. Odoyevskogo* [“Strange is my fate...”: On the life of V. F. Odoyevsky]. Introductory article by V. E. Vatsuro (“The Fate of the ‘Russian Faust,’” pp. 5–10). Moscow: Kniga, 1991. 400 p. (In Russ.)

17. *Khalizev, 1989* — Khalizev V. E., Sheshunova S. V. *Tsikl A. S. Pushkina “Povesti Belkina”*: *Uchebnoe posobie dlya filologicheskikh spetsial'nostey vuzov* [A.S. Pushkin’s cycle “The Belkin Tales”: A textbook for philological specialties in universities]. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 80 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the author

Романова Елена Алексеевна
кандидат филологических наук
независимый исследователь
Россия, Санкт-Петербург

Elena A. Romanova
Candidate of Philological Sciences
Independent Researcher
St. Petersburg, Russia

Паршукова Надежда Алексеевна
кандидат филологических наук
независимый исследователь
Россия, Санкт-Петербург

Nadezhda A. Parshukova
Candidate of Philological Sciences
Independent researcher
St. Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

20.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

21.04.2025

Принята к публикации / Accepted for publication

23.05.2025

**Осмысление успешности женщины в романах
М. Арбатовой и О. Славниковой**

Юлия Геннадьевна Семикина

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС

Волгоград, Россия,

semikinajulia@yandex.ru

***Аннотация.** В статье представлено осмысление понятия «успешная женщина» в произведениях М. Арбатовой и О. Славниковой. Утверждается, что гендерный стереотип успешной женщины в русской культуре сочетает противоречивые компоненты: женщина — мать, жена, хранительница очага, воительница, работница и т. д. Писательницы делают особый акцент на соотношении таких факторов, как социальная успешность, удовлетворение от успешной самореализации и ощущение счастья.*

***Ключевые слова:** успешность, культурные традиции, женская проза, семейные ценности, материнство, авторская индивидуальность*

Для цитирования: Семикина Ю. Г. Осмысление успешности женщины в романах М. Арбатовой и О. Славниковой // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 45–52. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-45>

**Comprehension of women's success
in the novels by M. Arbatova and O. Slavnikova**

Yulia G. Semikina

Volgograd Institute of Management,

Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Volgograd, Russia,

semikinajulia@yandex.ru

***Abstract.** The article presents understanding the concept of "a successful woman" in the works of M. Arbatova and O. Slavnikova. It is argued that the gender stereotype of a successful woman in Russian culture combines contradictory components: a mother, a wife, a homekeeper, a warrior, a worker, etc. The writers place special emphasis on the correlation of factors such as social success, successful self-realization satisfaction and a sense of happiness.*

***Keywords:** success, cultural traditions, women's prose, family values, motherhood, author's individuality*

For citation: Semikina Yu.G. Comprehension of women's success in the novels by M. Arbatova and O. Slavnikova. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2025; 2: 45–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-45>

Понятие «успешная женщина» может иметь различные определения и трансформации, поскольку его трактовка зависит от множества объективных и субъективных компонентов: культурных традиций, исторической эпохи, существующих в обществе гендерных стереотипов, биологического пола, возраста и образования человека, дающего дефиницию этого понятия, и т. д. Поскольку в художественном произведении создается реальность, преломленная через жизненный опыт автора, то в художественном образе женских персонажей реализуются различные компоненты понятия «успешная женщина».

Какую женщину можно назвать успешной — ту, которая в полной мере реализовала свой личностный потенциал в обществе, или ту, которая смогла стать хорошей матерью и женой? Может быть, успешной женщине удастся в полной мере реализовать себя как в обществе, так и в семье (совместить две социальные роли)? Да и возможно ли стать в реальной жизни такой успешной женщиной, или это идеальный недостижимый образ, существующий в сознании людей? Как соотносятся такие факторы, как социальная успешность, удовлетворение от успешной самореализации и ощущение счастья? Именно об этом размышляют авторы-женщины в своих произведениях.

В конце XX — начале XXI века в российской культуре в очередной раз назрела необходимость осознания, определения роли и места женщины в обществе и, более того, в культуре. Эта рефлексия отражена не только в различного рода гендерных исследованиях, но и в искусстве, в частности в литературе. Женщины-авторы выражают в художественных произведениях собственные концепции современной «успешной женщины». Так, М. Арбатова в романах «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска» и О. Славникова в романе «2017» создали образы активных, рассудительных, самостоятельных и самодостаточных женщин, способных переосмыслить, а в некоторых случаях и преодолеть существующие в обществе гендерные стереотипы, касающиеся таких понятий, как «успешность», «материнство», «судьба», «жертвенность», «семья», «удовлетворенность жизнью», «счастье» и т. д.

Имя Марии Арбатовой ассоциируется с понятием «русский феминизм». Она считает себя успешной женщиной, сумевшей в большей мере реализовать творческий потенциал. Писательница активно выражает свою жизненную позицию в художественных произведениях. Проблемы, поднятые М. Арбатовой в романах «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска», шире, чем понятие «феминизм» в традиционном современном его понимании. Эти произведения посвящены не узко «женским» или «мужским» проблемам, в них на примере трех поколений представлена попытка персонажей решить вечные проблемы: отношения между женщиной и мужчиной, матерью и детьми, отношения двух поколений «родителей» и «детей» с современностью и т. д.

Роман «Визит нестарой дамы» отчасти посвящен классической для русской литературы проблеме: взаимоотношения родителей и детей. В основу произведения положен принцип сравнения, сопоставления: «дети — взрослые», «родители — дети», «Россия советская и постсоветская», «успешные в жизни персо-

нажи — неуспешные». Читатель оценивает жизненный опыт трех поколений: родители — дети — дети «детей». Причем о последствиях влияния второго поколения на жизнь и взросление третьего читатель может только предполагать.

М. Арбатова опосредованно выразила в художественных произведениях свою жизненную позицию: успешная «женщина, живущая с мужчиной, должна ощущать себя единственно членом семьи, ориентированным в равной степени на реализацию своего потенциала и исполнение домашних обязанностей. Все — гармонично и в меру. <...> Хотя данного идеала, достигнутого в романе лирической героиней, в реальности большинству познать, скорее всего, так и не удастся <...>» [Рыкова: электронный ресурс]. Любой, даже самой успешной, женщине придется решать сложные проблемы, особенно если они возникают в семье.

Говоря о психологических проблемах «отцов и детей», М. Арбатова (как, впрочем, и О. Славникова) отмечает, что молодые люди воспринимают себя через призму родителей. Это значит, что у детей, недолюбленных в детстве родителями, понижается самооценка и появляются проблемы в проявлении, выражении эмоций, что, в свою очередь, часто приводит к духовному одиночеству и, следовательно, запрограммированности на неуспех в жизни. По мнению писателей-женщин, комфортный психологический климат в семье очень важен (модели отношений «муж — жена» и «родители — дети» должны основываться на доброжелательном партнерстве, а не на соперничестве и насилии в любых его видах).

В семье у ребенка формируется способность к установлению отношений. Закрепленные в семье процессы гендерного ролевого научения, различия в способности к установлению отношений и формы идентификации готовят мальчика и девочку к принятию взрослых гендерных ролей. Гендерное ролевое поведение с некоторыми модификациями передается от поколения к поколению, как, впрочем, и осознание успешности в выполнении гендерной роли. «Поскольку идентичность женщины остается преимущественно в рамках роли жены/матери, женщина передает свои ролевые навыки и ожидания, свой образ жизни следующему поколению с большей вероятностью, чем отец» [Чодороу, 2006, с. 208]. Зачастую в отношениях «мать — дети» наблюдается отсутствие эмоциональной связи и, как следствие, — «женское насилие» в семье (женщина эмоционально подавляет членов своей семьи). Причем писательницы отмечают, что такая роль в семейных отношениях не делает женщину счастливой, не дает ей ощущения успешности.

Это утверждение можно проецировать как на сферу рационального, так и на сферу эмоционального. В романах М. Арбатовой «Визит нестарой дамы» и «Семи-летка поиска» мы наблюдаем примеры «протестного поведения» как одной из форм осознанного противодействия детей такой насильственной трансляции личного и культурного опыта матери. «Психологическая зависимость от матери — основная проблема европейской культуры. Матери хотят эмоционально жить за счет ребенка, хотят быть всем для него, поэтому они не готовят его к нормальному восприятию основных фаз отрыва от себя: переходного возраста, брака и собственной смерти» [Арбатова, 2008а, с. 301]. Переоценка воспитательной функции делает женщину несчастной. Подростки сопротивляются излишнему родительскому давлению, что

становится причиной неуспешности в реализации социальной роли матери. В романе «Семилетка поиска» автор моделирует большое количество диалогов журналистки Елены с дочерью, в которых проговаривается травматический опыт трех поколений женщин (бабушка — мать — дочь). Каждая из этих женщин не ощущает себя счастливой в семейных отношениях, поскольку из поколения в поколение происходит насильственная трансляция личного и культурного опыта матери.

Женщина выполняет в культуре и в социуме важные функции. Женское начало имеет в философском и культурологическом понимании две основные ипостаси: мать, жена. «Материнство есть такая форма связи одного с другим, в которой два элемента имманентно связаны между собой, причем другое порождается одним, как причиной порождается следствие» [Богин, 2003, с. 29]. Эта связь не только физическая, но и духовная. «Вторая форма женского начала — жена — является подчиненной в своей связи с мужским началом, в отличие от первой, материнской формы, в которой женское начало господствовало над мужским. И если в материнстве подчиненность мужского начала отрицала роль личности, сферу активного творчества и свободы, если ипостась матери связана только с субстанциональностью — повторением, естественностью, сохранением и заботой о том, что уже есть, то в браке господство мужского начала — это свобода и творчество, утверждение самоценности индивидуальности и личности. <...> Жена в браке — это преемственность между прошлым и будущим; она — само настоящее, то, что наделяет смыслом каждую определенность, стремящуюся вырваться на свободу личного самоутверждения» [Богин, 2003, с. 42–43]. Исходя из возвышенного понимания материнства мать — это воплощение добра, любви, гармонии, в реальной же жизни матери, по мнению М. Арбатовой, зачастую являются трансляторами подсознательной жестокости, непонимания, морального и физического насилия. Это происходит не из-за того, что женщина не любит своего ребенка, просто она считает, что ее жизненный опыт позволяет ей принимать важные решения за ребенка (а не вместе с ним), т. е. ограничивает внутреннюю свободу своего дитя даже тогда, когда он стал взрослым и у него появилась собственная семья. Даже успешные матери (в социальной или семейной сферах) способны совершать моральное насилие над детьми.

Ирина Ермакова, главная героиня романа М. Арбатовой «Визит нестарой дамы», рассуждая о матерях послевоенного поколения, отмечала, что для них насилие было нормой жизни: «Мать снилась мне идеальной, тактичной и ласковой, но поутру я нелетала лицом на реальность. <...> Умом я понимала, что люди, изуродованные сталинским детством, не могут быть нормальными родителями, что насилие и безответственность впечатаны в них как нормы. Откуда они могли знать, что материнская любовь безусловна и ее отсутствие вызывает у человека чувство отчаяния и потерянности <...>. Откуда им было ведать, что мать любит своих детей не потому, что они хорошие, а потому, что они ее дети» [Арбатова, 2008, с. 74–75].

При помощи параллельного сцепления эпизодов М. Арбатова добивается широкой типизации: поколение отцов (родители Ирины Ермаковой и ее друзей) и

поколение детей (Ирина Ермакова, Димка, Ека, Пупсик, Тихоня и Васька). Причем хотелось бы отметить, что автор постоянно подчеркивает успешность женских персонажей произведения в различных сферах жизни. Отсутствие имен и фамилий у некоторых персонажей (есть только прозвища) усиливают эффект типизации: группа друзей проецируется на все «поколение сорокалетних».

В романе «Семилетка поиска» тема женской успешности раскрывается через сопоставление главного персонажа с второстепенным, в частности, журналистка Елена противопоставлена коллеге и подруге Кате: «Елена была синтетической оторвой: успевала дома, на работе, в любви и на войне. Катя была многодетной матерью <...>. Елена для Кати была пристально изучаемым воплощенным хаосом. Катя для Елены — грустной загадкой. Вроде все понимала про жизнь правильно, но жила с точностью до наоборот» [Арбатова, 2008а, с. 8]. В образе Кати воплощена идея о не реализовавшей себя в социальной сфере женщине, о самопожертвовании и покорности судьбе. Катя играет в романе роль второго плана, она является олицетворением классического идеала семейной жертвенной женщины-матери и жены. Елена — персонаж первого плана — осмеливается противопоставиться сложившемуся в обществе стереотипу гендерного поведения и стремится к успеху, ищет новой женской доли, которая, по ее мнению, должна быть основана на искренней любви в ее высшем понимании. Знаменателен тот факт, что в конце романа Катя осознает, почему она ощущает неудовлетворенность настоящим, переосмысливает свои ценностные установки и начинает новую жизнь, основанную на уважении к себе (то есть начинает свой путь к успеху).

Похожий прием (сопоставление двух типов женских персонажей) использует О. Славникова в романе «2017»: успешная предпринимательница, красавица Тамара Крылова и Татьяна, возлюбленная ее бывшего мужа, не отличающаяся внешней красотой и не имеющая престижной работы. Обе женщины несчастны. Жизненные модели героинь однобоки, негармоничны, поэтому каждая из них ощущает неуспешность в разных социальных ролях.

В произведении «Семилетка поиска» автор уделяет внимание в большей мере поколению «сорокалетних детей» и психологическим проблемам их возрастного кризиса. Главная героиня (успешная журналистка Елена) меняет жизненную концепцию с «Я — гиперопекающая мать» на «Я — женщина» (которая проявляется в первую очередь через призму женской сексуальности). Позиция Елены «Я — гиперопекающая мать» реализуется в произведении в трех системах отношений: родители Елены, которые были своего рода большими детьми, ее мужа, дочь Лида. В каждой из этих межличностных систем есть внутренний конфликт, двусторонняя зависимость и властные отношения. Модель взаимоотношений родителей в семье усваивается детьми. М. Арбатова показывает различные стратегии семейных отношений.

Психологи предполагают, что «организация и идеология семьи все же воспроизводят гендерные различия и создают ожидание, что женщина, в отличие от мужчины, обретет первичную идентификацию именно в семье» [Чодороу, 2006,

с. 208]. Успешность в материнской социальной роли, в семье и в профессиональной сфере могут дать ощущение наполненности бытия и стать основой для реализации духовных потребностей.

Девочка узнает, что значит быть (или не быть) женственной посредством личной идентификации с матерью или с другими важными в ее жизни женщинами (с родственницами, подругами матери, матерями друзей и т. д.). Эта модель гендерной идентификации имеет как положительные, так и отрицательные стороны, поскольку если в одном из поколений произошел «сбой» в гендерной идентификации, то могут поменяться значимые компоненты роли. Если эта измененная модель начинает восприниматься последующими поколениями, то этот процесс приводит к неверному пониманию гендерной роли в эмоциональном плане: неспособности к эмпатии, изменению эмоциональной потребности к установлению позитивных отношений. В результате таких трансформаций человек не способен создать или сохранить семью, поскольку его поведение не соответствует существующему в обществе стереотипу гендерного поведения.

«Девочка идентифицируется с матерью, чтобы обрести взрослую женскую идентификацию и научиться взрослой гендерной роли» [Чодороу, 2006, с. 210]. Что же происходит, если сама мать в психологическом плане не является взрослым человеком (в сфере эмоционального и/или рационального)? По-видимому, в таком случае происходит инфантилизация или позднее проблемное взросление следующего поколения, что и показано в романах М. Арбатовой «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска». Инфантилизация, в свою очередь, также приводит к трудностям в достижении социальной успешности и в обретении счастья.

Например, взрослая дочь Елены Лида ведет себя как подросток: не осознает ответственность за совершенные поступки, не задумывается об их последствиях. Результат подобной жизненной позиции — отсутствие собственной семьи и неспособность самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, то есть неуспешность в реализации себя как личности. Отличительная особенность романа «Семилетка поиска» заключается в том, что рациональный план отношений, который дается чаще всего в психологическом анализе отношений Елены и Лиды представлен в тексте в восприятии либо автора, либо психолога Карцевой. Эмоциональная составляющая выражается в непосредственной речи персонажей. Таким образом, осмысление успешности/неуспешности происходит в двух проекциях.

Мария Арбатова в своих романах остро полемизирует с гендерными стереотипами общества. В частности, в вопросе о социальном статусе женщины. «В нашем обществе женщину в первую очередь определяют как жену и мать, т. е. определяют ее через углубленные отношения к кому-то еще, а мужчину определяют в первую очередь в универсальных терминах профессии» [Чодороу, 2006, с. 212]. В современном мире женщина стремится достичь успеха и в семье, и в профессиональной сфере, соответственно ее понимание успешности отличается от того, каким оно было в предшествующие исторические периоды.

Главные персонажи-женщины в романах М. Арбатовой и в романе О. Славниковой состоялись в профессиональном плане: Ирина Ермакова — известная ху-

дожница, Елена — успешная журналистка, Тамара Крылова — успешная предпринимательница и общественный деятель. В личных (семейных) отношениях они сталкиваются с многочисленными трудностями. Выполняя в семье роль жены и матери, женщины несут ответственность за аффективно-зависимые функции [Чодороу, 2006, с. 212]. А Тамара Крылова и Татьяна вообще не имеют опыта материнства, поэтому общество не воспринимает их как женщин, успешных во всех сферах жизни.

Автор пытается опровергнуть устоявшийся стереотип, что женщина в обществе получает статус успешности и положение в основном от мужа. М. Арбатова подчеркивает тот факт, что женщина в современном мире все чаще выполняет «мужские» функции: берет на себя активную роль не только в семье, но и в обществе в целом. Традиционно сложившиеся требования к гендерной роли женщины часто противоречивы, например, быть пассивной и зависимой в отношениях с мужчиной и быть независимым инициатором по отношению к детям [Чодороу, 2006, с. 210]. Женщины-авторы в своих произведениях «Визит нестарой дамы», «Семилетка поиска» и «2017» задают вопрос: «А что же делать женщине, если муж в психологическом плане занимает в семье место сына?». Ответ на него косвенно дан в текстах романов: задуматься над предпосылками этой жизненной ситуации. В конце романа «Семилетка поиска» Елена делает вывод, что женщина может стать неуспешной, если она посвящает свою жизнь тому мужчине, который ее недостоин.

М. Арбатова и О. Славникова побуждают читателей поразмышлять над проблемой «женской успешности» и определиться в жизненной стратегии, ведь если ты хочешь быть «сильной» женщиной (успешной в работе, независимой и реализовавшейся в материнстве, берущей на себя ответственность за события, происходящие в жизни), то необходимо оценить свое влияние на членов семьи и смириться с тем, какую цену приходится платить за трансформацию своей гендерной роли. Читая романы «Визит нестарой дамы», «Семилетка поиска», «2017», мы еще раз убеждаемся, что гендерный стереотип успешной женщины в русской культуре сочетает противоречивые компоненты: женщина — мать, жена, хранительница очага, воительница, работница и т. д. Женские образы в произведениях писательниц заставляют задуматься о том, может ли женщина считаться успешной, пытаюсь реализовать себя в полной мере во всех сферах.

Список источников

1. *Алешина, 2003* — Алешина М. За недостижимое равенство полов // Сайт Аргументы и Факты. 29.09.2003. URL: http://gazeta.aif.ru/online/uznat/18/hz14_01 (дата обращения: 03.11.2025).
2. *Арбатова, 2008* — Арбатова М. Визит нестарой дамы: Вполне роман. М.: АСТ, 2008. 288 с.
3. *Арбатова, 2008a* — Арбатова М. Семилетка поиска : роман. М.: АСТ, 2008. 576 с.
4. *Богин, 2003* — Богин И. Вечная женственность. СПб.: Алетейя, 2003. 488 с.
5. *Жаравина, 2024* — Жаравина Л. В., Орлова Е. А. Легкость бытия в хронотопе женской красоты: Евдокия Ростопчина и Борис Зайцев // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 2 (6). С. 106–111.

6. Рыкова, 2009 — Рыкова О. Рецензия на роман «Визит нестарой дамы» [Электронный ресурс] // Персональный сайт Марии Арбатовой. 2009. URL: <http://www.arbatova.ru/books/3.html> (дата обращения: 14.11.2009).
7. Славникова, 2008 — Славникова О. А. 2017 : роман. М.: Вагриус, 2008. 544 с.
8. Чодороу, 2006 — Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2006. 496 с.

References

1. Alyoshina, 2003 — Alyoshina M. For the unattainable gender equality. *Argumenty i Fakty* [Arguments and facts]. 09/29/2003. Available at: http://gazeta.aif.ru/online/uznat/18/hz14_01 (accessed 03.11.2025). (In Russ.)
2. Arbatova, 2008 — Arbatova M. *Vizit nestaroy damy: Vpolne roman* [The visit of a not yet old woman lady: Quite a novel]. Moscow: AST, 2008. 288 p. (In Russ.)
3. Arbatova, 2008a — Arbatova M. *Semiletka poiska : roman* [The seven-year search : A Novel]. Moscow: AST, 2008. 576 p. (In Russ.)
4. Bogin, 2003 — Bogin I. *Vechnaya zhenstvennost'*. SPb.: Eternal femininity, Aletejya, 2003. 488 p. (In Russ.)
5. Zharavina, 2024 — Zharavina L.V., Orlova E. A. The lightness of being in the chronotope of female beauty: Evdokia Rostopchina and Boris Zaitsev. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological sciences], 2024, no 2 (6), pp. 106–111. (In Russ.)
6. Rykova, 2009 — Rykova O. Review of the novel "The Visit of an elderly lady". *Personal'nyj sayt Marii Arbatovoj* [Maria Arbatova's personal website], 2009. Available at: <http://www.arbatova.ru/books/3.html> (accessed: 14.11.2009). (In Russ.)
7. Slavnikova, 2008 — Slavnikova O. A. *2017 : roman* [2017 : Novel]. Moscow: Vagrius, 2008. 544 p. (In Russ.)
8. Chodorow, 2006 — Chodorow N. *Vosproizvodstvo materinstva: Psihoanaliz i sociologiya genera* [Reproduction of motherhood: Psychoanalysis and sociology of gender]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN, 2006. 496 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Семикина Юлия Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС

Россия, 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8

Yulia G. Semikina

Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

8, Gagarin Street, Volgograd, 400066, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

05.11.2025
08.11.2025
11.11.2025

Мяндины из Выгозерского погоста

Александр Николаевич Старицын

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия,
profitens@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8240-6703

***Аннотация.** В статье исследуется генеалогия знаменитого усть-цилемского староверческого книгописца Ивана Степановича Мяндина. На примере северного региона России демонстрируется результативность метода сплошного просмотра переписных книг и ревизских сказок. Показано, что использование переписных книг и материалов ревизий в качестве источника по истории староверческого движения является эффективным и перспективным решением биографических, просопографических, географических, социальных, генеалогических и демографических вопросов.*

***Ключевые слова:** Русский Север, староверы, переписные книги, происхождение крестьян Мяндиных*

Для цитирования: Старицын А. Н. Мяндины из Выгозерского погоста // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 53–58. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-53>

The Myandins from Vygozersky Pogost

Alexander N. Staritsyn

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia,
profitens@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8240-6703

***Abstract.** The article explores the genealogy of Ivan Stepanovich Myandin, a famous Ust-Tsilma Old Believer bookscriber. Using the northern region of Russia as an example, the article demonstrates the effectiveness of the method of continuous review of census books and revision reports. It shows that using census books and revision materials as a source for the history of the Old Believer movement is an effective and promising solution for biographical, prosopographical, geographical, social, genealogical, and demographic issues.*

***Keywords:** Russian North, Old Believers, census books, origin of the Myandin peasants*

For citation: Staritsyn A. N. The Myandins from the Vygozersky Pogost. *Vestnik Syktывkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnyykh nauk = Bulletin of Syktывkar University. Humanities Series.* 2025; 2: 53–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-53>

Традиционный для исследователей староверчества круг источников обычно формируется из двух групп: источники, вышедшие из-под пера сторонников старины, и официальные документы, происходящие из правительственного лагеря.

Для раннего периода истории старообрядчества, который охватывает вторую половину XVII и начало XVIII в., переписные книги, относящиеся к документам официального характера, имеют исключительное значение. Почему среди многочисленных видов источников этой группы хочется говорить именно о переписных книгах? Дело в том, что правительственные постановления, решения соборов, всевозможные акты, материалы следственных дел, челобитные, донесения, отписки, относящиеся к указанному периоду, прочно вошли в научный обиход и уже довольно хорошо изучены. В этом плане исследователь староверчества едва ли обнаружит что-то новое, возвращаясь к этим документам. Обращение к переписным книгам и материалам ревизий всегда дает новую информацию.

Рассмотрим на примере конкретной семьи, проживавшей в северном поморском регионе Российского государства, что можно почерпнуть из материалов государственного учета для истории староверческого движения. При сплошном просмотре переписных книг 1678 и 1707 гг. были выявлены предки знаменитого усть-цилемского книгописца Ивана Степановича Мяндина, которые оказались выходцами из Выгозерского погоста Олонецкого уезда, переселившимися в начале XVIII в. в Мезенский уезд. Применение метода сплошного просмотра является чрезвычайно затратным по времени и требует от исследователя значительного терпения, усидчивости и внимательности, но в то же время может отблагодарить неожиданным результатом.

На низовой Печоре в XIX в. был известен усть-цилемский книгописец Иван Степанович Мяндин, личность которого привлекала внимание исследователей старообрядческой книжности. В. И. Малышев занимался поисками предков И. С. Мяндина в 1960-х гг. Он сумел установить самую раннюю в родословной Мяндиных дату — 1725 г., тогда они жили в Усть-Цильме, недавно приехав из д. Белошелье Мезенского уезда [Малышев, 1985, с. 323]. В. И. Малышев заметил, что о времени появления Мяндиных в Усть-Цильме, равно как и об их появлении в Мезенском уезде, можно говорить только приблизительно, что поиски не прекращаются и, возможно, в будущем удастся установить более точную дату. Вслед за Малышевым родословной Мяндиных заинтересовалась исследовательница из Москвы, уроженка Усть-Цильмы, Т. Д. Вокуева. В 2009 г. она опубликовала статью, в которой высказала предположение, что фамилия Мяндины имеет карельское происхождение (мянда по-карельски — сосна), а самих носителей этой фамилии, возможно, следует искать на территории Карелии в Заонежье [Вокуева, 2009, с. 21–32]. Т. Д. Вокуева, опираясь на материалы I ревизии, установила семейный состав Мяндиных, которые были записаны в 1719 г. в Усть-Цильме как приезжие люди «мезенцы» из д. Белошелье Мезенского уезда [Вокуева, 2009, с. 21]. Все же вопрос о том, откуда Мяндины приехали в Мезенский уезд, оставался нерешенным. В новейшей монографии Т. Ф. Волковой, посвященной литературному творчеству И. С. Мяндина, к сожалению, о его предках не приводится никакой информации [Волкова, 2024].

Надо признаться, что Мяндинами, как и книжниками Печорского региона, я не интересовался. Меня больше привлекали поиски дополнительных сведений о

староверах, упомянутых в сочинении И. Филиппова «История Выговской старообрядческой пустыни». Жители Выго-Лексинского общежительства, находившиеся в глухом лесном углу Олонецкого уезда, получившего название Выговский суземок¹, происходили в большинстве из окрестных погостов: Выгозерского, Толвуйского, Шунгского, Челмужского и др. Поэтому переписные книги Олонецкого уезда стали моими настольными книгами. Сравнивая информацию из двух переписных книг Олонецкого уезда — 1678 и 1707 гг., я обратил внимание в переписи 1678 г. на фамилию крестьян Выгозерского погоста² Мяндины, которая показалась мне знакомой.

В 1678 г. в Выгозерском погосте в деревне Воренже были отмечены крестьяне Мяндины: «Во дворе Якушко, Фомка Ивановы Мяндины. У Якушка дети Ивашко трехнатцати лет, Гришка пяти лет, Ивашко дву лет. У Фомки сын Васка пяти лет, а преж сего в том дворе жил крестьянин Сергушка Григорьев тое ж деревни, и он Сергушка сшел з женою и з детми во 176-м году, и ныне живет Соловецкого монастыря в вотчине в Сумском остроге» [Переписная книга, 1678, л. 302]. Из этой записи видно, что Мяндины заняли освободившийся двор в 1668 г. Неизвестно, были они пришлыми людьми или жителями того же погоста.

В Переписной книге 1707 г. было отмечено, что многие деревенские жители либо умерли, либо «сошли в раскол», а Яков Иванович Мяндин в 1692 г. оставил свой тяглый участок и куда-то переселился: «Деревня Оренская³ Тое ж деревни пустые дворы. Двор и участок впусе крестьянина Василья Леонтьева⁴, а он Василей умре, а жена и дети ево сошли в роскол в давных годах. Двор и участок впусе крестьянина Матфея Леонтьева⁵, а он Матфей сшел в роскол в давных годах. Двор и участок впусе крестьянина Петра Евсеева⁶, а он, Петр, умре в давных годах. А сын ево умре в нынешнем 707-м году. Двор и участок впусе крестьянина Лариона Борпика, а он Ларион умре в давных годах. Двор и участок впусе крестьянина Якова Мяндина, а он Яков сшел в раскол тому пятнатцать годов» [Переписная книга, 1707, л. 243 об.]. Получается, прожив 24 года в Выгозерском погосте, Мяндины отправились искать новое место жительства. Выражение «сшел в раскол» очень неопределенное, и возникают две версии передвижения Мяндиных из Выгозерского погоста: либо в сразу в Мезёнский уезд, либо сначала на Выг, где в дремучих лесах прятались противники церковных нововведений.

¹ Безлюдное, дикое место.

² В XVII в. административная единица Олонецкого уезда, включавшая в себя земли вокруг Выгозера.

³ В переписных книгах название деревни Воренжа варьировалось: Воренжа, Оренская, Воренская.

⁴ По переписи 1678 г. устанавливается, что его фамилия Болотников, брат Матфея. См.: [Переписная книга, 1678, л. 302 об.]

⁵ Брат предыдущего, фамилия — Болотников. См.: [Переписная книга, 1678, л. 302 об.]

⁶ По переписи 1678 г. устанавливается фамилия Петра Евсеева — Третьяков и имя его сына — Андрей. См.: [Переписная книга, 1678, л. 301 об.]

Мы располагаем сведениями, что на Мезень переселялись выходцы из Карелии, в том числе и староверы. Например, в 1708 г. после набегов шведских военных отрядов переселились в Мезенский уезд крестьяне Кижского погоста Петр Сидоров Старцов и его приемыш Василий Хлебников. Они обосновались на реке Пезе, где под руководством Ивана Бедринского была основана староверческая пустыня [Донесения, 1716, л. 25]. Таким образом, очевидно, что среди переселенцев были староверы.

Если допустить, что покинувшие Выгозерский погост в 1692 г. Мяндины ушли в Выговский суземок, который в то время уже приобрел известность среди окрестных крестьян как убежище для сторонников старой веры, то здесь Мяндины могли найти укрытие от преследований либо в братстве их земляка инока Сергия (что наиболее вероятно), обосновавшегося в пустыни при впадении Лексы в Выг, либо в братстве Даниила Викулова на Старом заводе, которое объединяло скрывавшихся в лесах староверов до переселения на берег Выга. «Старым заводом» стала называться местность у небольшого озера¹ недалеко от Боровского скита в противовес новому «заводу» на реке Выг, получившему наименование Выговское общежительство.

Как следует из «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова, во время голодных лет (1705–1712 гг.) братство Сергия распалось, обитатели Сергиевского скита разбрелись кто куда [Филиппов, 1862, с. 123]. Можно предположить, что из Выговского общежительства или из Сергиевского скита в 1710-е гг. староверы Мяндины переселились в Мезенский уезд, с которым у выговцев были установлены связи. И. Филиппов писал, что за Мезень в один из староверческих скитов ушел брат инока Питирима Иона, где и умер [Филиппов, 1862, с. 128]. Лешуконский район, где в д. Белощелье осели Мяндины, был известен как прибежище староверов. Мяндины по каким-то причинам были вынуждены уехать из д. Белощелье Мезенского уезда еще дальше на восток в Усть-Цильму, где в 1719–1725 гг. их потомки были зафиксированы во время I ревизии, как установили В. И. Малышев и Т. Д. Вокуева [Малышев, 1985, с. 323; Вокуева, 2009, с. 21–32].

На этом примере можно наблюдать, что на протяжении 60 лет исследователи обращались к переписным книгам как источнику сведений о староверах и всякий раз находили что-то новое. Мы имеем возможность убедиться, что при решении просопографических задач особенно результативным является метод сплошного просмотра нескольких переписей и ревизий. Архивная находка подтверждает предположение Т. Д. Вокуевой, что Мяндины имеют карельское происхождение и их корни следует искать в Заонежье.

Список источников

1. *Вокуева, 2009* — Вокуева Т. Д. Родословные корни Мяндиных и происхождение фамилии : материалы респ. научно-практ. конф. (12 июля 2008 г., с. Усть-Цильма) // Первые Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2009. С. 21–32.

¹ Современное название озера: Старозаводское.

2. *Волкова, 2024* — Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин: рукописное наследие. Литературные редакции и переработки древнерусских и старообрядческих сочинений : исследования и тексты: в 2 ч. Ч. 1. Исследования: литературные редакции памятников древнерусской и старообрядческой литературы, созданных И. С. Мяндиным [Электронный ресурс] : монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. 267 с.

3. *Донесения, 1716* — Донесение о присылке к архиепископу Варнаве арестованных староверов с реки Пезы Мезенского уезда. 1716 г. // ГААО. Ф. 831 (Холмогорский Спасо-Преображенский собор). Оп. 1. Д. 266. Л. 25.

4. *Мальшев, 1985* — Мальшев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома : сб. науч. статей. Л.: Наука, 1985. С. 323–337.

5. *Переписная книга, 1678* — Переписная книга Олонецкого уезда 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 302.

6. *Переписная книга, 1707* — Переписная книга Олонецкого уезда 1707 г. // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 8579. Л. 243 об.

7. *Филиппов, 1862* — Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1862. 480, V с.

References

1. *Vokueva, 2009* — Vokueva T. D. Genealogical roots of the Myandins and the origin of the surname: proceedings of the Republican scientific and practical conference (July 12, 2008, Ust-Tsilma village). *Pervye Myandinskie chteniya* [The first Myandin readings]. Syktyvkar, 2009. Pp. 21–32. (In Russ.)

2. *Volkova, 2024* — Volkova T. F. *Ivan Stepanovich Myandin: rukopisnoe nasledie. Literaturnye redakcii I pererabotki drevnerusskikh I staroobryadcheskikh sochinenij: issledovaniya I teksty: v 2 ch. Ch. 1. Issledovaniya: literaturnye redaktsyi pamyatnikov drevnerusskoj I staroobryadcheskoj literatury, sozdannykh I. S. Myandinym* [Ivan Stepanovich Myandin: Manuscript Heritage. Literary Editions and Revisions of Old Russian and Old Believer Writings: Research and Texts: in 2 Parts. Part 1. Research: Literary Editions of Old Russian and Old Believer Literature by I.S. Myandin]. [Electronic resource] : monograph: textual scientific electronic publication on a CD. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 2024. 267 p. (In Russ.)

3. *Reports, 1716* — Report on the sending of the arrested Old Believers from the Peza River in the Mezen District to Archbishop Varnava. 1716. GAAO [GAAO]. F. 831 (Kholmogory Spaso-Preobrazhensky Cathedral). Op. 1. D. 266. L. 25. (In Russ.)

4. *Malyshev, 1985* — Malyshev V. I. *Ust-Tsilemsky Book-Writer and 19th-Century Writer I.S. Myandin. Drevnerusskaya knizhnost'. Po materialam Pushkinskogo Doma: Sbornik nauchnykh statej* [Old Russian Book-Writing. Based on the Materials of the Pushkin House: Collection of Scientific Articles]. Leningrad, 1985. Pp. 323–337. (In Russ.)

5. *Census book, 1678* — Census book of the Olonets uezd in 1678. RGADA [RGADA]. F. F. 1209 (Local order). Op. 1. D. 1137. L. 302. (In Russ.)

6. *Census book, 1707* — Census book of the Olonets uezd in 1707. RGADA [RGADA]. F. 1209 (Local order). Op. 1. D. 8579. L. 243 ob. (In Russ.)

7. *Filippov, 1862* — Filippov I. *Istoriya staroobryadcheskoj Vygovskoj pustyni* [History of the Vygov Old Believer Hermitage]. St. Petersburg: Izdanie D. E. Kozhanchikova, 1862. 480, V p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Старицын Александр Николаевич
Научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН,

Alexander N. Staritsyn
Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Россия, 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

08.11.2025
09.11.2025
10.11.2025

Научная статья / Article

УДК 811

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-58>

Фразеологические кальки английского происхождения в русском языке

Ирина Серафимовна Урманчева¹, Игнат Александрович Попов²

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия,

¹isurman@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6376-1059>

²ignat.popov.90@mail.ru

***Аннотация.** Изучение закономерностей освоения английских фразеологизмов русским языком остается актуальным, поскольку английский язык является основным источником поступления устойчивых выражений в последние несколько десятилетий. В статье приводятся результаты анализа фразеологических калек, посвященного выявлению их структурно-семантических отличий от английских прототипов. Рассмотрены выражения, по структуре соответствующие предложению и сочетанию слов с сочинительной и подчинительной связью. Обнаружены отличия формального и лексико-семантического характера. В процессе анализа затрагиваются вопросы происхождения и тематической направленности фразеологических калек английского происхождения.*

***Ключевые слова:** фразеология, происхождение фразеологизмов, калькирование, фразеологические кальки английского происхождения*

Для цитирования: Урманчева И. С., Попов И. А. Фразеологические кальки английского происхождения в русском языке // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 58–74.
<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-58>

Phraseological calques of English origin in Russian

Irina S. Urmancheeva¹, Ignat A. Popov²

^{1,2} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,

¹ isurman@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6376-1059>

² ignat.popov.90@mail.ru

Abstract. *The study of the patterns of mastering English phraseological units in the Russian language remains relevant, since English has been the main source of stable expressions in the recent few decades. The article presents the results of an analysis of phraseological calques, dedicated to identifying their structural and semantic differences from English prototypes. Expressions have been identified that correspond in structure to a sentence and a combination of words with a compositional and subordinate connection. Differences of a formal and lexico-semantic nature are revealed. In the course of the analysis, questions of the origin and thematic orientation of phraseological calques of English origin are raised.*

Keywords: *phraseology, the origin of phraseological units, calquing, phraseological calques of English origin*

For citation: Urmancheeva I. S., Popov I. A. Phraseological calques of English origin in Russian. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2025; 2: 58–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-58>

Введение. В настоящее время заимствование слов и выражений осуществляется преимущественно из английского языка. Интерес к калькам английского происхождения можно объяснить востребованностью знания английского языка как международного в современных реалиях, его общей популярностью и распространённостью. Изучение вопроса фразеологических калек английского происхождения позволяет получить сведения о происхождении фразеологических единиц, отследить и проанализировать те или иные типичные закономерности пополнения фразеологического состава русского языка.

По словам Л. Ю. Масловской, до недавнего времени калькирование почти не освещалось отечественной лингвистической наукой. О нем упоминалось в связи с рассмотрением словарных заимствований, что независимо от воли и намерений авторов создавало ему репутацию второстепенного явления. В настоящее время вопросы калькирования требуют более тщательной разработки в лексической системе русского языка [Масловская, 2010, с. 31].

При изучении иноязычного влияния на русский язык процессу калькирования в отечественной науке уделяется значительно меньше внимания, чем лексическому заимствованию: «...во-первых, калек в языке (не только современном, но и, например, русском языке XIX века) несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития» [Крысин, 2004, с. 221]. В связи

со сказанным проблема калек в лингвистике остается дискуссионной и представляет существенный интерес для русистики [Сенько, Ленчина, 2020, с. 129].

И. О. Наумова отмечает, что «проблема выявления и анализа функционирования в русской языковой системе фразеологических калек английского происхождения остается наименее изученной как в теоретическом аспекте, так и в плане фиксации конкретного языкового материала» [Наумова, 2012, с. 7].

Основным источником материала для статьи является историко-этимологический словарь «Русская фразеология» под редакцией В. М. Мокиенко (Москва, 2007) (далее — РФИЭС). Источником англоязычного материала выступил «Англо-русский, русско-английский словарь» А. М. Винокурова (Москва, 2014).

Методы исследования, теоретическая база. К числу используемых в ходе работы методов относятся методы сопоставительного и компонентного анализа, описательно-синхронный и системно-структурный.

Обзор литературы по вопросу калькирования (работы Ж. Баганы, У. Вайнрайха, А. А. Горбова, А. А. Зализняк, К. С. Захватаевой, Л. П. Крысина, Е. В. Мариновой, Д. Н. Шмелева) см. в [Сенько, Ленчина, 2020].

Н. М. Шанский выявляет четыре группы, на которые могут быть разделены фразеологизмы по их происхождению, – исконно русские фразеологизмы, заимствованные фразеологизмы, фразеологические кальки и фразеологические полукальки [Шанский, 1985, с. 88]. От исконно русских и заимствованных фразеологизмов фразеологические кальки отличаются тем, что это иноязычные фразеологические обороты, которые переводятся на русский язык. Перевод осуществляется не целиком, а по частям, то есть по словам, из которых они складываются [Масловская, 2010, с. 32]. У заимствованных фразеологических оборотов форма выражения соотнесена с языком-источником, в то время как у кальки следы этой соотнесенности несколько размыты и не так очевидны. Данное явление может быть объяснено тем, что по синтаксическим связям слов и их семантическим отношениям основная масса фразеологических калек в русском языке не отличается от тех оборотов, которые являются исконно русскими [Наумова, 2012, с. 15]. Фразеологическая полукалька, в отличие от кальки, — это «полуперевод-полузаимствование иноязычного фразеологического оборота (часть компонентов фразеологизма переводится, а часть заимствуется без перевода)» [Шанский, 1985, с. 103].

Фразеологическое калькирование является весьма продуктивным инструментом пополнения и развития фразеологического состава русского языка. Некоторые заимствованные фразеологизмы могут постепенно устаревать и исчезать из состава языка, и в этом отношении новые фразеологические кальки являются актуальными способами замены исчезнувших единиц. Помимо этого, процесс фразеологического калькирования в результате функционирования в языке затрагивает синтаксические нормы и отношения русского языка, при этом взаимодействуя с различными сочетаниями русских слов. В результате данных преобразований возникают новые для языка принципы, значения и модели фразеологизмов и оборотов с ними.

В контексте влияния процесса калькирования на развитие русского языка стоит отметить, что при калькировании трансформируется только форма, а «чуждая суть» остается, в связи с чем кальки рассматриваются как трансляторы идей иной культуры, представляющие собой угрозу для национально-языковой самобытности [Сенько, Ленчина, 2020, с. 129]. В результате подобных явлений процесс калькирования можно обозначить как один из механизмов, сближающих культуры разных народов.

В ходе процесса калькирования, когда фразеологическая калька уверенно занимает свое место в составе языка, можно выявить существование определенных различий в структурной организации фразеологической кальки, усвоенной языком, и заимствованной формой фразеологического оборота исходного языка-источника.

Результаты исследования и их обсуждение.

I. Структурные типы фразеологических калек и полукалек английского происхождения. По наблюдению И. О. Наумовой, несмотря на различия лексико-грамматических норм русского и английского языков, подавляющее большинство фразеологических калек и полукалек английского происхождения представлены точными русскими языковыми соответствиями английских фразеологических оборотов-прототипов [Наумова, 2012, с. 41]. По структуре кальки и полукальки могут соответствовать предложению или сочетанию слов.

1. К фразеологизмам, соответствующим структуре **предложения**, относятся такие выражения, как *Акела промахнулся* (англ. *Akela has missed*); *акции поднимаются* (англ. *one's stock rose*); *кто есть кто* (англ. *who is who*).

Акела промахнулся 'о человеке, который безнадежно устарел для исполняемой им задачи'. Выражение из сказки Р. Киплинга «Маугли»: вожак волчьей стаи Акела промахнулся на охоте и должен был быть убит [РФИЭС, с. 19]. Существует два варианта оригинального английского выражения, оба из романа Киплинга: 1) *Akela has missed*; 2) *Akela missed his kill*. В первом варианте отмечается наличие вспомогательного глагола *have* в форме Present Perfect, которое, впрочем, не является значимым отличием по сравнению с калькой, так как данный глагол выполняет сугубо вспомогательную функцию в английском языке. Вторым вариантом имеет несколько расширенное лексическое значение за счет эксплицирования компонентом *missed his kill*, выполняющим функцию семантического уточнения: Акела не просто промахнулся, он промахнулся с фатальным ударом, который должен был убить жертву (букв. промахнулся с убийством), и тем самым согласно законам волчьей стаи стал недостойным вожаком. Как видим, в русском языке закрепился первый вариант, исключаящий семантику убийства, возможно, потому, что любой фразеологизм используется расширительно, а не буквально, чему конкретная семантика убийства жертвы могла бы помешать.

Акции поднимаются — англ. *one's stock rose* — часто публ. 'чьи-либо шансы на успех возрастают (уменьшаются)'. Выражение из речи биржевых дельцов, успех которых зависит от повышения или понижения курса акций [РФИЭС, с. 20]. Небольшим отличием является расширенный состав оригинального выра-

жения за счет лексемы *one's*, которая является местоимением, по своим функциям похожим на вопросительно-относительное русское местоимение *чей*. Данное местоимение употребляется тогда, когда речь идет не о каком-либо конкретном человеке или множестве людей, а о некоем абстрактном «каждом»; о чем-то, что касается всех людей в целом. Можно утверждать, что это лишь лексикографическая особенность представления оригинального оборота, в живой речи местоимение *one's* заменяется именем собственным или другим словом, указывающим на субъект действия-состояния.

Кто есть кто — нов. публ. 'что собой представляют те или иные люди'. Оборот — калька с англ. *who is who*, переосмысленного от названия ежегодного биографического справочника, издаваемого в Великобритании, США и некоторых других странах [РФИЭС, с. 319].

2. Остальные кальки и полукальки по своей структуре могут быть определены как **сочетания слов**, которые образуются по моделям «существительное + существительное», «прилагательное + существительное», «глагол + существительное», «существительное + числительное», а также отдельной группой выступили своего рода «сложные сочетания» — калькированные выражения, составленные из более чем двух компонентов, относящихся к разным частям речи.

2.1. ФЕ с сочинительной связью между компонентами.

Голуби и ястребы — англ. *doves and hawks* — публ. 'пацифисты и сторонники агрессивной внешней политики' [РФИЭС, с. 153]. Конкретный источник оригинального выражения не установлен; вероятно, оно возникло в прессе в 1960-х гг. Элемент *голуби*, вероятно, восходит к выражению *голубь мира*, элемент *ястребы* возник как антоним элементу *голуби*. В английском языке, в отличие от русского, для номинации «голубья» могут использоваться две лексемы — *dove* и *pigeon*. Выражение *голубь мира* стало известным после I Всемирного конгресса сторонников мира (апрель 1949 г.), для которого П. Пикассо нарисовал в качестве эмблемы голубя с оливковой ветвью в клюве [РФИЭС, с. 153]. Именно это выражение обогатило лексику *голубь* (*dove*) коннотациями пацифизма, миротворчества (ср. *dove of peace*), и *doves and hawks* — аллюзия на этот оборот. У слова *ястреб* в русском языке, как отмечает Л. П. Крысин, в его прямом значении отсутствуют коннотации, на основании которых могло бы возникнуть переносное значение 'сторонник жестокой, обычно реакционной политики', оно появилось у русского слова только под влиянием англ. *hawk* [Крысин, 2004, с. 224] и рассматриваемого фразеологизма.

Гулливер и лилипуты — англ. *Gulliver and Liliputians* — книжн. 'о чем-либо большом и чем-либо крошечно малом, противопоставленном друг другу по размерам и значимости' [РФИЭС, с. 142]. Источником выражения является роман Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» (1726).

2.2. ФЕ с подчинительной связью между компонентами.

2.2.1. *Фразеологические единицы, построенные по модели «существительное + существительное»*, например: *Америка для американцев* (англ. *Amer-*

ica for the Americans), *машина времени* (англ. *time machine*), *закон джунглей* (англ. *the law of the jungle*), *начало конца* (англ. *beginning of the end*).

Среди калек и полукалек, построенных по данной модели, можно выделить особую группу, включающую имена собственные реальных и вымышленных личностей/персонажей. Например, *генерал Мороз* (англ. *General Frost*), *Дядя Сэм* (англ. *Uncle Sam*), *Иван Бык* (англ. *John Bull*). Калькой *Иван Бык* в начале XIX в. называли английскую буржуазию, затем она была вытеснена заимствованным фразеологизмом *Джон Буль* [РФИЭС, с. 191]. *Дядя Сэм* — ироническое название Соединенных Штатов Америки или правительства США, возникшее как шуточная расшифровка буквенного сокращения *US* [РФИЭС, с. 215]. *Генералом Морозом* в Англии 1 декабря 1812 г. называли русскую зиму, жестокий мороз, победивший армию Наполеона [РФИЭС, с. 134].

2.2.2. Фразеологические единицы, построенные по модели «прилагательное + существительное»: *холодная война* (англ. *cold war*), *звездные войны* (англ. *star wars*). Во фразеологизме-прототипе прилагательных может быть больше: *всемирная паутина* (англ. *world wide web*). Как правило, главным словом является существительное, но в отдельных случаях словосочетание может быть придективным: *последний из могикан* (англ. *last of the Mohicans*).

По данной модели образовано много полукалек, например, *мыльная опера* (англ. *soap opera*), *мозговой трест* (англ. *brain's trust*), *блестящая изоляция* (англ. *splendid isolation*), *мозговая атака* (англ. *brain attack*), *челночная дипломатия* (англ. *shuttle diplomacy*).

Признаком полукальки является прямое указание на Англию, Америку: *британский лев* (англ. *the British Lion*), *тихий американец* (англ. *the quiet american*), *веселая Англия* (англ. *merry England*), *старая добрая Англия* (англ. *merry old England*); употребление в составе фразеологического оборота экзотизма или варваризма: *долларовая дипломатия* (англ. *dollar diplomacy*), *всемогущий доллар* (англ. *almighty dollar*), *железная леди* (англ. *iron lady*), *первая леди* (англ. *first lady*).

Нередко в качестве компонента-прилагательного в кальках и полукальках подобного типа употребляются цветоименования: *черная дыра* (англ. *black hole*), *белая смерть* (англ. *white death*), *синий чулок* (англ. *blue stocking*), *черный ящик* (англ. *black box*). Как отмечает Л. П. Крысин, почти все прилагательные цвета имеют переносное значение, и часть этих значений — результат иноязычного влияния: *черный список*, *черный юмор*, *черное золото*, *красная книга*, *желтая пресса*, *серый кардинал*, *серый импорт* [Крысин, 2024, с. 225–226].

Иногда компоненты-цветоименования подвергаются варьированию: *голубые/зеленые/красные береты* (англ. *blue/green/red berets*). Выражения возникли на основе метонимии (синекдохи), по внешнему виду униформы спецвойск — воздушного десанта, или солдат ООН, или парашютистов армии Великобритании [РФИЭС, с. 49].

2.2.3. Фразеологические единицы, построенные по модели «глагол + существительное»: *быть на ковре* (англ. *to be on the carpet*), *идти на ковер / вызы-*

вать на ковер (англ. *to go on the carpet / to call on the carpet*), терять / потерять лицо¹ (англ. *to lose face*).

2.2.4. Фразеологические единицы, построенные по модели «существительное + числительное»: агент 007 (англ. *agent 007*).

2.2.5. Фразеологические единицы со сложным сочетанием частей речи: выдавший лучшие дни (англ. *seen better days*), за деревьями не видеть леса (англ. *one cannot see the wood for the trees*), верхние десять тысяч (англ. *the upper ten thousand*), держать порох сухим (англ. *keep your powder dry*), вариться в собственном соку (англ. *to stew in one's own juice*).

Примечательны обороты *за деревьями не видеть леса* и *вариться в собственном соку*. Английские прототипы этих калек имеют в своем составе местоимение *one's*, в то время как в кальке схожих компонентов не наблюдается.

II. Структурно-семантические отличия фразеологических калек и полукалек от их прототипов.

Некоторые фразеологические кальки и полукальки английского происхождения обладают теми или иными отличиями от их эквивалентов. С опорой на классификацию И. О. Наумовой были выявлены три основные группы отличий — **формальные** отличия (в плане выражения), **лексико-семантические** отличия (в плане содержания), **смешанные** (осложненные) варианты несоответствия.

1. Формальные отличия (отличия в плане выражения).

1.1. Порядок слов: стирать публично грязное белье (англ. *to wash up one's dirty linen in public*), бином Ньютона (англ. *Newton's binomial*), закон Линча (англ. *Lynch Law*), закон Паркинсона (англ. *Parkinson's Law*), бремя белого человека (англ. *the white man's burden*), политика большой дубинки (англ. *big stick policy*), политика открытых дверей (англ. *open door policy*), фабрика грез (англ. *dream factory*).

В русских предложениях возможен разнообразный порядок слов, что осуществляется благодаря флективному характеру языка [Бухвалова, 2011, с. 35], тогда как английский язык обладает нормативным и фиксированным порядком слов. Данное свойство вполне обоснованно отмечается и в различающихся между собой иноязычных кальках и их оригинальных фразеологических выражениях.

Среди перечисленных неточных калек примечателен оборот *фабрика грез*. Помимо явного отличия в порядке слов, можно отметить полисемию английского слова *dream*, которое имеет значение *сна* или *мечты*. В русском языке *сон* и *мечта* не одно и то же (*сон* — ‘то, что снится, грезится спящему; сновидение’ [СОШ, с. 736]; *мечта* — ‘мысленный образ чего-либо, представление о чем-либо, сильно желаемом’ [СТСРЯ, с. 347]). Но в русском языке есть слово *грёза* (‘светлая мечта, а также призрачное видение, сновидение’ [СОШ, с. 141]), оно совмещает в себе упомянутые выше смыслы, а следовательно, является наиболее адекватным переводом английского слова *dream*.

¹ Считается, что в английский язык эта калька попала из китайского языка [РФИЭС, с. 390].

1.2. Отсутствие в русском языке предлогов / использование неадекватных предлогов: *любовь с первого взгляда* — англ. *love at first sight* (предлоги *с* и *at*); *выглядеть на миллион долларов* — англ. *look like million dollars* (предлоги *на* и *like*); *много шума из ничего* — англ. *much ado about nothing* (предлоги *из* и *about*).

Например, в кальке *love at first sight* — *любовь с первого взгляда* наблюдается несоответствие русского предлога *с* (*с первого взгляда*) и англ. *at* (*at first sight*). Дело в том, что английский предлог *at*, как правило, переводится как “в”, “у”, “на”, “при”, то есть указывает на конкретное местоположение некоего объекта в реальном мире, а в данном обороте отмечается его достаточно нетипичное использование — акцент делается не на местоположении какого-либо действия, а на его временной соотнесенности, определении момента времени. Предлог *с* указывает в данном случае на то, с чего начинается что-нибудь, т. е. тоже имеет не пространственное, а временное значение.

1.3. Замена сложного слова в английском оригинале словосочетанием при калькировании: рус. *голова в голову* — англ. *head-to-head*; рус. *золотая лихорадка* — англ. *gold-fever*; рус. *мальчик для битья* — англ. *whipping-boy*; рус. *политика дальнего прицела* — англ. *longrange policy*; рус. *страна чудес* — англ. *wonderland*.

Отметим, что калька *голова в голову* совмещает в себе отличия по двум критериям: она представляет собой словосочетание, в отличие от сложного слова *head-to-head*, и, кроме того, между этой калькой и ее прототипом прослеживается разница в используемых предлогах *в* и *to*. Согласно Кембриджскому онлайн-словарю [КС] одним из значений предлога *to* является ‘almost touching or facing something’ (‘почти касаясь чего-либо или сталкиваясь с чем-либо’), например: «*She stood with her back to the window*». При переводе предлога с подобным значением на русский язык наиболее вероятным и чаще всего используемым предлогом является предлог *к*. Так, если попробовать перевести приведенный выше пример из Кембриджского словаря, наиболее вероятным вариантом перевода станет «*Она стояла, прислонившись спиной к окну*». Именно подобное соотношение предлогов *to* и *к* актуально и в контексте оборота *head-to-head*. Но по каким-то причинам при калькировании этого выражения на русский язык предпочтение при переводе было отдано менее актуальному и реже встречающемуся предлогу *в*, тогда как буквальный перевод выглядит как *голова к голове*.

1.4. Отсутствие в русском языке различных глаголов-связок, присущих нормам английского языка.

В английском языке присутствует ряд глаголов-связок, не несущих значимой смысловой нагрузки и служащих для пояснения контекста того или иного языкового средства, с которым эти глаголы используются. Отсутствие глагола-связки наблюдается в кальке *время — деньги*, построенной по типу простого предложения, в котором подлежащее и сказуемое выражены именами существительными в им. п., при этом в русском языке в настоящем времени глагол-связка опускается, ср. англ. *time is money*.

Русский фразеологизм *в одной лодке* по сравнению с англ. оригиналом *to be in the same boat* не имеет глагола-связки *быть* (ср.: *to be*). В английском языке глагол-связка не может быть опущен без нарушения грамматических норм.

1.5. Грамматические отличия компонентов кальки и оригинала (различия в категориях числа, рода, падежа; различия в используемых частях речи).

Различия в числовой форме компонентов наблюдаются в ФЕ *ветер перемен* — англ. *the wind of change*. В русской кальке компонент *перемены* употреблен во множественном числе, в оригинале — в единственном числе.

Различия в категории рода употребляемых компонентов наблюдаются в ФЕ *Кошка, которая гуляла сама по себе* — англ. *The cat that walked by himself*. В кальке субстантивный компонент *кошка* имеет женский род, в оригинале же присутствует четкое указание на мужской род через употребление лексемы *himself*. Отметим, что в русском языке есть лексема *кот*, которая в одном из значений противопоставляется слову *кошка* по принципу половой принадлежности. Однако если речь идет о наименовании этого вида животных в целом (и самцов, и самок), то употребляется лексема *кошка*, которая и была выбрана в качестве перевода слова *cat*, видимо, с целью подчеркнуть, что такое поведение свойственно не котам (самцам), а данному виду домашних животных в целом.

Некоторые английские оригинальные выражения отличаются от русских кальек предлогами, аналитически выражающими грамматическое значение родительного падежа: *закон джунглей* (англ. *the law of the jungle*) и *начало конца* (англ. *beginning of the end*), поскольку для русского языка характерен так называемый *синтетизм* — «типологическая черта языковой структуры, состоящая в объединении в пределах одного слова нескольких морфем» [Языкознание, 2000, с. 451], когда грамматические значения выражаются формами самих слов [ССЛТ, с. 446]. Английский является языком аналитическим, «в котором грамматические значения выражаются не формами самих слов, а служебными словами при знаменательных словах, порядком этих самых знаменательных слов» [ССЛТ, с. 24]. В английских оборотах идентичное родительному падежу значение устанавливается при помощи предлога *of*, который выражает отношение принадлежности предмета речи (*law (чего?) of the jungle; beginning (чего?) of the end*). В русских же кальках отмечается свойственный русскому языку синтетизм, то есть реализация грамматического значения родительного падежа опирается на использование конкретных формантов этого грамматического значения — падежных окончаний (род. п. мн. ч. *джунглей* и род. п. ед. ч. муж. р. *конца*).

Несоответствие частей речи отмечается в ФЕ *ничья земля* — англ. *no man's land*. Субстантивному компоненту с отрицательной частицей *no man's* в оригинале соответствует прономинальный компонент *ничья* в кальке.

1.6. Конструктивные (квантитативные) отличия, состоящие в количественном несоответствии компонентного состава кальки и оригинала, не несущем существенных семантических и образных отличий.

Оригинальный оборот в русском переводе может подвергаться сокращению, импликации: рус. *бежать как крысы с тонущего корабля* — англ. *rats desert for*

sake, leave a sinking ship. Или, напротив, экспликации, расширению компонентного состава: рус. *политика с позиции силы* — англ. *powers politics*, рус. *выкурить трубку мира* — англ. *pipe of peace*, рус. *вести себя как слон в посудной лавке* — англ. *an elephant in a china shop*.

2. Лексико-семантические отличия (отличия в плане содержания).

Процесс фразеологического калькирования предполагает возникновение некоторых отклонений от семантических характеристик фразеологического оборота [Наумова, 2012, с. 45]. Именно поэтому при рассмотрении тех или иных отличий между калькированным оборотом и его английским прототипом особое внимание следует уделять именно семантическим различиям, так как они имеют тенденцию весьма часто возникать в процессе перевода иноязычных выражений и в процессе фразеологического калькирования, в частности.

2.1. Несоответствие семантики отдельных компонентов английского оригинала и его кальки.

Слова, которые используются при переводе, могут находиться в разнообразных межъязыковых отношениях с оригинальными компонентами. Отметим наиболее распространенные случаи.

— Партитивные¹ или ассоциативные отношения. Например, в обороте *вгонять/возгнать в гроб* используется лексема *гроб*, тогда как в английском оригинале *drive to the grave* присутствует компонент *grave* ‘могила’ [АРАС, с. 144]. Гроб является частью могилы. Либо эти отношения можно охарактеризовать как ассоциативные.

Английское выражение *white hoods* перевели на русский язык как *белые балахоны*. Компонент *hoods* означает ‘капюшон’, а также что-то, что как бы «накрывает» какую-то часть (*hood* используется для наименования капота автомобиля, например). В русской кальке *hoods* было заменено на *балахоны*, с очевидным указанием на общий внешний облик членов «Ку-клукс-клан» (они действительно носили бесформенные, длинные одежды, то, что можно назвать балахоном). В то время как в оригинальном выражении упоминаются *капюшоны*, которые были более примечательной и нуждающейся в подчеркивании и выделении деталью одеяния членов «Ку-клукс-клан».

— Гиперо-гипонимические отношения. Английский оборот *brass hat* переведен как *медные каски*. В английском языке слово *hat* может употребляться по отношению к большому количеству различных видов головных уборов (*hat* — a covering for the head that is not part of a piece of clothing [КС, 2013]) и выступает как гипероним по отношению к русскому слову *каска* (‘металлический, пробковый, пластмассовый и т. п. головной убор в виде шлема, защищающий голову от различных повреждений’ [СТСРЯ, с. 264]), воспринимаемому здесь как гипоним.

— Отношения семантической близости, но не тождественности. *Дороги, которые мы выбираем* — англ. *the roads we take*. В кальке присутствует дополнительная семантика выбора, выражающаяся через лексему *выбираем*, тогда как в оригинальном выражении семантика выбора пускай косвенно и фигурирует, од-

¹ Партитивные отношения — отношения части и целого.

нако не выносятся так явно на первый план. Аналогично в выражении *баланси-ровать на грани войны* компонент *балансировать* привносит в кальку дополнительную семантику неустойчивости, которая не свойственна английскому *to be in the brink of war* 'быть на грани/кромке войны'.

Зима тревоги нашей — англ. *the winter of our discontent*. В кальке может быть отмечено отличие между русским *тревога* и английским *discontent*, которое в подавляющем большинстве случаев переводится как *недовольство*. В слове *тревога* имеются семы 'сильное душевное волнение, беспокойство, вызываемое какими-либо опасениями, страхом, неизвестностью' [СТСРЯ, с. 841]; в данном случае затронута эмоциональная, душевная сфера человека. В слове *недовольство* подобные семы отсутствуют, это лишь 'отсутствие удовлетворенности, отрицательное отношение к кому-чему-нибудь' [СОШ, с. 395], которое, как правило, происходит из рационального взгляда на вещи.

Платить той же монетой — англ. *to pay smb. (back) in his own coin*. Компонент *back* в сочетании с *to pay* на русский язык следовало бы перевести, скорее, как *отплатить, вернуть назад* ту же монету.

2.2. Несоответствия стилистического или экспрессивного характера.

В кальке *темная лошадка* по сравнению с английским фразеологизмом *dark horse* используется уменьшительно-ласкательная форма компонента *лошадка*, чего нет в оригинальном выражении. В русской кальке присутствует эмотивный компонент похвалы или поощрения, обусловленный мелиоративными коннотативными семами отмеченного компонента: *темной лошадкой* является 'некто, вызывающий повышенный интерес болельщиков своими потенциальными спортивными возможностями', а также *темной лошадкой* может быть названа 'участвующая в состязании лошадь, берущая приз вопреки ожиданиям большинства' [РФИЭС, с. 400]. Благоклонное или одобрительное отношение обуславливает использование в переводе уменьшительно-ласкательного компонента *лошадка*.

Уменьшительно-ласкательная форма в русском языке может быть «проводником» эмотивного оттенка пренебрежения, что наблюдается в кальках *белые воротнички* и *синие воротнички* (ср. с оригинальными *white-collar workers* и *blue-collar workers*). В выражении *Белые воротнички* говорится 'о людях, занимающихся нефизическим трудом — служащих, чиновниках и т. п.' [РФИЭС, с. 123]. Калька *синие воротнички* возникла, вероятнее всего, уже посредством аналогии с калькой *белые воротнички*.

В кальке *вся королевская рать* использовано высокое, традиционно-поэтическое слово *рать*, имеющее форму единственного числа и обозначающее войско [СТСРЯ, с. 692; МАС, т. III, с. 685]. В английском выражении *all the king's men*, во-первых, нет указания на военное объединение, во-вторых, компонент *men* имеет множественное число и высокой стилистической окраской не обладает, являясь нейтральной языковой единицей.

2.3. Несоответствие образной основы калькируемого оборота.

К числу калек, сгруппированных по этому критерию, были отнесены те обороты, которые в результате калькирования либо утратили первоначальную об-

разность оригинальных фразеологических выражений, либо эта образность претерпела значительные изменения, из-за чего калька отличается своей меньшей выразительностью в сравнении с оригиналом.

Песок сыплется ‘об очень старом, дряхлом человеке’ (шутл.). Следует отметить, что в английском оригинале *the sands are running out* явно содержится семантика «истечения» некоего срока, как известно из словарной статьи — срока человеческой жизни. Если перевести *the sands are running out* буквально — *пески заканчиваются* или *пески истекают*. Метафора основана на сравнении с часами, издавна применявшимися в английской медицине [РФИЭС, с. 528]. В русской кальке подобная образная основа утрачена, поскольку выражение *песок сыплется* не вызывает представления о песочных часах, что англоязычному пользователю данного фразеологизма должно быть хотя бы интуитивно понятно благодаря образу истекающего, заканчивающегося песка.

В кальке *методом проб и ошибок* по сравнению с английским оригиналом *method of trail and error* обнаруживается несоответствие лексем *проба* и *trail*; в английском языке *trail* означает ‘след, тропа, путь’, и это значение может адекватно соотноситься с русским *проба* ‘испытание, проверка’ [СТСРЯ, с. 624] лишь метафорически, поскольку в русском слове *проба* семантика выбора дороги, пути, своего маршрута движения отсутствует.

Время работает на нас — англ. *time is on our side*. Дословный перевод выражения может звучать как ‘время на нашей стороне’. То есть в английском фразеологизме время является союзником (действует на «пользу» чьей-то стороне), а в русском — скорее, слугой, работником, который не просто «помогает» какой-то стороне, а полноценно «служит».

Дословный перевод англ. *leap in the dark* может звучать как ‘прыжок во тьму’. В русском же языке выражение известно в другом виде: *прыжок в неизвестность*. Семантика слов *неизвестность* и *dark* ‘тьма, темнота’ абсолютно неидентична, но образно-ассоциативное сходство обнаружить можно: темнота — что-то незнакомое, неведомое.

Промочить горло — англ. *to wet one's whistle*. Дословный перевод может звучать как ‘промочить свисток’. В кальке метафорический образ *свистка* – гортани человека, которую фигурально «обмачивают» при употреблении какого-либо напитка, – не мог быть понятен, поскольку в русском языке *горло* метафорически *свистком* не называют. По всей видимости, подобный первоначальный образ был генерализирован до «промочить горло».

3. Смешанные (осложненные) варианты несоответствия.

Дополнительно нами были выявлены **смешанные**, или осложненные, **варианты несоответствия** между оригинальными выражениями и их кальками, которые имеют отличия и на лексико-семантическом, и на формально-грамматическом уровнях одновременно.

Например, в кальке *базар житейской суеты* (ср. англ. *vanity fair*) отмечают одновременно конструктивные отличия (расширение лексического состава путем добавления лексемы *житейская*), и лексико-семантические отличия

(несоответствие между компонентами *vanity* и *житейская суета*). *Vanity* означает 'тщеславие, тщетность' [АРРАС, с. 371], *житейская суета* представляет собой составное словосочетание, которое было выбрано для первоначального перевода названия романа У. Теккерея «Vanity fair»¹ (1847–1848) и по своему значению было направлено на образную передачу нравов жизни высшего общества тех времен, основными мотивами которого были тщеславие и карьеризм [РФИЭС, с. 40]. Художественно переработанный вариант перевода слова *vanity* не совсем адекватно соотносится с прямым значением этого слова, приводит к возникновению спорного характера интерпретации такого варианта.

Перед мысленным взором — англ. *in the mind's eye*. Калька отличается формальными (значения предлогов *in* и *перед* не соответствуют друг другу) и лексико-семантическими отличиями (компоненты *eye* и *mind* лишь приблизительно соответствуют лексемам *мысленным* и *взором*, дословный перевод прототипа звучит как 'в глазах разума'). Слово *глаза* в русском языке может метонимически обозначать способность видеть, зрение, но вместо него было выбрано стилистически окрашенное слово *взор*, означающее взгляд. Примечательно также и изменение части речи одного из компонентов — англ. существительное в притяжательной форме *mind's* стало прилагательным *мысленным*.

Владычица морей — англ. *rule the waves*. Между калькой и оригиналом есть отличия — отмечается процесс номинализации, то есть изменения частей речи (англ. глагол *rule* стал существительным *владычица*), и генерализации, то есть изменения семантики прототипа (сема «моря», выражающаяся через англ. *waves*, была генерализирована до русского *морей*).

Вождь краснокожих — англ. *red chief*. Калька интересна применением приема конкретизации: *red chief* было конкретизировано, уточнено (не *вождь красных*, а *вождь краснокожих*, поскольку в русском языке у слова *красный* значение 'с темно-желтой, красноватой окраской кожи' отсутствует, для этого существует сложное слово *краснокожий*). Из формальных отличий тут присутствует изменение порядка слов (*вождь краснокожих* — *red chief*).

Острый зуб времени — англ. *tooth of time*. Наблюдаются количественные отличия — расширение лексического состава путем добавления лексемы *острый*, которая, в свою очередь, вносит изменения в семантику оригинала, повышая экспрессивность калькированного оборота, уточняя и освежая его образность.

Пушечное мясо — англ. *food for powder*. Калька отличается от оригинала формально и семантически. Если перевести дословно, *food for powder* будет звучать как 'пища для пороха'. В русском переводе «пища» на основе гипергипонимических отношений стала *мясом*, а «порох» на основе паритивных отношений (часть — целое) стал *пушкой* (порох необходим для работы пушки, является ее частью в обеспечении функции оружия). *Пушечным мясом* называют солдат, насильственно или бессмысленно посылаемых на смерть [РФИЭС, с. 458], в таком случае огнестрельное оружие выступает в роли «хищника», только в русском языке

¹ Сейчас — «Ярмарка тщеславия».

ке этот образ стал более конкретным и осязаемым. К числу же формальных отличий кальки *пушечное мясо* относится несоответствие частей речи кальки и оригинала (*food for powder* — сущ. + предлог + сущ.; *пушечное мясо* — прилаг. + сущ.).

Оседлать своего любимого конька — англ. *to mount a hobby-horse*. Обнаруживается лексико-семантическое несоответствие компонентов: *любимый* и *hobby* отличаются по своим значениям; *любимый* — 1) дорогой, близкий сердцу; 2) предпочитаемый всем остальным (о чем-либо) [СТСРЯ, с. 327]; *hobby* — хобби [АРРАС, 2012, с. 152] (в значении ‘увлечение, любимое занятие для себя на досуге’ [СТСРЯ, с. 906]). Формальные отличия — замена сложного слова *hobby-horse* словосочетанием *любимый конек*, а также придание компоненту *horse* уменьшительно-ласкательной формы — *конёк*. Данная форма, вероятнее всего, призвана подчеркнуть, усилить семантику «чего-то любимого».

Заключение. Фразеологические кальки благодаря своим лингвистическим особенностям являются весьма значимыми для русского языка единицами. Являясь своеобразным связующим звеном между отличающимися языковыми культурами, фразеологические кальки, будучи частичными носителями форм и принципов иностранных языков, способствуют динамичному развитию русского языка через внесение в его состав новых структурных принципов, новых языковых значений и языковых моделей.

Анализ калек английского происхождения в русском языке позволил выявить выражения, по структуре соответствующие предложению и сочетанию слов с сочинительной и подчинительной связью. Среди последних были выявлены обороты, построенные по модели «прилагательное + существительное», «существительное + существительное», «глагол + существительное», «существительное + числительное». Отдельные кальки представляют собой сложные сочетания, включающие более двух компонентов разных частей речи.

В процессе перевода фразеологической единицы на неблизкородственный язык неизбежно возникают отличия формального и лексико-семантического характера.

Среди отличий формального характера (в плане выражения) можно выделить такие, как порядок слов; отсутствие в русском языке предлогов или использование при калькировании неадекватных предлогов; замена сложного слова в оригинале словосочетанием в кальке; отсутствие в русском языке присущих английскому языку глаголов-связок; грамматические отличия компонентов кальки и оригинала (различия в категориях числа, рода и т.п.; различия в используемых частях речи); конструктивные (квантитативные) отличия, состоящие в количественном несоответствии компонентного состава кальки и оригинала, не несущем существенных семантических и образных отличий.

Отличия лексико-семантического характера (в плане содержания) могут выражаться в несоответствии семантики отдельных компонентов английского оригинала и его кальки; в несоответствиях стилистического или экспрессивного характера; в несоответствии образной основы кальки оригиналу.

Некоторые кальки совмещают в себе отличия формального и лексико-семантического характера.

Этимологическими источниками проанализированных калек стали: цитаты видных политических деятелей, исторических персон (*Америка для американцев, закон Линча, закон Паркинсона, холодная война, звездные войны, долларовая дипломатия, держать порох сухим*); художественные литературные произведения (*Акела промахнулся, Гулливер и лилипуты, закон джунглей, машина времени, начало конца, Леди Макбет, Иван Бык, тихий американец, всемогущий доллар, британский лев, первая леди, агент 007, последний из могикиан*).

Обороты с, как правило, неустановленным авторством пришли из сфер журналистики (*генерал Мороз, голуби и ястребы, мозговая атака, белые балахоны, верхние десять тысяч, кто есть кто*); науки (*черная дыра*); экономики (*акции поднимаются*); спорта (*быть на ковре, идти/вызывать на ковер*); программирования (*всемирная паутина*).

Также выявляются выражения, образованные на основе метонимического переноса (*голубые береты, зеленые береты, красные береты, белая смерть*); выражения с неопределенной или неточной природой происхождения (*дядя Сэм, веселая Англия, старая добрая Англия, мыльная опера, синий чулок, черный ящик, терять/потерять лицо, выдавшие лучшие дни, за деревьями не видеть леса, вариться в собственном соку*).

Кальки английского происхождения, несмотря на то что они уже давно стали значимой частью русского языка, по сей день представляют огромный интерес в плане исследования историко-этимологических и лексико-грамматических особенностей, поскольку именно английский язык в последнее время стал основным источником поступления устойчивых выражений, что делает изучение закономерностей освоения английских фразеологизмов русским языком особенно актуальным.

Список сокращений

АРРАС — Стронг А. В. Англо-русский, русско-английский словарь с транскрипцией в обеих частях : 120 000 слов и словосочетаний. М. : Аделант, 2012. 799 с.

КС — Кембриджский словарь для продвинутых учеников. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 2003–2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 08.06.2024).

МАС — Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988.

РФИЭС — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926, [2] с.

СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН; 2-е изд., испр. и доп. М. : АЗЪ, 1995. 928 с.

ССЛГ — Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель: АСТ, 2001. 624 с.

СТСРЯ — Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.

Список источников

1. *Бухвалова, 2011* — Бухвалова Е. Г. Особенности порядка слов в русском и английском предложениях // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 2 (9). 2011. С. 35–37. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2011_2_08.pdf (дата обращения: 21.05.2024).
2. *Винокуров, 2014* — Винокуров А. М. *Англо-русский, русско-английский словарь : 100 тысяч слов*. М. : Мартин, 2014. 1023 с.
3. *Крысин, 2004* — Крысин Л. П. *Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
4. *Масловская, 2010* — Масловская Л. Ю. Английские и французские кальки в современном русском языке // *Молодой ученый*. 2010. № 5 (16). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=muarqt> (дата обращения: 03.12.2023).
5. *Наумова, 2012* — Наумова И. О. *Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики) : монография*. Харьков : ХНАГХ, 2012. 213 с.
6. *Сенько, Ленчина, 2020* — Сенько Е. В., Ленчина М. Р. *Калькирование в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. № 13. С. 128–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalkirovanie-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 11.12.2023).
7. *Шанский, 1985* — Шанский Н. М. *Фразеология современного русского языка : учебное пособие*. М. : Высшая школа, 1985. 160 с.
8. *Языкознание, 2000* — *Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева*. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с. : ил.

List of abbreviations

- ARRAS — Russian-English dictionary with transcription in both parts : 120 000 words and phrases. Moscow : Adelant, 2012. 799 p.
- CS — Cambridge Dictionary for Advanced Learners. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 2003–2013 [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 06.08.2024).
- MAS — Dictionary of the Russian language: in 4 vols. / chief editor A. P. Evgenyeva. Moscow : Russian language, 1985–1988.
- SOSH — Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow : AZ, 1995. 928 p.
- RFIEP — Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russian phraseology. Historical and etymological dictionary. Moscow : Astrel : AST : Guardian, 2007. 926, [2] p.
- STS — A modern explanatory dictionary of the Russian language / chief editor S. A. Kuznetsov. Moscow : Reader's Digest, 2004. 960 p.
- CCL — Rosenthal D. E., Telenkova M. A. Dictionary of linguistic terms. Moscow : Astrel : AST, 2001. 624 p.

References

1. *Buhvalova, 2011* — Buhvalova E. G. Peculiarities of the word order in Russian and English sentences. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2011, no 2 (9), pp. 35–37. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2011_2_08.pdf (accessed: 21.05.2024). (In Russ.)

2. *Vinokurov, 2014* — Vinokurov A. M. *Anglo-russkij, russko-anglijskij slovar' : 100 tysyach slov* [English-Russian, Russian-English Dictionary: 100,000 Words]. Moscow: Martin, 2014. 1023 p. (In Russ.)

3. *Krysin, 2004* — Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [The Russian word, one's Own and another's: research on Modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 888 p. (In Russ.)

4. *Maslovskaya, 2010* — Maslovskaya L. Yu. English and French calques in modern Russian. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2010, no 5 (16). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=muarqt> (accessed: 03.12.2023). (In Russ.)

5. *Naumova, 2012* — Naumova I. O. *Frazeologicheskie kal'ki anglijskogo proiskhozhdeniya v sovremennom russkom yazyke (na materiale publicistiki) : monografiya* [Phraseological calques of English origin in modern Russian (based on the material of journalism)]. Har'kov: HNAGH, 2012. 213 p. (In Russ.)

6. *Sen'ko, Lenchina, 2020* — Sen'ko E. V., Lenchina M. R. Calquing in modern Russian. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2020, no 13, pp. 128–133. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalkirovanie-v-sovremennom-russkom-yazyke> (accessed: 11.12.2023). (In Russ.)

7. *Shanskij, 1985* — Shanskij N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka : uchebnoe posobie* [Phraseology of the modern Russian language : training manual]. Moscow: Vysshaya shkola, 1985. 160 p. (In Russ.)

8. *Yazykoznanie, 2000* — *Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2000. 688 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Урманчеева Ирина Серафимовна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии

Irina S. Urmancheeva
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55, Oktyabrskii Prosp., Syktyvkar, 167000, Russia

Попов Игнат Александрович
магистрант
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Ignat A. Popov
master degree student
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrskii Prosp., Syktyvkar, 167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

10.05.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

12.05.2025

Принята к публикации / Accepted for publication

14.05.2025

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

PUBLICATION OF SOURCES

Научная статья / Article

УДК 891.712.01

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-75>

Рукописные сборники С. А. Носова: сборник № 28

Михаил Васильевич Мелихов

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия,
melikhovm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4217-8280>

***Аннотация.** Мы продолжаем¹ публиковать описания рукописных сборников, принадлежащих перу последнего на Печоре старообрядческого книжника и писателя С. А. Носова (10.04.1902–14.09.1981). Сборник № 28 составлен, по-видимому, из написанных в разное время черновиков и заметок, они шиты, но формат разный, края листов не всегда обрезаны. Состав обычен для сборников С. А. Носова: выписки из четых и богослужебных книг, таких как «Великое зеркало», Прологи, Апостол, толковое Евангелие, Апокалипсис, Зонарь и др. Темы также традиционны: кары за грехи, бранобритие, пьянство, спасение души.*

***Ключевые слова:** С. А. Носов, Нижняя Печора, старообрядческие крестьянские писатели, рукописные сборники второй половины XX в.*

¹ Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова : сборник № 10 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2013. № 2. С. 200–215; он же: Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: сборник № 26 // Вестник СыктГУ. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 336–352; он же: Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова : сборник № 9 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. № 5. 2015. С. 115–122; он же: Описание рукописных сборников печорского книжника С. А. Носова (1902–1981) : сборники 3 и 4 // Книжные центры Республики Коми : Усть-Цилемский район : сборник материалов и исследований. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 286–316 (Серия «Слово и текст в контексте культуры». Вып. 2); он же: Рукописные сборники С. А. Носова : описание сборника № 11 // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. № 8. С. 79–87; он же: Рукописные сборники С. А. Носова : описание сборника № 12 // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2019. № 4 (11). С. 92–100; он же: Рукописные сборники С. А. Носова : сборник № 22 // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). 2023. С. 48–62; Прокураторова Е. В. Рукописные сборники С. А. Носова в частных собраниях жителей Усть-Цилемского района Республики Коми : экспедиционные находки начала XX века // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2023. № 1–2. С. 24–34.

Для цитирования: Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова : сборник № 28 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 75–81. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-75>

Handwritten collections of S. A. Nosov: Collection No 28

Mikhail V. Melikhov

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,
melikhovm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4217-8280>

Abstract. *We continue to publish descriptions of handwritten collections by the last Old Believer scribe and writer S. A. Nosov on Pechora (04.10.1902–09.14.1981). Collection No. 28 is composed, apparently, of drafts and notes written at different times, they are stitched, but the format is different, the edges of the sheets are not cut. The composition is typical for collections by S.A. Nosov: extracts from religious and liturgical books such as The Great Mirror, Prologues, the Apostle, the Explanatory Gospel, the Apocalypse, the Zonary, etc. The themes are traditional: punishment for sins, beard shaving, drunkenness, salvation of the soul.*

Keywords: *S. A. Nosov, Nizhnyaya Pechora, Old Believer peasant writers, handwritten collections of the second half of the 20th century*

For citation: Melikhov M. V. Handwritten collections of S. A. Nosov: Collection No. 28. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2025; 2: 89–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-89>

Книга 28. Оглавления нет. Сборник собран из старых записей, выполненных на листах разного формата, карандашом, чернильной и шариковой ручками, чернилами разных цветов, 60 л. разного формата.

Л. 1 — «Слово яко о томъ пьяница осужден по смерти питии огонь и смолу и серу». «Зерцало великое», глава 56. Нач.: «Близъ града Колны бѣ нѣкии воинъ Радунгеръ велики винопияница...» Последняя фраза: «Аще даст ми ся покажуся и тако скончася. И нѣкогда сѣдящи ей узрѣ отца».

Л. 1 об. — чистый.

Л. 2 — продолжение текста с л. 1: «грядуща и глаголюща се явихся тебѣ якоже желала еси дщи моя...» Конец: «Онъ же рече: Питие мое, чадо, смола, огонь и сера. И всегда пию, но выпить не могу, и тако исчезе».

Л. 2 об. — чистый.

Л. 3 — книга «Великое Зерцало», глава 33. Нач.: «Бѣ человекъ благонравный и благочестивый по мнозѣмъ убо покаянии яже здравъ будя творя и в велию болѣзнь впаде...»

Л. 3 об., 4 об., 5 об. — чистые.

Л. 6 — конец: «... преставися и вниде в вѣчное упокоение».

Л. 6 — «Зерцало Великое», глава 201. Нач.: «Нѣкто священноинокъ молися о матери своей о отпущении грѣховъ ея».

Л. 6 об. — чистый.

Л. 7 — конец: «Сия же изрече и абие смрадь вели повѣя и яко блиставица от очию его скоро отиде».

Л. 7 об. — чистый.

Л. 8 — «Пролог», 12 августа. «Слово о нѣкоемъ блудницѣ иже милостыню творя, а блуда не остана». Нач.: «В лѣта Леона царя бѣше в Константиѣ градѣ человекъ славенъ зѣло и богатъ».

Л. 8 об. — чистый.

Л. 9 — «В томъ ты и сужду. И повеле патриархъ всемъ монастыремъ и всемъ затворникомъ, да помолятся о немъ к Богу...»

Л. 9 об. — чистый.

Л. 10 — далее краткие, в 1–5 строк, выписки карандашомъ и чернильной ручкой на бумаге разнаго формата о любодействе.

Л. 10 об. — чистый, продолжение текста с л. 10 — на л. 11.

Л. 11 об. — чистый.

Л. 12 — «О клеветникѣ иже по смерти осужденъ языкъ свой ясти». «Зерцало», глава 55.

Л. 12 об. — чистый.

Л. 13 — продолжение текста с л. 12.

Л. 13 об. — чистый.

Л. 14 — «Патерикъ скитскій», нач.: «Нѣкийъ старецъ ходя по пустыне виде бѣса идуща мимо его...»

Л. 14 об. — чистый.

Л. 15 — продолжение текста с л. 14.

Л. 15 — фрагментъ Апокалипсиса: «потомъ ангель поять Иоанна приведе его во глубочайшую темноту...»

Л. 15 об. — чистый, бумага из школьной тетради в линейку.

Л. 16 — белая бумага в клетку, таблица «О вселенскихъ соборахъ», заголовки красными чернилами.

Л. 16 об. — «О второмъ пришествии Христове Енохъ пророчествова седми от Адама глаголя...»

Л. 17 — «Егда хочещи почести или чтущаго послушати прежде помолися Богу глаголя...», Ефремъ Сириѣ, слово 99.

Л. 17 об. — чистый.

Л. 18 — Евангелие, зач. 4. Нач.: «Вознести же ся слыша разумей еже повестисея на высоце бо бысть поволень да и воздухъ освятитъ землю...»

Л. 18 об. — Толковое Евангелие, зачин 8: «Сугубъ бо човека сынъ отъ тела и души сугубо имать и таковаго порождения образъ вода да бо видимо приемлем...»

Л. 19 — Евангелие отъ Иоанна толковое, зачин 60. Нач.: «Краниево же место глаголаху лобное место и слово удержашеся, яко ты погребеша Адамъ...»

Л. 19 об. — чистый.

Л. 20 — по 96 правилу 7 собора и отъ толковаго Зонаря. Нач.: «Бреющии бороду и украшающии волосы по прелести мирской подлежатъ отлучению» («Кормчая трехъ толков»).

Л. 20 об. — «Златоустъ», слово 85. Нач.: «За умершихъ в нечестии и разновѣрии и ереси поминовение творить нельзя».

Л. 22 — «И нынѣ глаголю тебе Знаменія яже покажахъ и соня яже видель еси...»¹.

¹ Далее текстъ написанъ карандашомъ печатными буквами на оберточной бумаге.

Л. 22 — Библия, глава 11, 3 книги пророка Ездры. Нач.: «Горе веку и иже обитают в немъ понеже приближись мечь и сокрушение ихъ...»

Л. 23 — «Горе вѣку и иже обитают в немъ понеже приближись мечь и сокрушение ихъ...»

Л. 24 об. — «3 книга Эздры», глава 15. Нач.: «Ниже. Начало болѣзней и многа стенания...»

Л. 26 об. — чистый.

Л. 27 — «...видѣ дьявол, яко невозможно гонением истребити род христианский, но и не восхотѣ почивати бѣзделень...»

Л. 27 об. — «Альфа», глава 4. Нач.: «Господа Бога твоего бойся и тому да послужиши...»

Л. 28 — «Пророк Давид о семь глаголетъ». Нач.: «Кто есть человекъ? Бойся Господа, законоположить ему на пути иже изволит душа его...»

Л. 28 — Апокалипсисъ, глава 14. Нач.: «Убойтесь Бога и дадите ему славу, яко прииде часъ суда его...»

Л. 28 об. — Даниил пророкъ, глава 5. Стих толков. Нач.: «Цари не случаемъ, но Божиим изволениемъ возводятся на царства».

Л. 28 об. — Апостоль Павел к римляном, глава 13. Нач.: «Всяка душа властемъ придержащимъ да повинуется...»

Л. 29 — Притчи, глава 22, окружное послание 1862 года, лист 1. Нач.: «К сожалению не всѣ православныя христиане одинаково внимают отеческому сему попечению...»

Л. 30 — «Апостоль». Казань, издание 1862 года, страница 6. Нач.: «Отцы столпаго собора изложили в Большом потребнике: “Аще кто браду брѣть и представится тако...”».

Л. 30 об. — в Святцахъ с житиями печатаныхъ при патриархе Иосифе в лѣто 7157 говорится: «Антоний и Евстафий и Иоаннъ пострадали в литовствѣмъ градѣ Вильнѣ от князя Олгерда...»

Л. 31 — «Маргарить», слово 13. Нач.: «Златоустъ пишеть: Смесившеся с язычници сиречьс погаными и съ еретики навыкоша дѣль ихъ...»

Л. 31 об. — чистый.

Л. 32–33 — «Сказание Феодоры о мытарствахъ». Нач.: «Мытарство 1. Оклеветание...»

Л. 33 — в скобках карандашом: «Книга Видѣние Григория како Феодора проходила мытарства».

Л. 33 об. — чистый.

Л. 34 — «Антихрист царствует в продолжении 1290 дней и блажен достигнувший до дней 1335...»

Л. 34 об. — «хронологические» выписки: Александр Макед. род. 5168, «даты» потопа и проч...

Л. 35–37 — выписки из Апокалипсиса. Стих 160. Нач.: «И даны быша ему уста глаголюща велика и хульна...»

Л. 38 — «Слово от патерика о преподобном Макарии преподобнѣмх како обрете главу идольскаго жреца». «Цвѣтник», слово 2, лист 19. Нач.: «Святому Макарию нѣкогда ходящу по пустыни обрѣте главу человекчу...»

Л. 40 — Евангелие толковое, слово 56. Нач.: «Рече Господь: Никтоже взыде на небо, токмо шедый с небесе Сын Человеческий...»

Л. 40 об. — чистый.

Л. 41 — выписки: «Душевные чувства человека: ум, смысл, слово, мечтание, чувство. Телесные чувства человека...»

Л. 41 об. — чистый.

Л. 42 — «Павел апостоль к ефесянам зач. 225 рече». Нач.: «Да не бываемъ к тому младенцы умомя...»

Л. 42 об. — чистый.

Л. 43¹ — «Из отвѣта Андрея къ Епифанию». Глава 56. Нач.: «Момона есть хищникъ или мытарь или обидникъ...»

Л. 43 об. — чистый.

Л. 44–45 об. — краткий пересказ глав Апокалипсиса.

Л. 46 — «Лжепророцы изыдоша в мирь, о сем, разумѣтся, Духъ Божий и духъ льстечь...»

Л. 46 об. — чистый.

Л. 47 — «Андрей Уродивый в отвѣтъ Епифанию... Островия сия не входити бо начнут людие в нихъ и начнут плакаться...»

Л. 47 — Мученик Иполитъ в неделю мясопустную: «И даруетъ имъ льстець малыя снѣди печати ради своя скверныя...»

Л. 47 об. — «Номоканонъ древлеписменный чувственно ожидающий антихриста впредь быти анафема есть».

Л. 48 — «Обрѣтень крестъ Господень Еленою царицею по рожеству Христовѣ 325 черезъ 1600 лѣт, т. е. в 7425 лѣт...»

Л. 48 — «В 5573 лѣто от Адама было разселение евреевъ. Не было у них гос.власти 1883 г. Начало государства Израиль в 7456 лѣто (по нов. стилю 7448 г.) и уже через 8 лѣтъ Израиль начал насилие в Суецѣ».

Л. 48 об. — чистый.

Л. 49 — «У латынь распятие не шаровнымъ устроением и то странно и необычно и испревращенно висит не по подобию...»

Л. 49 об. — чистый.

Л. 50 — 50 об. — «пророка Эздры третьихъ книгъ глава 9 писано». Нач.: «Мерящъ мери время в себѣ самом и будетъ повнегда увидиши, егда приидеть часть нѣкоторая...»

Л. 51–52 об. — «О каменяхъ в Ветхомъ Заветѣ». Нач.: «Сардионъ уподоблен Рувиму, первенцу сыну Иаковлю...»

Л. 53 — соответствие букв славянских греческим и еврейским: Алфа — А, Еpsilon — Е, Иота — I... Еврейское тавъ ...

Л. 53–53 об. — «Одно I и другое I сие число образуетъ вся лѣта миру от Адама яже до погибели звѣря...»

Л. 54–54 об. — «Фараонъ егда ожесточися на Израиля, запрети первороднымъ детемъ убийством. Сего ради перед выходом Израиля поби Господь...»

¹ лист другого формата, белая бумага.

Л. 55 — «Соловецкие отцы пострадали в 7189, а Аввакумъ и др. в срубѣ сож. в 7189. В Пижмѣ сож. в 7252 г. декабря 7. Два старца не сгорели и стоялъ до конца молился. Всего 88 душъ сгорѣвшихъ».

Л. 55 об. — «Сей день иже сотвори Господь возрадуемся и возвеселимся во оно. Псаломъ 109...»

Л. 56 — «О кончинѣ». Нач.: «Востанетъ царь от нищеты и царства его будетъ 32 лѣта. О нечестивомъ царе. Будетъ царемъ три лѣта...»

Л. 56 об. — чистый.

Л. 57 — «Полезные слова». Нач.: «Пролог 17 марта. Слово како восхищенъ бысть ангеломъ игумень и обретесе во Иерусалимѣ и паки в келии своей посаженъ. Пролог 18 марта. Аннина мниха яко вѣдал помышления человеческая...»

Л. 59 об. — чистый.

Л. 60 — «8 генваря Пролог». Нач.: «Начало бо всему злу пища, пьянство же родительница есть всякому дѣлу скверну и смраду...»

Л. 60 — «13 генваря». Нач.: «Не лѣнитесь, братие, о своемъ спасении, ни пребывайте аки скоти без воздержания...»

Л. 60 — «18 генваря». Нач.: «И узокъ и прискорбенъ путь, ведый в жизнь вечную...»

Л. 60 об. — чистый.

Список источников

1. *Мелихов, 2013* — Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова : сборник № 10 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2013. № 2. С. 200–215.

2. *Мелихов, 2014* — Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова : сборник № 26 // Вестник СыктГУ. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 336–352.

3. *Мелихов, 2015* — Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова : сборник № 9 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 5. С. 115–122.

4. *Мелихов, 2017* — Мелихов М. В. Описание рукописных сборников печорского книжника С. А. Носова (1902–1981) : сборники 3 и 4 // Книжные центры Республики Коми : Усть-Цилемский район : сб. материалов и исследований. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 286–316 (Серия «Слово и текст в контексте культуры». Вып. 2).

5. *Мелихов, 2018* — Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова : описание сборника № 11 // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2018. № 8. С. 79–87.

6. *Мелихов, 2019* — Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова : описание сборника № 12 // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2019. № 4 (11). С. 92–100.

7. *Мелихов, 2023* — Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова : сборник № 22 // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). 2023. С. 48–62.

8. *Прокуратова, 2023* — Прокуратова Е. В. Рукописные сборники С. А. Носова в частных собраниях жителей Усть-Цилемского района Республики Коми: экспедиционные находки начала XX века // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2023. № 1–2. С. 24–34.

References

1. Melikhov M. V. Manuscript collections of the Pechora Old Believer S. A. Nosov : collection No. 10. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, 2013, no 2, pp. 200–215. (In Russ.)
2. Melikhov M. V. Manuscript collections of the Pechora Old Believer S. A. Nosov : collection No. 26. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, 2014, no 3, pp. 336–352. (In Russ.)
3. Melikhov M.V. Manuscript collections of the Pechora Old Believer S. A. Nosov: collection No. 9. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, 2015, no 5, pp. 115–122 (In Russ.)
4. Melikhov M. V. Description of handwritten collections of the Pechora bookman S. A. Nosov (1902–1981) : collections 3 and 4. *Book centers of the Komi Republic: Ust-Tsilemsky district: collection of materials and studies*. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publishing House, 2017. Pp. 286–316. (Series “Word and Text in the Context of Culture”. Issue 2.) (In Russ.)
5. Melikhov M. V. Handwritten collections of S. A. Nosov: description of collection No. 11. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, 2018, no 8, pp. 79–87 (In Russ.)
6. Melikhov M. V. Handwritten collections of S. A. Nosov: description of collection No. 12. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, 2019, no 4 (11), pp. 92–100. (In Russ.)
7. Melikhov M. V. Handwritten collections of S. A. Nosov: collection No. 22. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, 2023, no 4 (28), pp. 48–62. (In Russ.)
8. Prokuratova E. V. Handwritten collections of S. A. Nosov in private collections of residents of the Ust-Tsilemsky District of the Komi Republic: expedition finds of the early 20th century. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, 2023, no 1–2, pp. 24–34. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Мелихов Михаил Васильевич

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии ка-
федра русской филологии Сыктывкарский
государственный университет им. Пяти-
рима Сорокина

Mikhail V. Melikhov

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Philology
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

55 Oktyabrskii Prosp., Syktyvkar, 167001,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

26.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

30.07.2025

Принята к публикации / Accepted for publication

10.11.2025

Печорские сказания о первых иудейских патриархах Аврааме, Исааке и Иакове (по двум рукописям из усть-цилемского собрания ИРЛИ)

Роман Николаевич Скutelник

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Сыктывкар, Россия,

romanskutelnik962@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5163-7510>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования сказаний на ветхозаветные сюжеты о первых иудейских патриархах — Аврааме, Исааке и Иакове, созданных печорским книжником второй половины XIX в. Иваном Степановичем Мяндиным. Списки этих сказаний входят в состав трех усть-цилемских рукописных сборников, написанных И. С. Мяндиным, — ИРЛИ (УЦ 66 и УЦ 267) и РНБ (НСРК О. 100). В ходе анализа выявляются типичные для печорского книжника приемы редакторской правки. В приложении публикуются ранее не издававшиеся списки сказаний И. С. Мяндина на сюжеты о первых иудейских патриархах из сборников Усть-Цилемского собрания ИРЛИ.

Ключевые слова: Иван Степанович Мяндин, библейские сказания, первые иудейские патриархи, Авраам, Исаак, Иаков, Усть-Цильма, Русский Хронограф 1512 года

Для цитирования: Скutelник Р. Н. Печорские сказания о первых иудейских патриархах Аврааме, Исааке и Иакове (по двум рукописям из усть-цилемского собрания ИРЛИ) // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 82–95. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-82>

Pechora tales of the first jewish patriarchs Abraham, Isaac and Jacob (based on two manuscripts from the Ust-Tsilemsk collection of the IRLI)

Roman N. Skutelnik

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,

romanskutelnik962@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5163-7510>

Abstract. The article presents the results of a study of Old Testament legends about the first Jewish patriarchs — Abraham, Isaac, and Jacob. The texts examined in the work are part of three Ust-Tsilem manuscript collections written by I. S. Myandin — IRLI (UC 66, UC 267) and RNB (NSRK O. 100). The editorial techniques typical of the Pechora scribe are noted. The appendix contains previously unpublished texts by I. S. Myandin on the first Jewish patriarchs from the IRLI collections.

Keywords: Ivan Stepanovich Myandin, biblical tales, the first Jewish patriarchs, Abraham, Isaac, Jacob, Ust-Tsilma, Russian Chronicle of 1512

For citation: Skutelnik R. N. Myandian manuscripts of Old Testament stories about the first Jewish patriarchs. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2025; 2: 82–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2025-2-82>

Ветхозаветные повествования о первых иудейских патриархах образуют пространную часть книги Бытия (Быт. 12–50), предваряемую рассказами о сотворении мира и грехопадении первых людей (Быт. 1–11). Патриархальный цикл составляют повествования о трех персонажах: Аврааме, Исааке и Иакове. Рассказы именно об этих ветхозаветных героях в научной литературе принято рассматривать как стержневой сюжетный центр цикла сказаний о первых иудейских патриархах (несмотря на то, что в него также вошли сюжеты об Измаиле, Исаве и Иосифе) [Isaak, 1995, p. 67].

Вышеназванные сюжеты патриархального цикла становятся материалом для поздних литературных обработок, в числе которых и редакции печорского книжника И. С. Мяндина [Волкова, 2014, с. 93]. В частности, интерес усть-цилемского переписчика к данному ветхозаветному блоку проявился в неоднократном его обращении к сюжетам о первых патриархах и создании И. С. Мяндиным семи списков, в разном сочетании читающихся в двух рукописных сборниках ИРЛИ (усть-цилемское собрание №№ 66 и 267) и сборнике РНБ (НСРК, О. 100).

Кратко охарактеризуем сборники, в составе которых читаются публикуемые далее мяндинские сочинения. Рукопись ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание (далее — УЦ), № 66 — это сборник третьей четверти XIX в., целиком написанный почерком И. С. Мяндина, форматом в 8-ку, на 478-ми листах, в кожаном тисненном переплете. Рукопись поступила в ИРЛИ после экспедиции В. И. Малышева, нашедшего ее в 1949 г. в с. Усть-Цильма [Малышев, 1960, с. 112–113]. Публикуемые нами списки сказаний в этом сборнике читаются в составе хронографической компиляции «Историческое описание от сотворения мира» и предваряются заглавием «Повѣсти полезныя о древних мужех како препровождали жизнь добрую».

Рукопись ИРЛИ, УЦ 267, форматом в 8-ку, на 441-м листе, в дощатом переплете, покрытом тисненой кожей — еще один объемистый сборник И. С. Мяндина, переписанный его хорошо узнаваемым почерком. В. И. Малышев характеризует содержание сборника как «Хронограф в усть-цилемской переработке» [Малышев, 1961, с. 570]. Как и рукопись УЦ 66, сборник УЦ 267 был приобретен В. И. Малышевым в 1949 г. в с. Усть-Цильма. Кодекс составлен в последней четверти XIX в. Современная датировка опирается на палеографический анализ и владельческую запись М. Чупрова от 23 августа 1898 г., читающуюся на л. 441 об. [Волкова, 2011, с. 208]. Списки сказаний об иудейских патриархах читаются в УЦ 267 в составе компиляции «Книга, глаголемая Гранография, сиречь историческое описание жизни от первых человек до последних».

Оба сборника являются одними из наиболее репрезентативных памятников усть-цилемской книжной культуры и предоставляют уникальный материал для изучения рецепции средневекового текста в поздней старообрядческой книжной среде XIX в. В них сосредоточен основной массив мяндинских редакций библейских ветхозаветных и хронографических сочинений.

Публикуемые в данной статье сочинения представлены пятью списками: два из сборника УЦ 66 («О Авраамѣ и Исаацѣ», лл. 16 — 21 об.; «О Исавѣ и Иаковѣ»),

лл. 21 об. — 29 об.), три из УЦ 267 («О Авраамъ», лл. 16 об. — 22 об.; «О женитбѣ Исааковѣ», лл. 22 об. — 29 об.; «О Исавѣ и Ияковѣ», лл. 29 об. — 35).

Основным источником мяндинских версий сказаний, помимо Библии, послужил текст Хронографа, вероятно, особой «печорской» редакции, некоторое время находившийся в распоряжении переписчика, а затем в 1857 г. увезенный С. В. Максимовым. В настоящее время местонахождение данной рукописи неизвестно [Мальшев, 2009, с. 13–15]. Для установления текстуальных отношений мяндинского и хронографического рассказов нами был использован текст Русского Хронографа редакции 1512 года [Русский Хронограф, 1911].

Сравнительно-сопоставительный анализ списков ИРЛИ (списки РНБ исследованы и опубликованы в приложении к статье Т. Ф. Волковой [Волкова, 2006, с. 73–91]) показал, что тексты сборника УЦ 267 являются более ранними по сравнению со списками УЦ 66. В текстуальном плане сказания из УЦ 267 более близки к Хронографу, чем списки из УЦ 66: в УЦ 267 сохраняется много чтений, совпадающих с хронографом. Позаимствовал И. С. Мяндин из текста Хронографа и присущий этому памятнику фактографический стиль изложения: ряд мест в мяндинском тексте насыщается числовыми указаниями (о возрасте персонажей в момент того или иного события; количестве войск в подчинении полководцев, размере даров и т. д.).

Списки из УЦ 267 отличаются наибольшим объемом, хотя в них уже заметна целенаправленная работа переписчика по сокращению текста источников. В ряде случаев это прослеживается на эпизодическом уровне: в мяндинском тексте удалены три библейских эпизода (Быт. 12:10–20; 20:1–18, 26:1–13), сюжет которых разворачивается вокруг мотива *сокрытия супружеских отношений* (речь идет о целой событийной цепочке, связанной с объявлением патриархом своей жены «сестрой» во время пребывания в Египте и Гераре — данный мотив с разным составом действующих лиц повторяется в библейском повествовании трижды, в хронографе — два раза), а также значительно сокращен эпизод войны с эламским царем. Отсутствует в мяндинской версии и рассказ о падении Содома и Гоморры.

В некоторых случаях наблюдается бóльшая связь списков УЦ 267 с Библией — установить ее мы можем по фрагментам, читающимся в мяндинском и библейском повествовании, однако отсутствующим или значительно сокращенным в тексте Хронографа. Это касается ряда реплик героев, которые в мяндинском варианте излагаются в характерной для Библии форме протокола (речь идет лишь о тех местах, которые в Хронографе сокращены до лаконичных формулировок). Другой яркий пример — эпизод визита Елиезера (раба Авраама) к Нахору с целью предложить ему женить Исаака на Ревекке. В мяндинской версии читается фрагмент, отсылающий к библейскому тексту, но опущенный в Хронографе: разговор Ревекки с родителями, в котором уточняется мнение дочери о браке. Таким образом, в списках рукописи УЦ 267 отражен первый этап овладения И. С. Мяндиным интересующими его сюжетами.

Текст в списках из УЦ 66 в ряде фрагментов, читающихся и в списках из УЦ 267, заметно сокращен, что указывает на продолжение редакторской работы

И. С. Мяндина, проведенной при создании списков УЦ 66. В частности, в УЦ 66 опускается вышеупомянутый эпизод войны с правителем Элама, а также удаляется цепочка событий, связанных с наложницей Авраама Агарью. При этом в текстах УЦ 66 отчетливее проявляется творческий подход переписчика к изложению библейских событий. Отметим, например, интересное композиционное решение редактора — объединить два отдельных сказания об Аврааме и об Исааке (как это представлено в сборнике УЦ 267) в один рассказ, кратко описывающий ключевые события из жизни Авраама и более сконцентрированный на событиях свадьбы Исаака и Ревекки.

В целом в списках УЦ 66 наблюдается стремление редактора к перераспределению композиционных узлов между произведениями: так, сказание о женитьбе Исаака в УЦ 267 завершается не празднованием свадьбы (как это происходит в списке УЦ 66), а сценой кражи Иаковом благословения у Исава. В УЦ 66 переписчик намеренно переносит весь событийный блок, составляющий данный эпизод, в начало сказания об Исаве и Иакове, чтобы сделать общее повествование более логичным. Меняется на второй стадии работы и финал данного рассказа: если в УЦ 267 повествование завершается примирением двух братьев, то в финал списка УЦ 66 помещается эпизод «богоборства», после которого Иаков получает имя Израиль (данный эпизод в сборнике УЦ 267 читается в начале сказания об Иосифе Прекрасном. Публикацию текста этого сказания см. во 2-м томе монографии Т. Ф. Волковой [Волкова, 2024, с. 5–12]).

Вводятся в списки УЦ 66 и оригинальные фрагменты, не обнаруженные в составе Библии и Хронографа: прежде всего это заметно в сказании об Аврааме и Исааке, в которое Мяндин ввел мотивы пиршества, а также вставку панегирического характера о Ревекке (впоследствии она была развита в списке РНБ и дополнена симметричной вставкой об Исааке).

Композиция, присущая спискам сборника УЦ 66, в целом сохраняется в списках сборника РНБ. Дальнейшие изменения в тексте (уже на этапе создания рукописи РНБ) характеризуются отдельными незначительными сокращениями, а также развитием и дополнением комплекса оригинальных фрагментов. В частности, И. С. Мяндиным вносится еще один мотив — пиршества, а также дополнительные характеристики персонажей. Сюжет о патриархе Аврааме в состав сборника РНБ не вошел.

Список источников

1. *Волкова, 2002* — Волкова Т. Ф. Историческая литература в составе Усть-Цилемских рукописных сборников: к характеристике исторического сознания печорских крестьян-старообрядцев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2002. № 9. С. 184–198.
2. *Волкова, 2006* — Волкова Т. Ф. Сказания о библейских героях в рукописном наследии печорского книжника-старообрядца И. С. Мяндина // Староверие на Северо-Востоке европейской части России. Сыктывкар, 2006. С. 52–91.

3. *Волкова, 2011* — Волкова Т. Ф. Рукописные сборники печорского книжника И. С. Мяндина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 8. С. 201–215.

4. *Волкова, 2014* — Волкова Т. Ф. Библейские сюжеты в осмыслении печорского книжника XIX века И. С. Мяндина // Проблемы исторической поэтики. 2014. Т. 12. № 1. С. 92–111.

5. *Волкова, 2024* — Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин: рукописное наследие. Литературные редакции и переработки древнерусских и старообрядческих сочинений: исследования и тексты: в 2 ч. Ч. 2. Тексты созданных И. С. Мяндиным литературных переработок древнерусских и старообрядческих сочинений. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питиримы Сорокина, 2024. 233 с.

6. *Мальшев, 1960* — Мальшев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX веков. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1960. 213 с.

7. *Мальшев, 1961* — Мальшев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Т. 17. 1961. С. 561–604.

8. *Мальшев, 2009* — Мальшев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Первые Мяндинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции. 12 июля 2008 г., с. Усть-Цильма. Сыктывкар, 2009. С. 6–20.

9. *Русский хронограф, 1911* — Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 г. Ч. 1. // ПСРЛ: в 43 т. Т. 22. СПб., 1911. 578 с.

10. *Isaak, 1995* — Isaak M. A. Literary Structure and Theology of the Patriarchal надо — 10 Isaak, 1995 — Isaak M. A. Literary Structure and Theology of the Patriarchal Narratives: The Three-fold Blessing. Direction journal, 1995, vol. 24(2), pp. 65–74.

References

1. *Volkova, 2002* — Volkova T. F. Historical literature in the Ust-Tsilemsky manuscript collections: a characterisation of the historical consciousness of the Old Believer peasants of Pechora. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii* [Dialogue with Time: An Almanac of Intellectual History]. М., 2002. № 9. Pp. 184–198. (In Russ.)

2. *Volkova, 2006* — Volkova T. F. Legends about biblical heroes in the manuscript heritage of the Old Believer scribe I. S. Myandin of Pechora. *Staroverie na Severo-Vostoke evropejskoj chastii Rossii*. [Old Believers in the North-East of European Russia]. Syktyvkar, 2006. Pp. 52–91. (In Russ.)

3. *Volkova, 2011* — Volkova T. F. Manuscript collections of Pechora scribe I. S. Myandin. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2011. Vol. 10(8). Pp. 201–215. (In Russ.)

4. *Volkova, 2014* — Volkova T. F. Biblical themes in the interpretation of 19th-century Pechora scribe I. S. Myandin. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics]. 2014. Vol. 12(1). Pp. 92–111. (In Russ.)

5. *Volkova, 2024* — Volkova T. F. *Ivan Stepanovich Myandin: rukopisnoe nasledie. Literaturnye redakcii i pererabotki drevnerusskikh i staroobryadcheskikh sochinenij: issledovaniya i teksty: v 2 ch. CH. 2. Teksty sozdannyh I. S. Myandinyum literaturnyh pererabotok drevnerusskikh i staroobryadcheskikh sochinenij* [Ivan Stepanovich Myandin: Manuscript Heritage. Literary Editions and Adaptations of Old Russian and Old Believer Writings: Research and Texts: in 2 parts.

Part 2. Texts of literary adaptations of Old Russian and Old Believer writings created by I. S. Myandin]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publishing House, 2024. 233 p. (In Russ.)

6. *Malyshev, 1960* — Malyshev V. I. *Ust'-cilemskie rukopisnye sborniki XVI–XX vekov* [Ust-Cilemsky manuscript collections of the 16th–20th centuries]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1960. 213 p. (In Russ.)

7. *Malyshev, 1961* — Malyshev V. I. Ust-Tsilemsky manuscripts of the 17th–19th centuries: historical, literary and everyday content. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Vol. 17. 1961. Pp. 561–604. (In Russ.)

8. *Malyshev, 2009* — Malyshev V. I. Ust-Tsilemsky book writer and writer of the 19th century I. S. Myandin. *Pervye Myandinskije chteniya: materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. July 12, 2008, Ust'-Cil'ma [The First Myandino Readings: Proceedings of the Pp 6–20. (In Russ.)

9. *Russkij hronograf, 1911* — *Russkij hronograf: Hronograf redakcii 1512 g.: Ch.1* [Russian chronograph: Chronograph of the 1512 edition: Part 1]. *PSRL*. in 43 volumes. Vol. 22. Saint Petersburg, 1911. 578 p. (In Russ.)

10. *Isaak, 1995* — Isaak M. A. Literary Structure and Theology of the Patriarchal Narratives: The Three-fold Blessing. *Direction journal*, 1995, vol. 24(2), pp. 65–74.

Тексты

СКАЗАНИЕ ОБ АВРААМЕ (ИРЛИ, УЦ 267, л. 16 об. — 22 об.)

О Авраамъ^а

Авраамъ^б же бяше сынъ Фаринъ, и рече ему Богъ: «Изыди от дому отца твоего и от земли своя, поймъ // (л. 17) Сарру, жену твою, и Лота, сына брата твоего, и иди в землю, юже азъ ти покажу». Воставъ же Авраамъ, иде по словеси Божию, вземъ все свое имѣние, скота и мски, и злато, и серебро и прииде, вселися в землю Ханаану у дуба Маврийска. И созда ту кущу, и сотвори жертвеник Богу, и принесе всесождения овца и говяда. Лоть же, сыновец // (л. 17 об.) Авраамовъ, вселися в землю Содомскую. Бѣ же ту тѣснота скоту, и многажды бысть котора и при между Авраамовыми и Лотовыми отроки. В земли же живяше Лоть — праведень сый^в. Людие же содомстии зли и грѣшни зѣло.

Бысть же в ты дни царь языческий, прииде на Содомъ и плѣни его, и изведъ вся люди и от скотъ, и люди первыя града, и цари содо // (л. 18) мстии^г со имѣнием мнозѣмъ во свою землю. И возвѣстиша Аврааму, и погна Авраамъ вслѣдъ царя языческа с 318-ю отрок, постиже и исяче всю силу царя языческа, и возврати вся люди и кони содомския со имѣниемъ. Возврати же и Лота, сыновца своего. И изыде в срѣтение Аврааму Мельхиседекъ, царь Салимский, и благослови Авраама // (л. 18 об.).

^а Инициал *О* написан черными чернилами, остальной текст заголовка киноарный.

^б *А* — простой инициал киноарью.

^в Написано над строкой

^г Слог *до* в слове *содомстии* повторен на следующем листе 18.

Бѣ же Авраамъ старъ сый, и Сарра, жена его, неплоды. Единою же сѣдѣшу ему под древомъ и видѣ три мужи благообразни, идуще путемъ. И абие Авраамъ изыде, постиже ихъ, глаголя: «Аще обрѣтохъ благодать предъ вами, господие мои, то внидите под кров мой и яждыше хлѣбъ». Мужие же рѣша ему: «Буди тако». И абие Авраамъ введе ихъ // (л. 19) в свою кущу, и тече скоро в старр. И закла тельца, и испече. И жена его Сарра сотвори брашно, и уготови трапезу по-древомъ, и служаху имъ. И умы Авраамъ нозѣ водою мужей тѣхъ. Егда же хотяху отити мужие в путь свой, обратишася ко Аврааму, глаголюще: «Благословенъ ты, Аврааме, Богомъ вышнимъ, и жена твоя родить ти наслѣдника // (л. 19 об.) имѣнню твоему, и будетъ сѣмя твое, яко звѣзды небесныя». Слышавъ же Сарра сия словеса, возсмѣяся и рече: «Могу ли азъ в старости родити чадо и иссохшия сосцы точити млеко?» Рекоша же мужие: «Егда Богъ изнеможе». И отидоша в путь. Разумѣ же Авраамъ, яко Богъ явися ему в трехъ лицахъ.

Сарра же, егда не раждаше, впаде Аврааму мужу // (л. 20) Агарь, рабу свою, в жену, и зачать от него, и родися сынъ, и нарече имя ему Измаиль. Сарра же рече Аврааму: «Что се азъ сотворихъ? Вдахъ тебѣ рабу мою, и уничажаетъ мя в дѣлѣхъ моихъ». Рече же Авраамъ: «Та раба ти есть, озлоби ю». Тогда Сарра Агарь, рабу свою, озлобляше на всякъ день.

Не могий же терпѣти досаждения госпожи своя, изыде // (л. 20 об.) из дому Аврамова и от гнѣва госпожи своя, имяше с собою Измаила, сына своего, и сяде при источницѣ, и успе. И явися ей ангель Господень, рече: «Возвратися, Агаре, в домъ госпожи своя и поработай ей, сего Богъ сѣмя твое в языкъ велий хошетъ умножити».

По времени же и Сарра, жена Аврамова, зачать от Авраама осмидесяти лѣтъ сый. Авраамъ же девяностидесяти бѣ. Егда же // (л. 21) Сарра разрѣшися от бремени, роди сына Аврааму, и нарекоша имя ему Исаакъ. И во осмый день обрѣзаша, и бѣ Исаакъ единъ наслѣдникъ Аврааму.

И во единъ от дний возва Господь Авраама, рече ему: «Аврааме!». Онъ же рече: «Се азъ, Господи». Господь же рече: «Возми сына своего единороднаго и иди на гору, и вознеси его на всесожжение, заколи, принеси в жертву предо мною» // (л. 21 об.). Онъ же воставъ и возьмъ Исаака, сына своего единороднаго, и огонь, ножъ и дрова, и поиде. Исаакъ же несый дрова и рече Аврааму: «Отче, се огонь и дрова, гдѣ есть овча на всесожжение?». Онъ же рече: «Богъ узритъ овча, чадо». Егда же приидоша на мѣсто и Авраамъ возгнѣти огонь, и запенъ ногу Исааку, сыну своему, и положи его на дрова, и возьмъ ножъ, // (л. 22), и хотя заклати, и абие возва его Господь, глаголя: «Аврааме!». Онъ же рече: «Се азъ, Господи». Господь же рече: «Не возложи руку твою на сына своего. Азъ бо увѣдѣхъ, яко воистинну любиши мя. Се овень привязанъ в саду Савековѣ, возьмъ, заколи и вмѣсто Исаака, сына своего». И возрѣ Авраамъ, и видѣ овна привязана за рога, и возьмъ овна, и вознесе на всесожжение // (л. 22 об.).

Тогда рече Господь Аврааму: «Понеже послушалъ еси гласа моего и не пощадѣлъ еси сына своего мене ради, то будешь отецъ языкомъ многимъ, и распространится имя до конецъ земли». Слыша же Авраамъ глаголы Господни, паде ниць предъ Господемъ.

СКАЗАНИЕ О ЖЕНИТЬБЕ ИСААКА

(ИРЛИ, УЦ 267, л. 22 об. — 29 об.)

О женитбѣ Исааковѣ.

Бысть же Исаакъ, сынъ Аврааму, возмужавъ, и призва Авраамъ перваго из рабовъ своихъ, рече ему: «Иди нынѣ, // (л. 23) возьмъ скотъ, и имущество, и сына моего Исаака

к Нахору, братаничу моему, и моли его вдати едину от дочерей его в жену Исааку, и Господь да шествуетъ с тобою в пути, и да сохранит тя». Слышавъ же рабъ повелѣние господина своего, осѣдла волы и ослы и вземъ Исаака, сына господина своего, и имѣние, и поидоша с благословениемъ Авраама и Сары в путь в ту страну, // (л. 23 об.) идѣже бѣ Нахоръ, а Исаакъ оста на мѣстѣ до дне возвращения раба его.

Егда же идѣше рабъ во страну Нахорову, моляше Господа, глаголя: «Господи, даждь ми по словеси господина моего благоугодно путь начати и скончати». И егда приближися, и се Ревека, сестра Лаванова, исхожаше с водоносомъ по воду ко источнику. И рече рабъ Авраамовъ: «Господи, внуши девицѣ сей, егда реку, // (л. 24) еже ми сотворити, да сотворитъ, то, воистинну, увѣмъ, яко Богъ со мною исправит путь мой во благое». И рече рабъ Авраамовъ к девицѣ: «Миръ ти, девице, да напоиши мя от сусуда своего водою». Она же такоже отрече: «Миръ». И рече с кротостию: «Прииди, господине, и пиши ты и волы твоя». Онъ же пить, такоже и волы своя напои, и вопроси ю: «Чия еси дщи?». И рече: // (л. 24 об.) «Вафуила, а братъ ми Лаванъ». И рече рабъ: «То будетъ ли ми, гдѣ опочинути с волы и ослы?». Рече же девица: «И зѣло много мѣста суть во обитание, и плевы, и отроки к пос[ужению]. И рече рабъ: «Како имя твое нарицается?». И рече: «Ревека». И абие рабъ вда усерязи златы в запястия девице. Она же тече скоро в домъ свой и повѣда все.

И братъ ея Лаванъ // (л. 25) изыде в срѣтение рабу Авраамову и рече ему: «Миръ ти, господине». И рече рабъ: «Миръ». И рече Лаванъ: «Прииди под кровь нашъ, рабе Авраамов, со мски и волы и обитаеши, да благо ти будетъ». И рече рабъ: «Благословенъ Богъ Авраамовъ».

И тако обита в дому ихъ с волы. И наутрие повѣда волю господина своего Авраама, и како на пути моляся Господу, и како срѣте // (л. 25 об.) его девица Ревека, и что глагола. Тогда рекоша ему родители Ревецыны: «Воля Господня да будетъ». И вопрошиша Ревеку, идетъ ли с рабомъ Авраамовымъ Исааку въ жену. Она же обѣщася. И тако по триехъ днехъ поиде Ревека с рабомъ со имѣниемъ многимъ. Егда же приближишася близъ дому Авраамова, Исаакъ же бѣ внѣ дома. И яко узрѣ идуща раба своего со мски, // (л. 26) и со имѣниемъ, и с Ревекою, притече близъ их. И узрѣ Ревеку, и возлюби ю зѣло, яко добра есть и красна. И внидоша ко Аврааму и Сарре. Тии такоже возлюбиша, и сотвориша бракъ, и бысть Исаакъ в жену. И возвеселишася вси.

По лѣтѣхъ нѣколицѣхъ зачатъ Ревека от Исака и роди два сына близнят. Первый же Исавъ бѣ косматъ, оброслъ по мышцам и бедру власы, // (л. 26 об.) вторый же Ияковъ бѣ гладокъ и добръ взором. Сего мати его Ревека зѣло любляше, Исава же Исаакъ, отецъ его, любя зане ловець бяше. Единою же бывшимъ обоимъ на ловѣ. Исав же утруждся, изнеможе, сѣдя на пути. Ияковъ же грядый, видя Исава сѣдяща и изнемогша, зане брашна не бѣ с нимъ. Ияковъ же с брашны идый. Рече же ему Исавъ: «Брате мой, // (л. 27) помилуй мя, даждь ми мало яди, яко от глада изнемогаю». Рече же Ияковъ: «Даждь ми первенство, и вдамъ ти ядь». Рече же Исавъ: «Что ми первенство, егда умираю от глада?» И вда Ияковъ мало брашна Исаву, и вземъ первенство, и отъиде.

Бысть же егда состарѣтися Исаакъ, призва сына своего старѣйшаго, егоже любяше, Исава. Рече ему: «Се нынѣ азъ // (л. 27 об.) умираю, то иди на поле и улови ловъ, и сотвори ми брашно, и вкушу. Дондеже не умру, да благословлю тя на жизнь твою, да поживеши в изобилии». Изыде же Исавъ от отца своего на ловъ. Ревека же, слышавши глаголы Исааковы, рече Иякову: «Се отецъ твой повелѣ принести брашно от лова его, да благословит, дондеже не умреть. Се нынѣ азъ устрою тебѣ ядь, да внесеши // (л. 28)

отцу своему, да благословить ты прежде брата твоего». Рече Ияковъ: «Братъ мой космать, азъ же гладок. Да не како осяжетъ мя отецъ мой, и азъ в клятву впаду». Рече же Ревека: «Точию послушай гласа моего, и азъ устрою все». Устроивъ же ядь Ревека, обьвивъ же и руцѣ, и мышца кожинами, и вда ядь Иякову.

Егда же вниде Ияковъ ко отцу своему, рече Исаакъ: «Кто прииде сѣмо?» // (л. 28 об.). Ияковъ же рече: «Азъ есмь перворожденный сынъ твой Исавъ». Рече же Исаакъ: «Прииди, чадо, и обლობыжю тя». Прииде же Ияковъ, осяза его отецъ его Исаакъ и рече: «Руце же и мышца Исаовѣ, а гласъ Ияковль». И не позна его. И возьмъ ядь, и пить, яже внесе Ияковъ, и благослови его, глаголя: «Се от всѣхъ плодовъ земныхъ, и от дровъ, и птицъ, и скота, да снѣси, и братъ ти да поработаетъ // (л. 29) и сѣмени твоему». И тако преста, благословляя. И изыде Ияковъ от лица отча.

Вниде же и Исавъ, нося яже от лова своего, и прииде ко отцу. И рече Исаакъ: «Кто вниде сѣмо?». Рече же Исавъ: «Азъ есмь, отче, первородный сынъ твой Исавъ». Удивльжеса Исаакъ, рече: «Прииди, чадо, да лобжю тебе». Прииде же Исавъ, и осяза его, рече: «Братъ твой прииде лестию и внесе // (л. 29 об.) брашно, и ядь, и пит, и благословень бывъ, еще и господина его нарече тебе». Исавъ же рече отцу с плачемъ: «Благослови убо и мене, отче». Исаакъ же рече: «Благословень буди, чадо, и оружиемъ твоимъ живъ будеши, и брату твоему поработаеши». И тако изыде от лица отча.

СКАЗАНИЕ ОБ ИСАВЕ И ИАКОВЕ

(ИРЛИ, УЦ 267, л. 29 об. — 35)

О Исавъ и Ияковѣ.

По умертвии же Исаакъ враждоваше Исавъ на Иякова о // (л. 30) благословении. Видѣ же Ияковъ, яко Исавъ, братъ его, зѣло гнѣваясь, и бояся, да не убиетъ его, востав, отъиде в Месопотамию к дядѣ своему Лавану и нача жити ту. Бѣ же у Лавана двѣ дщери Лия и Рахиль, млады зѣло. Рахиль же бѣ красна зѣло и добра. Лия же не такова. Ияковъ же нача просити едину от дщерей себе в жену. Лаванъ же // (л. 30 об.) рече Иякову: «Аще поработаеши у мене 7 лѣтъ, то вдамъ ти едину, кую избереши». Ияковъ же совѣщася с Лаваномъ за младшую, нача работати. И по прошествии 7 лѣтъ привѣде старшую Лию. Ияковъ же рече, что есть неправда: «Не за младшую ли поработахъ 7 лѣтъ, терпя варъ и мразъ». Лаванъ же рече: «Нѣсть обычая, еже младшимъ прежде // (л. 31) старшихъ выходить, но аще поработаеши другая 7 лѣтъ, и другую ти вдамъ, и младшую». Ияковъ же проживе у Лавана ещѣ 7 лѣтъ. Тогда Лаванъ приведе к нему и Рахиль. И обоим дщерем вда по единой рабѣ. И рече Лаванъ ко Иякову: «Еще 6 лѣтъ^{д-д} поработаеши ми^д за овцы и ослята, и да будутъ ти в даръ дщеремъ моимъ». И рече Ияковъ: «Како имам разумѣти, котории // (л. 31 об.) будутъ мнѣ и тебѣ?». Лаванъ же рече: «Се будетъ знамение: еже ражати овца черныя и бѣлыя, черныя же мнѣ, бѣлыя тебѣ». Господь же помогаше Иякову, посла ангела своего и веля ему бѣлити корыта, идѣже овцы пияху. И егда Ияковъ тако творяше, начаша овца ражати бѣлыя. Лаванъ же о семь зѣло недоумѣяшеса, обаче молчаше.

Родишажеса Иякову // (л. 32) от первыя жены Лии шесть сыновъ: Рувима, Симона, Левия, Июду, Исихар и Завулонъ, от Рахили же Иосифъ и Вениаминъ, лт рабы Лиины Зельфы Гадъ и Ассирь, от рабы же Рахилины Валлы Данъ и Нефдалимъ. Видѣвъ же Ияковъ, яко умножишася скоты паче Лаванихъ и имѣния его, и Лавана,

^{д-д} Написано на поле.

гнѣвающаяся на Иякова, и вземъ вся жены и сыны своя, и скоты, и поиде в землю Идум, // (л. 32 об.) первое жилище, к Исаву, брату своему, по гласу Господню, тай от Лавана. Рахиль же украде и боги отца своего, ибо Лаван не бѣ в дому. И бѣжа Ияковъ от Лавана.

И в третій день возвѣстиша, яко убѣжа Ияковъ со стады и жены, и чады. Воземъ же Лаванъ братию и сыны своя и погна вслѣдъ Иякова 7 дней, и постиже его на горѣ, и рече Иякову: «Вскую яко тай убѣже от мене // (л. 33) со стады и с женами, егда азъ удержажъ тебѣ?». Рече же Ияковъ: «Убоюсь, егда како не даси ми дщери твоя и скоты. Азъ бо ти поработахъ 20 лѣтъ за нихъ: 14 лѣтъ за обою дщери, а 6 лѣтъ за овцы и козлы, и аще будут бѣлы — мнѣ и черны — тебѣ. Се есть моя мзда, ибо азъ работахъ от души день и ночь». Рече же Лаванъ: «Се есть твое, точию та неправда, почто украдoste боги моя?» // (л. 33 об.). Ияковъ же рече: «Ищите в станѣ моем и в куцахъ женъ моихъ. И аще у кого обрящете, той смертию да умреть». Лаванъ же обыска вся кущи и не обрѣтъ я, прииде в куцию Рахили. Она же положи идолы под сѣдло осле, и сяде верху ихъ, и рече ко отцу: «Господине мой отче, нѣ дѣи мене, ибо не могу востати, яко обычная ми есть». Лаванъ же обыска прочіе в кущи // (л. 34) и не обрѣте, возвратися со студомъ в домъ свой.

Ияковъ же идяше вселитися в земли отца своего Исаака. И егда идяше Ияковъ с женами со стады и сыновми своими, услышавъ же Исавъ, братъ его, вооружи 400 мужей и поиде противу Иякова. Ощутивъ же Ияковъ идуща на нь брата^е своего, раздѣли скоты и жены на два полка: Лию впереди, Рахиль же // (л. 34 об.) позади, глаголаше бо: «Аще единъ полкъ изсѣчет, то другій спасется». Пославъ Ияковъ в дар брату своему 200 овецъ, и 20 козъ, и 20 верблуд доилицъ, и 200 ягнятъ, да же умилосердится и пощадитъ стада его. Егда же близъ приидоша, и поклонися Ияковъ брату своему до земли, и рече: «Господине мой брате, доселѣ укоснѣлъ есмь у Лавана и приобрѣтохъ стада и жены, // (л. 35) и нынѣ приидохъ сѣмо рабъ твой». Исавъ же видѣ покоряющуюся брата, притече, и охавившеся оба, и плакастася. Приидоша же Лия и Рахиль и обѣ рабыни ихъ, и поклонишася Исаву. И тако Ияковъ вселися с миромъ. Исавъ же, видѣ у брата мнози скоти, отъиде оттуду с женами и дѣтьми в другое мѣсто, зане тѣснота бѣше жительства // (л. 35).

СКАЗАНИЕ ОБ АВРААМЕ И ИСААКЕ

(ИРЛИ, УЦ 66, л. 16 — 21 об.)

Повѣсти полезныя о древнихъ мужехъ, како препровождали жизнь добрую.

О Авраамѣ и Исаацѣ.

Бысть в земли Халдѣйстѣй мужъ богатъ зѣло именемъ Фора, отецъ Аврааму. Сей боги имѣ языческия и тѣмъ жертву творяще. Авраамъ же с женою Саррою служаше Богу небесному. Сего ради во единъ от дний воззва Господь Аврааму, глаголя: «Изыди от земли твоя и от дому отца твоего и // (л. 16 об.) иди в землю, яже ти азъ покажу. И абие Авраамъ взя все достояние свое, и изыде с женою своею и с Лотомъ, сыновцемъ своимъ, и вселися в землю, показанную Богомъ. А Лоть вселися в Содомъ. И бѣ Авраамъ старъ сый, такоже и жена его Сарра. Имяху же 300 домочадецъ, а чада не имяху.

^е Далее в рукописи, видимо, ошибка — с.

Авраамъ же и жена его странныя приимаху, и по покояху трапезы поставляху, и служажу имъ, и сами ноги омывающе у странныхъ. И сего // (л. 17) ради Богъ явися имъ сичевымъ образомъ.

Единою же Аврааму съдящу с женою в домъ своемъ, и узрѣша и: се идуще путемъ трие мужие. И абие Авраамъ и жена его потекоста в срѣтение страннымъ. И глаголаша имъ: «Господие, аще возможно, да не мимо идете рабов своих и да вкусите хлѣбъ и воду, и упокоитесь, и на утрие идѣте в путь свой». И абие Авраамъ закла тельца, и предложи трапезу гостемъ под деревом, и введе в дом, и умы имъ нозѣ // (л. 17 об.). И упокоишася в той день в дому Авраамли и идоша путемъ своимъ. И явися паки Господь Аврааму, и рече: «Се отнынѣ жена твоя зачнет и родить сына, и будет сѣмя твое, яко песокъ земный». И се слышавши Сарра, восмѣяся *и рече*: «В сичевыхъ ли лѣтѣхъ будет намъ наслѣдникъ?». И рече Господь: «Вѣруй, яко Богъ и от камня может сотворити чадо Аврааму».

Посем зачат Сарра и роди сына в старости Аврааму, и нарече имя ему Исаакъ. И яко возмужа сынъ Аврааму, и явися ему Господь, и рече: // (л. 18) «Аврааме, возми сына своего возлюбленнаго и иди в гору, и принеси (в гору) его на всесожжение, и заколи мнѣ в жертву». И абие, и иде Авраамъ, взя же огонь и дрова, и возложи Исааку, сыну своему. Исаакъ же рече: «Отче, се огонь и дрова, и гдѣ есть овча на всеплодие?» Онъ же рече: «Богъ узритъ овча, чадо». И егда приидоша на мѣсто, возложи огонь и дрова, и запень ногу Авраамъ сыну своему, и изять ножъ, и хотя заклати. И абие воззва его ангель Господень, и рече: «Аврааме, не возложи // (л. 18 об.) руку твою на Исаака, сына своего, нынѣ разумѣхъ, яко ты боишия Бога, и се поими овень, привязанъ в саду Савекове, и принеси на всеплодие». И сотвори Авраамъ тако.

И яко же возмужа Исаакъ, и рече Сарра, мати его, ко Аврааму: «Сотворимъ бракъ сыну своему». И абие призвавъ Авраамъ старѣйшаго слугу, и заклать его клятвою, да не идетъ в землю чужу, но в землю рода своего, и тамо да избересть прекрасную девицу Исааку в жену, и благо ти // (л. 19) будетъ.

И иде Исаакъ со слугою своимъ на верблюдѣхъ, и приидоша в землю Нахорову, брата Аврамля. Слуга же моляшеся во умѣ своемъ, глаголя: «Боже Авраамовъ, отца Исаака — господина моего, дай же намъ совершити желание наше и прежде даже не внити в землю сию даждь ми разумѣти, кто будет жена Исааку». И абие узрѣ, и се три девы млади и красни взором изыдоша со стадом напоити е. Слуга же ста при кладезѣ и рече: «Господи, аще которая девица // (л. 19 об.) речет «миръ» и напоить скоты наше с радостию, и речет обитати в дому своем, та будет жена Исааку». И приидоша дѣввы, и се Ревека, дощи Нахорова, изыде в сретение раба Авраам[ва]³, и рече: «Миръ вамъ», и паки рече: «Егда скоти ваши от пути напоити или напитати требѣ суть, имама бо скоту траву многу и брашно вамъ». И вземъ водоносъ, и напои первие скоты Исааковы и потомъ свои, и рече паки аще: «Благо вамъ обитати в дому отца моего, // (л. 20) да идѣ же со мною».

И абие поидоша с нею, и яко приидоша близь дому, тогда Ревека пригласи отца и брата, да срящут Исаака и раба его. И се слышавше, и абие изыдоша в срѣтение Нахоръ и Лаванъ, и вопросиша ихъ о Авраамѣ и вину пришествия. Раб же все подробну сказа. И сотвориша пиръ и веселие, и приложи рабъ Авраамов свою прозбу, да дадут ему за

*-ж Написано над строкой.

³ Последний слог в слове не дописан.

Исаака Реваку, иже и знаменія ради вда ей златы усерязи. Родители же Ребеки радостни // (л. 20 об.) быша, и прославиша Бога Авраамова, и начаша готовити к браку, и все сотвориша, и начаша вси на брацѣ веселитися, и женихъ с невѣстою препроводиша многое время в дому Нахоровѣ.

И нача слуга Авраамовъ стужати о отшествии. Тогда предавше Реваку Исааку со имѣнием и благословиша ю в путь. И тако идоша путем своим, веселящеся. Егда же узрѣ Авраамъ Исаака, приближающуюся с невѣстою прекрасною Ревакою, и абие текоша // (л. 21) в срѣтение ею со всѣми домочадцы, и облобызаста, и благословиша ихъ, и сотвориша пиръ велий и веселие много.

Сия прекрасная чета и добродѣтельная в женахъ Ревака образъ показа всѣмъ женамъ, ибо кромѣ несравневной кротости и нищелюбія она имѣла безотвѣтное послушание и милосердіе ко всякому человеку и тѣмъ многихъ привѣла к сравненію своей добродѣтели. И престарелыхъ родителей мужа своего Исаака препокоила да самой смерти. // (л. 21 об.) И Авраамъ поживе всѣхъ лѣтъ <...>^н, и видѣ сыны Исааковы Исава и Иякова.

СКАЗАНИЕ ОБ ИСАВЕ И ИЯКОВЕ

(ИРЛИ, УЦ 66, л. 21 об. — 29 об.)

О Исавѣ и Ияковѣ.

От добродѣтельной Ревецѣ Исааку родишася два сына — Исавъ и Ияковъ. Сей послѣдній любим матерію Ревакою, а Исавъ — Исааком, отцемъ своим, зане звѣровль бѣ и часто приношаше от лова отцу своему в снѣдь.

Единою же бывшу Исаву на лову и заблуди, изнеможе, зане не бѣ с нимъ брашна. По призаю (?) же миноваше Ияков, // (л. 22) меньшій брат, с брашном. И рече Исавъ: «Брате милый, даждь ми ясти, понеже изнемогаю от неядения». Онъ же рече: «Дажь ми первенство твое». И рече Исавъ: «Что ми есть первенство, егда умираю от алчбы? Возми первенство и даждь ми ясти». Ияковъ же прежде истязя первенство клятвою и потом вда ему ясти.

Повнегда состарѣтися Исааку и бысть слѣпъ очима. И призва старѣйшаго сына своего Исава, и рече ему: «Се азъ соста // (л. 22 об.) рѣхся и ожидаю смерти, сего ради заповѣдаю ти, сыне мой возлюбленный, да уловиши ловъ и сотвори ми обѣдь, и благословлю тя, прежде даже не умру». Исавъ же скоро изыде на ловъ. Ревака же, мати Ияковля, слышавши заповѣдание Исааково ко Исаву, скоро возва сына своего Иякова и рече ему все подробну, и потомъ глагола ему: «Да сотвориши ты прежде обѣдь отцу своему от юнецъ своихъ, и благословить тя». И рече Ияков: «Братъ мой волясянив, // (л. 23) азъ же гладокъ, еда како осяжет и прииму клятву вмѣсто благословения?». Рече же Ревака: «Точию послушай мене, чадо, и на мене буди клятва». И абие обѣви мышца Ияковля кожицами. И принесъ тельца, и сотвори брашно, и быша егда изготвиша все. И отпусти Ревака Иякова. И вниде с брашном к отцу своему Исааку. И абие вопроси отецъ его: «Кто вниде сѣмо?». Ияковъ же рече: «Азъ есмь первородный сынъ твой Исавъ, принесох от лова моего, // (л. 23 об.) яко да благословиши мя». И рече Исаакъ: «Како скоро прииде?». Отвѣща Ияковъ: «Господь ми скоро даде ловъ, отче». И рече Исаакъ: «Приблизися ко мнѣ, чадо, да облобыжю тя». И приблизися Ияковъ, и осяза ему главу и мышца, и облобыза, и рече: «Гласъ бо Ияковль, рущѣ же Исавовѣ». И не

^н В рукописи отсутствует количество лет, но для них оставлено место.

позна его, и рече ему: «Принеси ми от лова твоего, чадо, и да благословит тя душа моя». И вдаде Ияковъ принесенная отцу своему. И яде Исаакъ, и пить, и обвеселися // (л. 24). И рече Исаакъ ко Иякову: «Благословень еси, чадо, Богомъ небесным. И да умножится от пшеница и вина, и плодовъ земныхъ, и всего в поднебеснѣй, и братъ твой да поработаетъ ти, и сѣменемъ твоимъ исполниши землю». И яко преста Исаакъ, благословляя, изыде Ияковъ от лица отча.

По отшествии же Ияковли и по благословении прииде Исав и сотвори снѣдь отцу своему Исааку, и вниде. И вопроси его Исаакъ: «Кто еси ты?». И рече Исавъ: «Азь есмь перворожденный сынъ твой Исавъ, приидохъ, // (л. 24 об.) да сотворю ти снѣдь от лова моего, и да благословиши мя». Ужасень же бывъ надолзѣ Исаакъ о сем, таже рече: «Приблизися ко мнѣ, чадо, да облобыжю тя». И приблизися Исавъ, и осяза его Исаакъ, и рече ему: «Братъ твой прииде прежде тебѣ, и ускори взяти благословение». Сия слышавъ Исавъ, рече ко отцу своему с плачем: «Неужели не остави мнѣ благословение, отче?». Тогда Исаакъ с плачемъ рече ко Исаву: «Что сотворю, яко и господина ти сотворихъ тебѣ». И абие Исавъ // (л. 25) возопи с рыданиемъ горкимъ, и рече: «Благослови и мене, отче». Тогда Исаакъ сжалився и вземъ принесенное, и яде, и рече ко Исаву: «Прими и ты благословение Божие, и оружиемъ твоимъ живъ будеши, и брату твоему поработаеши». И оттолѣ враждоваша Исавъ на Иякова и хотяше его убити, но отца своего бояшеся. Жить же Исаакъ <...>^к лѣтъ. По смерти же отца своего Исаака отъиде Ияковъ в землю дядѣ своего Лавана, бояся, да не убьетъ его Исавъ, братъ присный // (л. 25 об.).

И тако вселися Ияковъ у Лавана, и нача жителствовати. И бѣ у Лавана двѣ дщери — Лия и Рахиль, и та послѣдняя бѣ зѣло прекрасна, и сего ради нача просити Рахиль, дщерь младшую, Ияковъ у Лавана, дяди своего. И рече Лаванъ: «Аще ми поработаеши 7 лѣтъ, то возмеша». И яко согласился Ияковъ. И истекоша уреченнии лѣта, приведе Лаванъ ко Иякову Лию, старшую сестру Рахилину. И рече Ияковъ: «Что есть неправда, азь тебѣ за Рахиль работахъ^л толико лѣтъ // (л. 26). Нынѣ Лию ми вдаеши?». Рече же Лаванъ: «Нѣсть закона прежде давати младшихъ, но аще ми поработаеши другия 7 лѣтъ, не удержу азь и младшую и вдаму ти с радостию». Ияковъ же любя зѣло Рахиль и паки соизволи работати Лавану. И с Лиєю дана ему бысть и раба Мельха. По истечении же 7 лѣтъ Ияковъ же получи и прекрасную Рахиль и с нею рабу ей Вааллу. Тогда Лаванъ паки рече Иякову: «Аще хочещи, дабы была и тебѣ часть от скота, // (л. 26 об.) поработай ми еще 6 лѣтъ, точию бѣлыя — тебѣ, а черныя и пестрыя — мнѣ». Согласивъ жеся Ияковъ. И абие прииде ангель Господень ко Иякову, и рече ему: «Аще хочещи, да будет ти от скота Лаванихъ во мзду, да во время пития, егда раждаху, убѣли корыта, и будут ти ражати бѣлыя».

По истечении же шести лѣтъ умножившимся Иякову скоту, яко быти ему более Лаванихъ, и родишася ему одинатцеть сыновъ: от Лии — шесть, и рабы ея — два, от Рахили // (л. 27) же — единъ прекрасный Иосифъ, и от рабы ея — два. И нача проситися Ияковъ у Лавана, да отпуститъ его в землю отца своего, ко Исаву, брату своему, с женами и рабы, и сыны своими. Лаванъ же не хотя отпустити Иякова, зане скоти его мнози зѣло. И яко видѣ Ияковъ сие, нача совѣтывати с женами своими, да изыдутъ от Лавана той нощию. И приготовишася со всѣмъ имѣниемъ и скоты, и изыдоша во едину от нощей. Рахиль же взя и боги отца // (л. 27 об.) своего сребрениа и златяя.

^к Количество лет в рукописи не указано, но оставлено для них место в строке.

^л Далее в рукописи повторено *тебѣ*, взятое в круглые скобки как описка.

Спохвативжеся Лаванъ и не обрѣте ни Иякова, ни семейства его, ни скоты ихъ, такоже ни идоловъ своихъ в кумирницы, и погна вслѣдъ Иякова Лаванъ, и постиже его. И рече ему со гнѣвомъ: «Не довлѣли ти, Иякове, яко приобрѣте у мене вся благая, да почто боги мои украля еси?». Тогда Ияковъ рече: «Еже азъ приобрѣлъ есмь скот, и имѣние, и жены, и чада по истиннѣ и условию нашему, а еже боги ваши азъ не взяхъ, // (л. 28), но аще кто виновенъ таковому похищению, смертию да умрет». И Лаванъ обыска всѣхъ кладовыя. Рахиль же положи боги под свое сѣдалище, и сказавшися себѣ немощь обычную^м имѣти, и сего ради Лаванъ со стыдомъ велиимъ возвратися.

Исавъ же, яко услыша идуща Иякова со скоты и имѣнием, женами, и чады, абие поиде противъ его со своими рабы, да побьет ихъ. Ияковъ же раздѣли свое семейство надвое, и посла единъ впереди, а другой // (л. 28 об.) оста при себѣ. Рахиль же со Иосифомъ остави. И ускори Ияковъ послати дары Исаву. Егда же видѣ Исавъ посланныя дары от Иякова, и абие преложися сердце Исавово на миръ, и приять дары. И срѣтостася другъ с другомъ, цѣловастеся и плакасте, и оттолѣ не враждоваше Исавъ на Иякова, и живяше в мирѣ и любви, и почиташе Иякова, и служаше ему.

Но к жалости Ияковли прекрасная Рахиль во время беременности, идущи Иякову по пути, и близъ // (л. 29) иподрома Рахиль разрѣшися от бремени Вениаминомъ, и тамо умре. Какъ громомъ поразило Иякова о сем, долго онъ оплакивалъ любезную жену и ходилъ чрезъ каждую ночь на иподромъ.

Одныжды возвращался Ияковъ от гроба Рахилина, схватилъ его кто-то за плеча и началъ боротися со Ияковомъ, и долго они боролись. Однако же незнакомецъ сокрушилъ ему ногу, и поиде Ияков, храмая, и рече незнаемый: «Не мни, Иякове, яко ты с человекомъ брался // (л. 29 об.) еси, но с Богомъ, и посему не наречешися Ияковъ, но Израиль будетъ имя твое».

Информация об авторе / Information about the author

Скутельник Роман Николаевич
магистрант, Сыктывкарский
государственный университет
имени Питирима Сорокина

Roman N. Skutelnik
Graduate student, Pitirim Sorokin Syktyvkar
State University

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

55, Oktyabrskii Prosp., Syktyvkar, 167000,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

15.11.2025
17.11.2025
24.11.2025

^м Далее в рукописи взятое в скобки как описка *быти*.

